

УРАЛЬСКИЙ
снегоньим

ISSN 0134 - 241X

10 (748) октябрь, 2019

www.uralstalker.com



СВЯТИЛИЩЕ В ЛЕСУ



РОМАНТИКА
ПОСТАПОКАЛИПСИСА



ПРОГУЛКА С ОРНИТОЛОГОМ

Октябрь 2019

Главный редактор – М.Ю. Фирсов.

Редакторы разделов –
Н.В. Дудко, Ю.А. Марченков, Б.А. Долинго.

Консультант – Ю.А. Горбунов.

Литературный консультант –
В.Э. Абоян, А.А. Бочаров.

Худ. редактор, верстка – С.А. Секисов.

Корректор – Л.В. Ким.

Интернет – Е. Марков.

На обложке – Фото Е. Фирсова.

Редакция, издатель – АНО «Уральский следопыт».

Редакционный совет – Владислав Крапивин,
Сергей Казанцев, Геннадий Пращкевич,
Вадим Панов, Юрий Казарин, Дмитрий Байкалов,
Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

Наблюдательный совет –

• Асхаб Магомедович Асхабов.

Председатель отделения Русского географического общества в Республике Коми. Председатель Президиума Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, директор Института геологии, доктор геолого-минералогических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук.

• Владимир Николаевич Большаков.

Свердловское отделение Русского географического общества, Доктор биологических наук, профессор, академик АН СССР с 1987 г., академик РАН с 1991 г., советник РАН. Институт экологии растений и животных УрО РАН.

• Сергей Вячеславович Левыкин.

Оренбургское региональное отделение Русского географического общества. Заведующий лабораторией агроэкологии и землеустройства Института степи Уральского отделения РАН. Профессор РАН, доктор географических наук.

• Сергей Геннадьевич Захаров.

Председатель Челябинского регионального отделения Русского географического общества. Доцент кафедры географии и методики преподавания географии Челябинского государственного педагогического университета, кандидат географических наук.

• Николай Николаевич Назаров.

Председатель Пермского краевого отделения Русского географического общества. Заведующий кафедрой физической географии и ландшафтной экологии в Пермском государственном университете, доктор географических наук, профессор.

• Евгений Викторович Голубев.

Председатель Тюменского регионального отделения Русского географического общества. Проректор Тюменского государственного университета, Кандидат географических наук.

• Алексей Михайлович Прокашев.

Председатель Кировского регионального отделения Русского географического общества. Заведующий кафедрой географии Вятского государственного гуманитарного университета профессор.

• Игорь Юрьевич Шароватов.

Председатель отделения Русского географического общества в Ямало-Ненецком автономном округе.

• Оксана Александровна Гирман.

Председатель Курганского отделения Русского географического общества. Кандидат биологических наук, заместитель директора Департамента природных ресурсов и охраны окружающей среды Курганской области – начальник управления охраны окружающей среды.

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ». 2019 г.

Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Почтовый адрес редакции, издателя:

620075, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Телефон: +7(343)269-22-34

E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.com

Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке:

- Фонда Президентских грантов.
- Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям РФ.

«Уральский следопыт», №10 (748), 2019 г.

Издается с 1935 г., возобновлен в 1958 г.

Учредитель — ООО «Уральский следопыт».

Журнал зарегистрирован Федеральной службой

по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по РФ

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218,

выдано 18.08.2009 г.

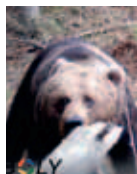
ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Материалы принимаются по электронной почте, на электронных носителях. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакционную правки. **Рукописи не рецензируются и не возвращаются.** При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле **тема.** Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна. Материалы, помеченные знаком **✂**, публикуются на правах рекламы.

Встречный ветер

Наши проекты

Н. МАЕВСКАЯ

Зачёт за костёр и палатку... 3

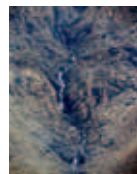


Заповедные земли

С.ЗИМИН

Папарацци

для зайца... 10



Экспедиция

Н.ВЕХОВ

На склонах

Рай-иза... 16



Быть молодым — здорово!

Н.ДУДКО

На руинах санатория

«Озеро Молтаево»... 46

Река времени

Кладовая истории

С.СКРОБОВ

Клады фотографа

Метенкова... 14



Родословная

Д.БАЛАКИН

«С родной

земли умри —

не сходи»... 21



Тропой поиска

Н.ПЕРШИНА

Павел Горский о селе Черемисском

в отчете Русскому Географическому

Обществу... 28



Родословная

Т.ЗЫРЯНОВА

Герои, которых

не помнят... 31



Клуб собирателей

В.БОЙКО

И страсть

захватила... 36



Версия

С.ПЛЕНКИН

Вятская история

Андрея Рублева... 40

Уважаемые читатели, оформить подписку на журнал

«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com»

вы можете через:

- Почтовые отделения России:
- Каталог Агентства «Роспечать», индекс 73413
- Каталог Агентства «Почта России», индекс П6316
- Агентство «УРАЛ-ПРЕСС»

Журнал
в журнале





Зачёт за костёр и палатку

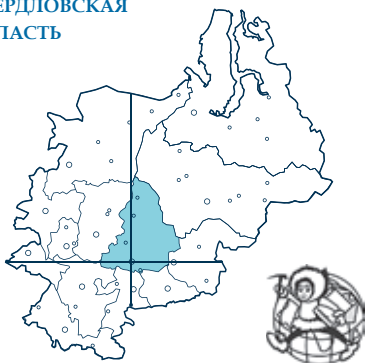
430 команд из разных городов Свердловской области приняли участие в X молодежном фестивале, посвященном Всемирному дню туризма



Наталья Маевская

Филолог. Журналист. Увлекается краеведением Урала.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ



Недалеко от острова Вайгач за Полярным кругом, далеко в море, ученые нашли еще один остров, на который не ступала нога человека. Этот остров представляет собой особый интерес для исследователей. Правительство решает отправить на остров группу молодых идейных ученых. Войти в группу совсем непросто... С такой легенды начался молодежный фестиваль «Осень «Уральского следопыта», собравший 21 сентября в Историческом сквере города Екатеринбурга более 2 тысяч детей и подростков, которые боролись за право войти в группу молодых исследователей.

Согласно легенде на время квеста все команды превращаются в студенческие группы Географического университета уральских следопытов. Ребятам предстояло

пройти как можно больше кафедр в составе институтов: Физической культуры и спорта, Военного дела и чрезвычайных ситуаций, Туризма, Экологии и природы, Моло-

Алена Денисова

Мне очень понравился этап «Катамаран» тем, что было страшно, но очень интересно.

дежной политики. За выполненные на кафедрах задания все команды получали печати в зачетки, переходя таким образом с курса на курс. Те, кто наберет наибольшее количество зачетных баллов, становятся победителями. Они получают красные дипломы и отправляются в экспедицию Русского географического общества для исследования вновь открытых в Северном Ледовитом океане островов.

С телефонами были только взрослые

Мы все, взрослые, ругаем детей (хотя сами их и приучили к этому), что они постоянно торчат в телефонах, не выпускают их из рук и ничто окружающее им не интересно. И совершенно напрасно! 21 сентября на Плотинке во время прохождения географического квеста с телефонами в руках можно было увидеть только взрослых — родителей, учителей, болельщи-

**Данил Зворыгин**

Нам очень понравился этап установки палаток, потому что мы часто ходим в турпоходы и этот опыт нам пригодится в жизни.

ков и просто зрителей. Потому что никакой телефон не поможет тебе разжечь костер, правильно подтянуться или отжаться, попасть в цель гранатой или из винтов-

Фестиваль организован Молодежным клубом РГО «Уральский следопыт» совместно с Министерством образования и молодежной политики Свердловской области, Министерством природных ресурсов и экологии Свердловской области, Министерством физической культуры и спорта Свердловской области, Департаментом образования Администрации Екатеринбурга, Комитетом по молодежной политике Администрации Екатеринбурга, региональным отделением ДОСААФ России по Свердловской области.





ки, потушить пожар, переправиться на катамаране и многое-многое другое — на квесте было представлено более 70 самых различных конкурсных этапов.

— Мы все не успеваем пройти, — чуть не плача говорил

на одном из этапов очень ответственный участник квеста — зеленый плащ с символикой, выданный при регистрации, доходил ему почти до пятки.

— Успеем, шевелитесь, — подгоняла команду классный руководитель.

Команда гимназии № 104

Было очень увлекательно, весело и необычно. Мы были в восторге от прохождения всех этапов. Очень понравилось прохождение командных этапов, например, нужно было пройти вокруг фонтана «гусеницей». Катамаран вызвал бурю эмоций: от страха до радости выполненного задания. Показали свои возможности: силу, ум, сообразительность, приобрели много новых навыков.

Возраст, пол и населенный пункт не имеют значения

Количество участников квеста превысило самые оптимистичные прогнозы организаторов. В этом году в центре Екатеринбурга собралось 430 молодежных команд (с учетом сопровождающих команды учителей и запасных участников команд — более 2,5 тысячи человек). Если к этому прибавить более 300 волонтеров-организаторов конкурсных этапов, и болельщиков, и родителей, то число пришедших



Участники квеста получили традиционные сертификаты, ветровки-дождевики с символикой Молодежного клуба РГО «Уральский следопыт», журналы «Уральский следопыт». Победителям вручили призы и подарки, руководителям команд — благодарственные письма. Была организована полевая кухня, раздавали бесплатно мороженое.



Светлана Костылева

Я считаю, что это самое лучшее мероприятие в Екатеринбурге, и советую всем его посетить.

в этот сентябрьский субботний день явно превысило 3 тысячи! Участники были из разных городов и населенных пунктов Свердловской области: Екатеринбург, Нижний и Верхний Тагилы, Кировград, Краснотурьинск, Сухой Лог, Первоуральск, Полевской, Заречный, Рева, Реж, Новоуральск, Ирбит, Косулино, Кедровка и многие другие.





Михаил Семёнов, координатор проекта:

— Мероприятие прошло, я считаю, отлично. Участников квеста в этом году было в два раза больше, чем обычно. Добавилось много новых интересных конкурсных этапов. Фестиваль «Осень «Уральского следопыта» завершил проект, поддержанный Фондом президентских грантов.



Виолетта Волкова

Нам все очень понравилось! Больше всего этап «Фотокросс» и этапы в музее.

Участники тоже были разного возраста — и маленькие пятиклашки из школ и гимназий, и взрослые студенты-старшекурсники колледжей, техникумов и вузов. Были команды как смешанные, так и чисто мужские (суворовцы например!) и девчачьи. Причем для успешного прохождения этапа возраст-получебное заведение-населенный пункт не имели никакого значения. Бывало, что маленькие девчуски спокойно и уверенно разводили с двух спичек костер, а взрослые брутальные парни не могли ровно и правильно поставить палатку.

Даша Михалицина

Такого крутого мероприятия, как «Осень «Уральского следопыта», я больше не знаю! Все было красочно, ярко! От нашей школы 96 города Екатеринбурга выехали 8 команд, все дети в восторге! Много интересных этапов на любой вкус, веселье на протяжении многих часов и даже горячий вкусный обед! Спасибо вам огромное!



Андрей Зайнуллин

Классный этап с угадыванием растений, когда тебе завязывают глаза.

Свердловского филиала компании «Т-Плюс», разных вузов Свердловской области. Природные парки «Бажовские места», «Висимский заповедник», «Оленьи ручьи», Минералогический заказник «Режевской» и другие тоже организовали этапы испытания для участников.

— Справляются по-разному, в основном неплохо, — делятся судьи этапа, где нужно правильно установить палатку.

— Берите, мама с собой положила, — находчивый мальчуган предлагает судьям угоститься бутер-

— Только не выражайся! Только не выражайся! — заклинали сокомандники парня, повисшего на веревке на этапе «Переправа». Чуть-чуть не добрался до финиша — сорвался, ругнулся. Все засмеялись. Высокий балл все же заработал.

А судьи кто?

Судьями на этапах — теми, кто оценивал и ставил оценки в зачетки команд (они же и организаторы данных конкурсных этапов) — были представители Федерации альпинизма, ДОСААФ, Уральского отделения Российской Академии наук,

Ярослава Коротаева

Мне понравились этапы от «Т-Плюс», с болотом, огнетушителем. Были все интересные и познавательные.



Юлия Суворова

Очень понравился этап с жумарами!
Ребята, все, кто смог подняться все пять раз, вы реально КРУТЫЕ!!!

бродами и пищей из своих немалых запасов. — «Пятерку» поставите? — спрашивает через секунду после угощения. Только «четверку»? Ууууууу.

Победитель каждый!

Дети-участники все разные. Кто-то думал-заморачивался за название команды — «Похитители любопытных абрикосов: Возвращение», «Отсталые смешарики», кто-то просто именовался по номеру своей школы. Одни бегом бежали от этапа к этапу, другие — ходили спокойно. Одна команда чуть не до слез переживала невысокую оценку, другая — спорила с судьями. Все это неважно!

Важно, что каждый участник квеста в этот день смог испытать себя, свои силы, проверить знания, убедиться, что победить можно, только действуя сообща — одной дружной командой. **УС**



Победители и призеры

Учащиеся 5-8 классов:

- 1 место — команда «НеМОЛОКО», гимназия № 70, Екатеринбург
- 2 место — команда «Дружнята», школа № 97, Екатеринбург
- 3 место — команда «Экстримы», школа № 136, Екатеринбург

Учащиеся 9-11 классов:

- 1 место — команда «Беркут», ЦРТ им. Бобровой, г. Полевской
- 2 место — команда «138 меридиан», школа № 138, Екатеринбург
- 3 место — команда «Копатычи», школа № 8, Верхний Тагил

Студенты колледжей и техникумов:

- 1 место — команда «Фаворит», Свердловский областной медицинский колледж
- 2 место — команда «Команда без названия», Екатеринбургский энергетический техникум
- 3 место — команда «Энергия РЭТ», Екатеринбургский энергетический техникум

Студенты высших учебных заведений, работающая молодёжь:

- 1 место — команда «Лестеховцы», УГЛУ
- 2 место — команда «Где здесь выход», педагоги МАОУ СОШ № 50
- 3 место — команда «Неунывающие следопыты», АО НПО Автоматики

Военно-патриотические клубы и организации:

- 1 место — команда «Кадеты-Спасатели», Уральский техникум «Рифей»
- 2 место — команда «Уральские богатыри», Екатеринбургское суворовское военное училище
- 3 место — команда «Дискавери», Екатеринбургское суворовское военное училище

Папарацци для зайца

Фотоловушки на службе заповедной науки

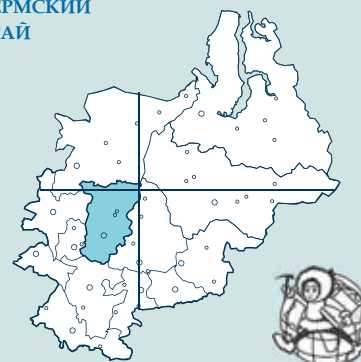


В наш век цифровых технологий ученые имеют возможность исследовать различные явления наблюдаемых ими объектов живой и неживой природы с наибольшей эффективностью, при этом получая более полную и качественную информацию.

Заповедная наука не осталась в стороне, и уже никого не удивить использованием спутниковых приборов слежения за миграциями животных, портативными quadro-

▼ В настоящее время фотоловушки стали незаменимыми помощниками в научных исследованиях

ПЕРМСКИЙ
КРАЙ



Сергей Зимин

С 2017 года работает в ФГБУ «Государственный природный заповедник «Вишерский». Окончил Вятскую сельскохозяйственную академию. Биолог-охотовед. Занимается изучением охотничье-промысловых млекопитающих.



◀ Изображения расскажут о многом в разгар гона лосей

удовлетворение. Просто очень часто натуралисту необходимо быть в разных труднодоступных участках в один период, но на это не хватает физических сил, времени и, как говорится, «хоть разорвись». Тем более, наблюдая за животными из укрытия, постоянно есть опасность быть обнаруженным — глядишь, а зверя уже и след простыл.

Но постоянный мониторинг необходим. И именно в этом случае неоценимую помощь оказывают фотоловушки.

Этот нехитрый прибор в холод и жару, днем и ночью реагирует на движение в режиме «фото» и «видео», записывая происходящую в тайге жизнь. Сейчас практически все научные отделы заповедников взяли его на вооружение. Что и говорить — обмен информацией стал более интересным и насыщенным.

В заповеднике «Вишерский» фотоловушки применяются с 2016 года. Уже за этот короткий период с их помощью стала пополняться база данных о состоянии попу-



▲ Ночной снимок молодой пары лосей в октябре на путях миграции

▶ Самка северного оленя в мае все еще в зимней «шубке»

коптерами, космическими снимками. Все это совместно с традиционными методами наблюдений, где главные помощники — это потертый полевой дневник и карандаш, несомненным образом обогащает наши знания и представления о братьях наших меньших. Ученым-исследователям нередко приходится проходить сотни километров маршрутов, сутками находиться в различных «засидках», чтобы получить достоверные сведения о жизнедеятельности редких зверей и птиц, неизбежно при этом испытывая все сопутствующие тяготы и неудобства. Хотя в этом нет ничего особенного, работа есть работа, тем более если она приносит

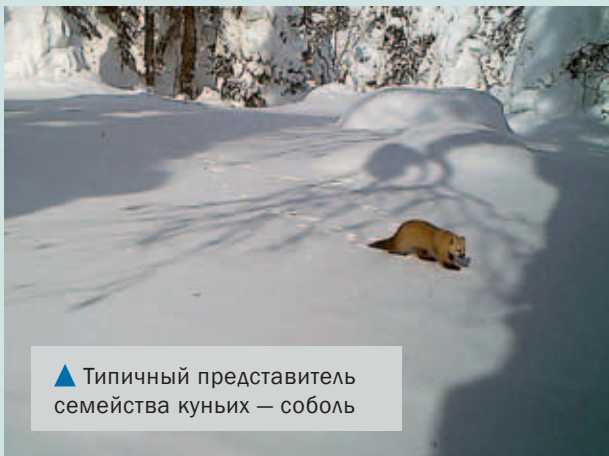
▶ Эти лоси остались на территории заповедника на зимовку







◀ Нередко звери обращают внимание на срабатывание фотоловушек



▲ Типичный представитель семейства куньих — соболь



▲ Горностай — редкий кадр

ляции, общих тенденциях численности млекопитающих, их половозрастной структуре, выживаемости молодняка, скорости роста, поведенческих реакциях, ходе линьки и смены рогов, ежегодных кочевках и миграциях, начале отела и гона, об идентификациях животных по внешним признакам. Также получаемая информация

пользуется успехом в работе с населением по экологическому просвещению как наглядное пособие о жизни лесных обитателей.

Наиболее частым гостем перед объективом камеры в заповеднике «Вишерский» является лось. Это и неудивительно, так как он является самым распространенным из диких копытных на охраняемой тер-

ритории, а приборы установлены как раз на звериных тропах.

Помимо лосей, «регистрируются» дикие северные олени, медведи (показывают наибольшую активность после выхода из берлог), соболя, зайцы-беляки и другие обитатели.

Вот вашему вниманию некоторая фотоподборка с видеороликов. **УС**



▼ Глухарка в апреле. По снимку можно предположить о наличии поблизости глухариного тока



▼ Бурые медведи на Северном Урале начинают выходить из берлог еще по глубокому насту

Клады фотографа

Сколько «схронов» сделал самый известный

В 1923 году в Свердловск приехала Александра Владимировна Поршнова. Работы не было, жилья тоже. И решила она устроиться домработницей к доктору Карнаухову, бывшему в 1920-е годы директором местного тубдиспансера. Место проживания ей определили в помещении канцелярии... на кушетке. Учитывая, что других вариантов не было, так она и прожила здесь пять лет.

И вот однажды, году в 1925-м, доктор Карнаухов приказал провести в доме канализацию. Естественно, решили проложить трубы через все здание. И как на грех — именно через комнату, где ночевала домработница.

Рабочие вскрыли деревянные полы, после чего в тубдиспансере начался ажиотаж. Под половицами пола было обнаружено огромное количество посуды и рюмок в коробках, сахарницы и гравированные столовые ножи. В общем, «не хуже, чем у других». Может быть, там было еще и поценнее что-то, но домработница Поршнова о том так и не узнала. Ее работодатель срочно выгнал всех из помещения «для разбирательства». Как водится, «куда сдали все найденное», так и осталось загадкой.

Так в Доме известного уральского фотографа Вениамина Метенкова был найден клад, который он спрятал от большевиков, уходя с белыми в Сибирь в годы Гражданской войны. Но, как показало время, это был не единственный тайник,



который организовал екатеринбургский фотоделец конца XIX — начала XX веков. К его сожалению, все, что он прятал с завидным постоянством, находили.

Метенкова даже арестовывали в апреле 1931 года, требуя выдать «спрятанные капиталы». Новым советским властям, видимо, надоело церемониться с «бывшим буржуем». Он же в свое оправдание писал следователю: «... В силу моего мяг-

кого характера и моей деятельности я никогда не помышлял о накоплении и все средства употреблял на развитие своего любимого дела».

Проведя три недели в тюрьме, Вениамин Метенков вышел на свободу. Но на чердаке дома фотографа Метенкова кто-то находит две сломанные серебряные ложки. Конечно, может, их туда выкинули еще и до революции. Зато появился новый повод допросить бывшего



Метенкова

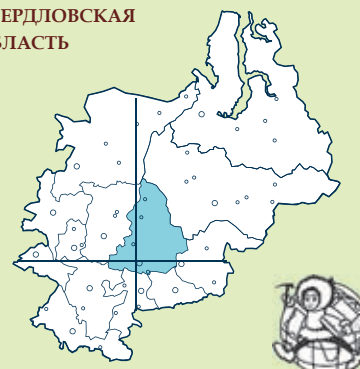
фотограф Екатеринбурга?



Сергей Скробов

Екатеринбургский историк искусств, журналист, фотограф. Автор многих исследований и книг по истории Екатеринбурга и Урала. Хранитель Музея истории Екатеринбурга.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ



Иллюстрации
предоставлены автором



▼ Интерьер магазина Метенкова

владельца особняка и привлечь его «за укрывание ценностей».

Заодно решили обыскать и его бывших помощников. Вот тут-то местных правоохранителей ждала «радость». У бывшего помощника Зейферга, жившего на улице Толмачева, нашли ... всю (!!!) нераспроданную метенковскую фототехнику. Так у новых советских властей появилось огромное количество фотографической техники и ценных химических реактивов. А Зейферга отправили в тюрьму.

В марте 1933 года от всех жизненных неудач, к которым прибавилась и смерть дочери Нины, и попадание под автомобиль самого ма-



▲ Реклама магазина Метенкова

стера, Вениамин Леонтьевич Метенков скончался, так и не открыв даже родственникам всей правды о спрятанных сокровищах семьи.

А в январе 1977 года местные энтузиасты решили вскрыть полы второго этажа старого особняка на бывшем Вознесенском проспекте «с целью поиска тайника бывших владельцев Дома Метенко-

ва». Но директор Свердловского института туберкулеза (находившегося в «бывшем доме Метенкова» на ул. К. Либкнехта, 36) Бердин посчитал, что не стоит тревожить работников лаборатории микробиологии, а соблюдать «охрану этого помещения» посчитал излишним.

Так что, возможно, где-то в Доме Метенкова есть и другие «схроны» знаменитого фотографа. Как говорится, «надежда еще есть»! А в той комнате, где нашли посуду уральского фотографа, сейчас находится рабочий кабинет... сотрудников Музея уральской фотографии. **У**

◀ Выставочная витрина 1887 года Метенкова на выставке УОЛЕ





▲ Каровые озёра на Рай-изе. Турклуб МАИ

**Николай Вехов**

Кандидат биологических наук. Занимается исследованиями в области истории и культуры Русского Севера, русских путешествий и путешественников. Участник многочисленных экспедиций. Автор более 600 научных и научно-популярных работ. Давний автор «Уральского следопыта». Живет в Москве.

**ЯМАЛО-НЕНЕЦКИЙ
АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ**



На склонах Рай-иза

С орнитологом Владимиром Морозовым мы предприняли из Воркуты поездку на Рай-из и имели счастье вблизи познакомиться с этой природной достопримечательностью Полярного Урала.

В середине августа добрались на поезде из Воркуты до разъезда 135 км, где обосновалась наша другая экспедиция ботаников во главе с Анатолием Кулиевым. На третий день пребывания в долине Соби, под вечер, надули лодку, погрузили в нее вещи. Наш «ковчег» быстро подхватила горная река, стала некоторых усилий, а я сидел на веслах, чтобы лодка стал послушной. Часа полтора, черная понемногу в лодку воды, мы неслись среди камней и поваленных деревьев, утонувших кустарников, предательски подтопленных и представляющих большую опасность.

За траверсом бывшего разъезда Красный Камень, на правом бере-

гу Соби мы заметили подхитившую к урезу воды старую вездеходную дорожку. Возможно, в этом месте была ранее переправа. Ведь по старой карте 1950-х годов примерно в этом месте, напротив, на левом берегу реки был железнодорожный разъезд Медвежий. Решили чалиться здесь. Но вылезать из лодки, где между нашими ногами были буквально вбиты два рюкзачка, было непросто, тем более в корму постоянно подливалось бившейся в берег струей воды. Вылезли на берег, с трудом разогнули спины, они затекли от сиденья в лодке.

Собрали лодку и двинулись к домику. От реки к нему тянулась тропа, и мы без труда нашли жилище. Нашей целью был старый геологический ба-



▲ Вид на Рай-из и водопад с северного склона долины р. Соби. Фото автора

лок, который поставили геологи МГУ в период лихих походов по Полярному Уралу у самого подножья гор. О нем они рассказали нам еще в Москве, но просили никому о нем не сообщать, видимо, боясь за сохранность надежного жилья в таком суровом месте.

Достигнув балка, мы были очарованы открывающимся вокруг пейзажем. От домика открывался незабываемый вид на север — разреженная лиственничная тайга, сплошь заросшая понизу живописным разнотравьем, да мелькающие между стволами лиственниц склоны сопок на левом берегу Соби. Особенно праздничными выглядели окрестности избушки во второй половине августа — начале сентя-

бря, когда днем, после первых ночных заморозков прихваченные холодом листья герани и чемерицы, купальницы и горца-«раковых шеек», расцветивались оранжево-желто-красными тонами. Довершала эту цветовую палитру начавшая желтеть хвоя лиственниц.

Лиственничник на склоне долины реки и редкий березово-осиновый лес по ее террасам были богаты грибными местами и ягодниками. Август в этих местах — удивительный месяц, когда все созревает одновременно: и грибы, и все возможные на Севере ягоды. Прочесывая эти уголья, мы собирали только отборные подберезовики и подосиновики, других не брали, хотя, помимо них, манили к себе нас, москвичей, жи-

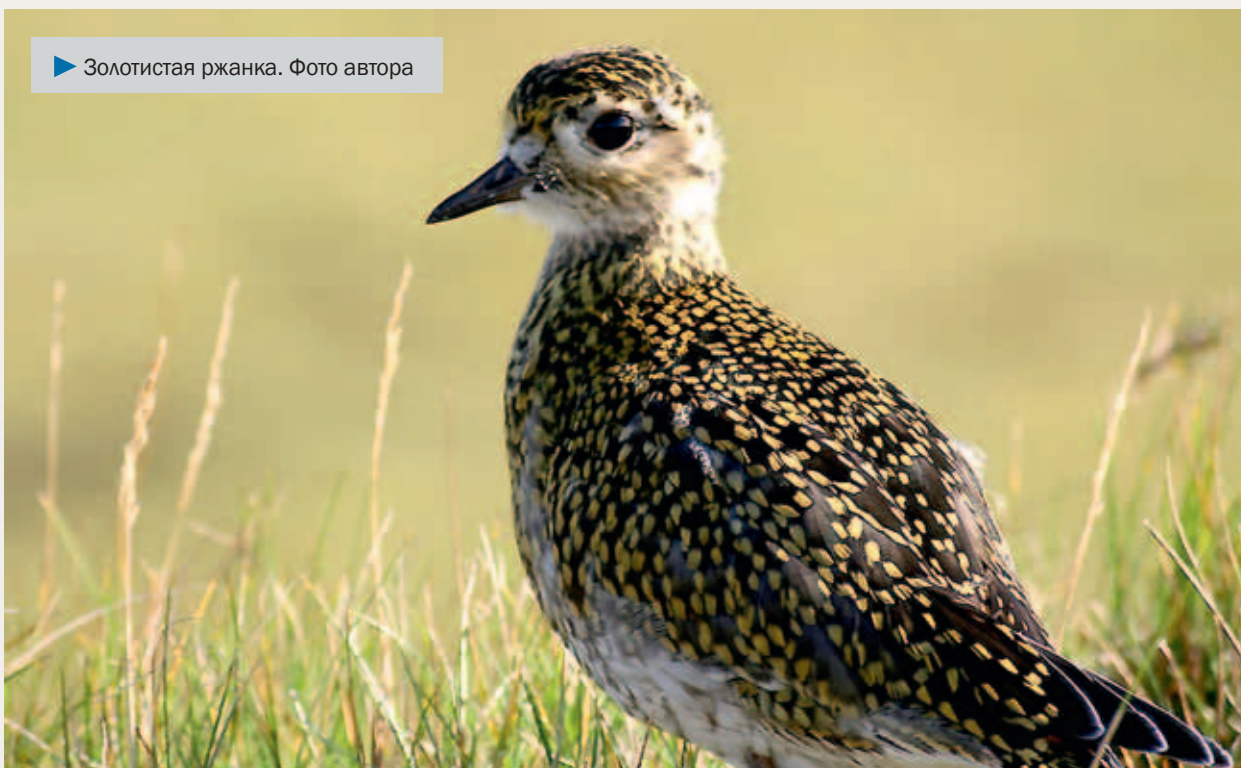
Рай-из (Райиз) —

горный массив, с которого начинается южная часть Полярного Урала (от северной ее отделяет долина реки Собы и железная дорога). Название произошло от русского слова «рай» и коми «из» — гора, Райиз — Райская гора. Высшая точка массива — вершина 1316 метров в центральной части.

телей огромного города, уже отвыкших от таких чудес природы, «россыпи» множества «солюшек» — груздей, волнушек, сыроежек. Незабываемыми оказывались и уральские ягодники. Заросли красной смородины в приречных ивняках, морошечники на моховых подушках между озерками, с их перезревшими и слегка забродившими ягодами, обсыпавшими своим оранжево-желтым цветом темно-зеленые с коричневой листвой. А какими чудесными выглядели зеленые пустоши с ерником (карликовой березой) к этому времени они покрывались сизо-синим налетом от огромного количества созревших черники и голубики.

Отворив дверь, вошли внутрь. В предбаннике, на ящиках лежало несколько поленьев, на полу валялись ящики из-под угля. Пройдя в «спальню», обнаружили двухъярусные нары, занимавшие все стены. Пара оконцев: одно — на гору, другое — на реку, оба застекленные. За стенами шумели могучие лиственницы, порывы ветра били в стекла, отчего те позвякива-

▶ Золотистая ржанка. Фото автора





▲ Вид на долину р. Соби. Фото автора



ли, в десяти-пятнадцати метрах неназойливо шумел по камням небольшой ручей, откуда мы брали хрустально-прозрачную, холодную воду. Сухой дом с полом и крышей, спальными местами, да еще у подножия заманчиво зовущей горы. Романтика, да и только! О такой первозданной идиллии можно было лишь мечтать. Ведь всего в каком-нибудь километре, может, чуть больше проходит железная дорога, этот непреходящий продукт современной цивилизации. Могут ли догадаться проезжающие в своих вагонах пассажиры о том, что совсем рядом с ними возможно существование подобного волшебного уголка дикой природы. Походив по домику, вдруг обнаружили, что он будто живой, слегка покачивается от любого нашего шевеления. Причина выяснилась быстро. Снятый с колес балонок когда-то поставили на деревянные «кубики», один из них просел. Расположились на лежаках, сварили легкий чай. Впереди, утром, нас ждал подъем. Поэтому мы невольно постоянно возвращались к предстоящему событию, представляя, как оно сложится.

Все это напоминало строки из рассказа «Дом для бродяг» писателя и геолога, выпускника Московского университета Олега Куваева, в 1950–1960 годах работавшего на Чукотке, и настраивало на философские рассуждения. И оттого, что на свете есть еще немало подобных мест, становилось приятно; значит, и там путешественники испытывают подобные чувства...

На следующее утро от домика мы начали наше восхождение на Рай-из. Часа полтора, и почти 600-метровая круча позади. Кому-то может показаться, что мы слишком медленно поднимались, это и понятно, у меня в рюкзаке

была спущенная надувная лодка, с которой я должен был брать пробы в каровых озерах, лежащих на вершине. Кстати, именно из этих озер начинается небольшой водопад, настоящая достопримечательность и визитная карточка Рай-иза, его прекрасно видно из окна проезжающего мимо по левому берегу Соби поезда.

Достигли вершины, обширного плато. Здесь дул пронизывающий ветер, но нам было жарко, со лба струился пот, мы шли с непокрытыми головами. Началась редкая морось, клочья серых облаков неслись мимо нас. В километре с лишним заметили антенны. Это — домик метеостанции. Но наш путь лежал к двум карам, вдавленным в боковой части северного склона Рай-иза, тут лежали два, которые мы до того видели только на карте.

Представшая перед нами картина «крыши мира», вершины Полярного Урала, несколько разочаровала. Да и вправду, всего-то километр с лишним, пологая местность, заваленная самыми разными по величине камнями и валунами, окатанными и угловатого облика. Среди них небольшие развалы щебня, кое-где высятся осоки и злаки. Летают какие-то птахи из воробьиных. Орнитолог сразу же помчался их считать и определять, быстро исчезнув из виду за очередным валуном. А я отправился на озера. Подойдя к обрыву кара, я некоторое время любовался его первозданной, необузданной красотой. Суровость тут была во всем. Кар, вернее это все-таки цирк, имеет почти отвесные склоны, наверху увенчанные неровной короной из валунов и обломков скал. На его северных склонах приотпились несколько крупных снежников-перелетков, слегка под-

таивающих в течение всего лета и снабжающих озера талой снеговой водой. Кое-где заметны зеленовато-серые пятна злаков и осок. Внизу блестят два блюдца озер; одно — покрупнее, другое — поменьше. Я спустился к воде, надул лодку, привязал к уключинам один десятиметровый конец, сел в нее и оттолкнулся от берега. На середине кара, в центре озерной воронки, я опустил свой лот, но привязанный на нем груз не достал дна, пришлось надвигать его другим, таким же. Но и удлинив свой лот, дна я так и не достал. «Двадцать

метров с гаком», — подумал я, и это при длине озера всего в пару сотен метров. А каков как? Больше свободных концов у меня не было. Вода в озерах оказалась на удивление теплой, не ледяной, как можно было ожидать на этой высоте, да при сильном северном ветре, 8–12 °С.

Спускался я с Рай-иза уже один, мой компаньон-орнитолог, закончив свои наблюдения быстрее меня, оказавшись внизу. Я увидел его сверху идущим по тропе к балку. Сам я подошел к истоку ручья, водопадом обрывающимся вниз, решил лезть по камням левого берега, чуть отдалившись от воды. Местами попадались небольшие окатанные валуны, которые преодолевались довольно просто. А нередко были участки или отвесных скальных стенков, или огромных угловатых осколков скал. Их я преодолевал, съезжая на «пятой точке», предварительно спустив вниз до следующей ступени на веревках рюкзак. Уже спустившись, обнару-

◀ Водопад с Рай-иза. Фото автора



нанги), где я продолжал гидробиологические исследования на озере Перевальном, я обнаружил в ее окрестностях исторические объекты прошлого.

С левой стороны (по направлению к Лабитнанги) от полотна железнодорожного пути, метрах в 200–250, под верхним склоном долины верхнего течения одного из притоков реки. Соби я обнаружил остатки не то землянок, не то других бывших жилых сооружений. Это были прямоугольные углубления в грунте (глубиной до 30–50 см), по бокам которых сохранились фрагменты досок и бревен, изначально наклоненных к центру. Видимо, первоначально они смыкались наверху, создавая образ шалаша. Боковые скаты этих нор-землянок, были покрыты вырезанными пластинами грунта с растительностью, кое-где даже были заметны куски толя. Конечно, «стропила» крыши уже развалились, прогнили; сохранились лишь кое-где фрагменты, но пластины грунта надежно держали их основания. В Москве я выяснил, что это был лагерьный пункт строителей знаменитой мертвой железной дороги, которую в конце 1940-х — начале 1950-х годов тянули на восток от станции Чум на Лабитнанги, а затем — через Западно-сибирскую тундру и болота к Норильску. Удивительно, прошло около 40 лет после окончания стройки, а многое еще держалось на дневной поверхности. Фрагменты посуды, обуви, каких-то инструментов.

На левой стороне от полотна дороги находится небольшое озер-

◀ Долина р. Соби под горой Рай-из. Фото автора

▼ Железная дорога Чум-Лабитнанги. Поезд поднимается к перевалу. Фото автора

жил идущую вдоль склона горного массива еле заметную в камнях и пожелтой траве не то дорогу, не то тропу. Пройдя по ней несколько десятков метров, увидел скорбный столбик. Видимо, тут кто-то погиб. Да, Полярный Урал так просто никому не сдавался.

Станция Лабитнанги

Когда-то мы с сыном и женой в июле жили у бывшей станции Полярный Урал (сейчас она исключена из списка станций и остановочных пунктов ветки Чум — Лабит-

Лабитнанги —

небольшой город в ЯНАО, расположенный на реке Оби, напротив столицы округа. Площадь населенного пункта составляет 22 квадратных километра. В начале 19 века на месте современного города было хантыйское стойбище. В 1932 году в поселке появился колхоз, в котором люди занимались рыболовством, оленеводством и охотой. В 1948 году построили железнодорожную станцию, а спустя 4 года населенный пункт был преобразован в рабочий поселок Приуральского района. В августе 1975-го населенный пункт получил статус города окружного подчинения.

цо, к нему вела еле заметная дорога. Озерцо все лежало в камнях и скальных выходах. Один скальный выход был больше других; к нему-то и вела грунтовая дорога. Вся территория вокруг озера была окружена остатками изгороди с обрывками колючей проволоки, опять обилие «фрагментов» человеческого быта, те же проржавевшие формы для выпечки хлеба.

В нескольких сотнях метров к востоку от «вокзала» бывшей станции «Полярный Урал» я обратил внимание на уже заброшенный и порядком разрушенный фрагмент старого пути, отходящего на юг, в сторону поселения. На выровненной площадке, шириной в несколько метров, хорошо были заметны «ямы» для осмотра железнодорожных вагонов и локомотивов, фрагменты каких-то механизмов, места их крепления. Интересно, что опалубкой этих ям и основанием-полом для крепления механизмов служили толстые («сотки» не меньше, доски толщиной 100 мм) доски с древесинной розоватого цвета, после отщипа густо пахнущие смолой. Такую древесину могла иметь





◀ Железная дорога из Европы в Азию петляет по долине Соби. Фото автора

только лиственница. Вот и отгадка на невольный вопрос, куда же делись спиленные в долине Соби почти метровые в поперечнике лиственницы, пни от которых мы видели еще в первый свой приезд на Полярный Урал. С трудом укоренившиеся в этом регионе лиственницы, растущие на самом севере своего естественного ареала, веками борющиеся с суровыми природно-климатическими условиями Полярного Урала, сейчас бы «зелеными» взяты под охрану, шли на строительство объектов 501 стройки. Их пилили и до-

ставляли к месту строительства зимой, по снегу, от них-то и остались до сих пор торчащие пни, которые я со своими спутниками заметил во время первого приезда на Полярный Урал.

Сравнив толщину досок в опалубке осмотровых ям и на крепежных площадках, я удивился, как же все тут было рассчитано: толстый, кондовый лес шел для сооружения важных строительных объектов, а тоненькие доски — для обустройства жилищ-полуземлянок зекам. Все продумано, все четко. Как в известной песне: «Первым делом,

первым делом самолеты, ну, а девушки, а девушки, потом», главное — стройка, а зеки — по остальному принципу.

В 2000–2010 годах, когда я писал очерк об истории строительства железной дороги через Уральский хребет на восток, к Енисею, я связался с сотрудниками Музея вечной мерзлоты в Игарке. Я был рад, что моя информация дополнила имеющиеся у них сведения о бывшей легендарной «стройке века» — стройке 501/503, которая до сих пор хранит много тайн. Дело в том, что основная масса исследователей этого «циклопического» проекта кинулась на междуречье Оби и Енисея, в тундру и притундровые леса, где среди болот сохраняются остатки лагерных пунктов, железнодорожного полотна и техники, забывая, что событиями при строительстве западного участка дороги до станции Лабитнынгги никто не интересуется. Уверен, что и уральский фрагмент этой трассы может существенно обогатить летопись сооружения знаменитой дороги. **✎**

▼ Зброшенная метеостанция на Рай-изе. Турклуб МАИ

Встречный ветер

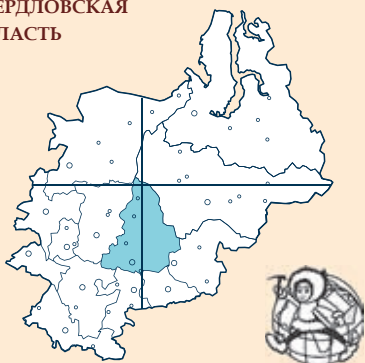




Дмитрий Балакин

Окончил заочно — УрГУ, истфак, живет в Екатеринбурге, увлекается краеведением и туризмом, последние 10 лет занимается историей лозьвинских манси.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ



Фотографии
предоставлены автором



▲ Поклонение медведю

«С родной земли умри — не сходи»

ИЛИ

История манси на территории Свердловской области в XVII–XXI веках

До заселения Урала русскими, большую часть территории Свердловской области занимал народ манси, именовавшийся в литературе и источниках до XX века «вогулы». Практически от истоков реки Исеть и далее на север прослеживаются мансийские географические названия, например, ближайšie к Екатеринбургу: река Нейва (Невья), река Быньга (Ялбынья), и чем севернее, тем преобладающими становятся мансийские топонимы. Если посмотреть карту области, то можно насчитать более 400 географических названий, имеющих мансийские корни.

При изучении документов и источников XVII–XIX вв., касающихся манси на территории современной Свердловской области, затрудняешься найти ответы на вопросы о динамике численности и местах проживания манси. Постоянное изменение административных границ уездов, различное епархиальное подчинение территорий проживания

ния вогулов, вариативность многих географических наименований привели к разбросанности и несоответствию данных в разных источниках. Например, в середине XVIII века вогулы среднего течения Лозьвы административно подчинялись Верхотурью, но находились в ведомстве Вятской епархии и платили ясак в Чердыни. Вогулы верх-

него и нижнего течения Лозьвы, всего Пельма, нижнего течения Сосьвы, Туры после слияния ее с Тагилом, относились к Тобольской губернии до образования в 1924 году Уральской области. Одни и те же юрты на р. Тошемка, притоке Лозьвы, в разных источниках могли называться «Юрта Бахтиярова», «Юрта Тошемского», «Кирина юрта», «Юрта Прокопия», «Тошемка-пауль», «Кимчупа-пауль». Так же процесс крещения и обрусения манси, переход их от традиционных занятий к земледелию и скотоводству приводил к тому, что они выпадали из статистики ясачных инородцев и причислялись к пахотным крестьянам.

Первые фамилии

Приведем в хронологическом порядке все имеющиеся в распоряжении данные о местах проживания и фамилиях вогулов, так или иначе связанных с территорией современной Свердловской области.

1599 год. Первые сведения встречаются в грамоте царя Бориса Федоровича Верхотурскому воеводе Ивану Вяземскому о ясаке с Лялинских вогул от 1599 года. В ней сказано: «Били нам челом Верхотурского уезда ясачные вогуличи пятидесятник Нергей Комкичев, от всех 30 человек Лялинских вогулич и сказали: ездят де от нас с Москвы в Сибирские города воеводы, и дети боярские, и всякие служивые люди, и из Сибири к Москве с нашею ясашною казной и с грамотами, а мы даем подводы до Усоля Камского и до Сибирских городов Тюмени и Пельма. А которые ясачные вогуличи живут на реке Сосьве, на Лозье, на Ивделе, на Улсе, на Вишере да на Печере, лошадей не держат и от Верхотурья живут далече». Далее сказано, что Лялинские вогулы просили об уменьшении ясака, на что царь ответил: «Велети с них ясаку убавить и их от наших служивых и от всяких людей и от обид и от насильства беречи». (Акты исторические Т. 2, 1841 г. стр. 24–25).

1607 год. В «Царской грамоте в Пермь Великую о сборе с Вишерских вогуличей ясака по окладу» перечислены: «Сотник Бурундук Авин да с ним восемь человек, его же Бурундуковой сотни юрты Велсуйской, на реке Велс, а в них живут 18 вогуличей, его же Бурундуковой сотни Печерские юрты на реке Печере, а в них живут 9 вогуличей. И всего Вишерских ясачных вогулич 35 человек, а Государева ясаку с них 4 сорока и 15 соболей». (Акты исторические, Т. 21841 г. стр. 112). 1626 г. Следующие данные содержатся в ясачной книге 1626 года. В ней перечислены юрты вогулов: при реке Туре — 3 (3) (в скобках количество ясачных людей, — авт.), при реке Тагил — 2 (16), при Салде — 4 (24), при Мугае — 2 (11), при Нейве — 1 (3), по верховьям Чусовой — 2 (49), при Ляле — 4 (44), при Сосьве — 1 (10), при Лозье — 2 (26), т.е. всего 190 человек. (Будинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Т. 1 Тюмень 1999 г. стр. 17. из Архива Министерства Юстиции. Сибирский приказ, книга № 10, л. 1036)

Если учесть, что ясак не платили женщины, дети, старые и больные, то общее количество вогулов, согласно данной ясачной книге, можно оценить в 500–600 человек. (Следует пояснить, что при указании количества юрт, составители книги под «юртой» име-



► Чум манси

ли в виду все поселение, а не отдельный дом, например, на Чусовой вогулы жили в двух деревнях Копчик и Бабенки общим количеством ясачных 49, а не в двух домах 49 человек). Если к этому количеству прибавить 94 ясачных вогулов, живших в Пельмском уезде по рекам Пельму, Тавде и нижней Лозье (Будинский. указ. соч. стр. 21, из Архива Министерства иностранных дел, Портфель Миллера, карт. № 478), а также вогулов верховьев Лозьвы и Пельма, то общее количество вогульского населения на территории современной Свердловской области в первой половине XVII века можно оценить в пределах 1300–1500 человек.

1681 год. В челобитной от 1681 года о переносе места сбора ясака говорится: «Царю государю и великому князю Федору Алексеевичу, всея Великия и Малыя и Белья России самодержцу, быют челом нищие бедные сироты твои Чердынского уезду Вишерские и Верх-

Печерские ясашные вагуличешки: сотник Тишка Ленков, десятник Омелька Рычков, Левка Бахтеяров, Якимко Соловаров, Бухонка Чибин, Сандрик Губин». (Дополнение к актам историческим. Т. 81862 г. стр. 16).

1710 год. Данные за этот год о количестве вогулов есть в «Переписной книге ясачных волостей Верхотурского уезда.», (РГАДА. Ф.214 Оп. 1 Д.1534). В ней сказано: «волость Подгородная на Ляле реке — 25 человек, волость на Сосьве реке — 52, волость на Лозье реке — 21, волость на Туре реке — 42 человек». Итого 140 ясачных вогул. Так как нет данных по верховьям Лозьвы и Пельмскому уезду, определить общее количество затруднительно.

1751 год. В донесении священника Верх-Пельмской волости митрополиту Тобольскому Сильвестру сказано: «... по Лозье реке в Першиных юрты (поселок Першино, пригород Ивделя. — авт.), где имеется часов-



► Мансийская школа



Уральский следопыт, октябрь 2019

ня, приезжают к новокрещенным вогуличам некрещеные вогулы, живущие по Лозьве до вершины верст с 200 и более и уповательно, чтобы от оных некрещеных вогуличей не воспоследовало к новокрещенным какого от христианской веры отвращения». Донесение было услышано, Сильвестр просил епископа Вятского, к епархии которого относились в то время манси верховьев Лозьвы, окрестить их и Вишерских вогул, что и было сделано в сентябре 1751 году игуменом Чердынским Иовом в деревне Сыпучи на реке Вишера. «Окрещены были Коня (Николай, авт.) Бахтияров, Трофим Укладов, Соловаров и др.». (Павловский В. Вогулы. Казань, 1907, стр. 96–97, из Архива Тобольской Духовной Консистории, дело № 39, 1751 г.). Так же в этом документе священником Ильинской церкви

ся, что они давно обрусели. Так Попов пишет: «... женятся на девках русских крестьян, отчего столько переменялись, что ничего отличного от русских крестьян не имеют, не все уже могут говорить по-вогульски, но русский язык все употребляют, так же в одежде, строении домов и во всем хозяйстве не видно никакого от русских крестьян отличия».

Вот что сообщает Попов о вогулах верховьев Лозьвы: «От Вишерских юрт до первых Лозьвенских, известных под именем Якшинских, что на правой стороне Лозьвы, не меньше 300 верст, от них вверх по Лозьве до Елкинских 15, от них до Мартыновой юрты, что на левой стороне речки Вижай, 60 верст, от Мартыновой до двух Бахтияровых, что на речке Тошемке, 20, от Бахтияровых до Якуниных двух юрт, что на пра-

к Березовскому округу Тобольской губернии». (Малиев Н.М. Отчет о вогульской экспедиции.)

Так как в перечисленных документах недостаточно точных сведений о численности вогулов, местах их проживания и названия юрт, оценить общую картину демографических процессов затруднительно. Можно лишь представить район их расселения и отметить, что названия юрт Бахтияровых, Першиных, Якшинных прослеживаются с середины XVIII века, а фамилии Бахтияров, Укладов и Соловаров встречаются у манси до сих пор.

Назвали «диким народом»

Приступая к изучению источников о вогулах на территории Свердловской области в XIX–XX веках, следует отметить, что интерес этнографов, антропологов, миссионеров ограничился, в основном, вогулами верховьев Лозьвы. Связано это, в первую очередь, с процессами ассимиляции. Как было сказано, уже в XVIII веке Чусовские вогулы деревень Копчик и Бабенки были вполне обруселые, от Вишерских к 30-м годам XIX века остается лишь несколько обруселых семей в деревне Усть-Улс. По данным Пермского статистического комитета в 1839 году в Верхотурском уезде по рекам Лозьве (от Першиной и ниже), Сосьве, Лобве, Ляле и Туре проживало 409 мужского и 382 женского пола вогул. В этом же документе сказано: «С 1822 по 1839 год перечислены из ясашных вогул в крестьяне государственного имущества 648 душ». (Малиев Н.М. Отчет о вогульской экспедиции, стр. 25). Малиев в своем отчете пишет: «При описании вогулов необходимо разделить их на две группы. Одни из них давно обрусели, значительно утратили свои национальные особенности, забыли родной язык и живут подобно русским крестьянам. Другие же, по образу жизни, могут быть названы диким народом, первобытным. Эти последние сохранили свое наречие, и как по наружности, так и по бытовым условиям, резко отличаются от обрусевших». В конце XIX века миссионерский отдел Екатеринбургской епархии при рассмотрении вопроса об открытии в Лозьвинской волости Верхотурского уезда, в деревнях среднего течения Лозьвы Лаче, Петровой, Митяевой, инородческих школ для манси, отмечал, что «вогулы вполне обруселые, особого наречия у них нет, учитель может быть без знания вогульского языка». А в 1907 году тем же отделом было принято решение передать три миссионерские школы в ведение Екатеринбургского Училищного совета, так как «школы давно утратили миссионер-



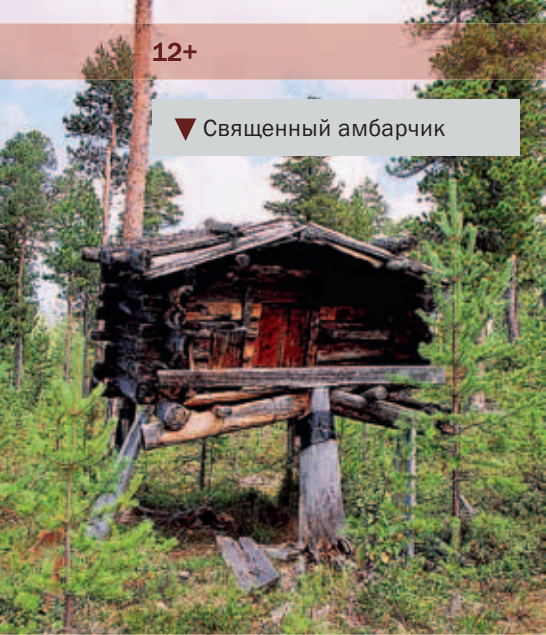
▲ Сумьях — постройка для хранения припасов

в Гаринской слободе сказано: «От церкви вверх по Лозьве до деревни Першиной, состоящей из пяти домов, вверх по Сосьве до деревни Мухтылы и вниз по Тавде всего 18 юрт новокрещеных, в них 206 мужского пола и 155 женского». (Павловский, указ. соч. стр. 99).

Конец XVIII века. Сведения о вогулах, относящиеся к концу XVIII века, есть у Попова Н.С. в его книге «Хозяйственное описание Пермской губернии». Он пишет: «В Кунгурском уезде обитают они в деревнях Копчиковой и Бабенки, да на реке Сылве в деревне Шигаевой. В сих трех деревнях, причисленных к Чусовской волости Кунгурского уезда, считается 76 ясашных вогул мужского пола». Необходимо подчеркнуть, что во всех упоминаниях о вогулах этих деревень говорит-

вой стороне Лозьвы, 40, от них так же вверх по сей реке до Красильниковых (не показана меры), еще вверх по Лозьве до последней Кривошеиной юрты на правом берегу, 15 верст». Отметим, что Попов, как и священник Верх-Пельмской волости в своем донесении от 1751 года, разделяют вогулов на верхне-лозьвенских, живших выше Першиных юрт, и Верхотурских, живших в Першиных и ниже по Лозьве, Туре, Лобве, Сосьве и Ляле. (Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии, Т. 3, 1811 г. стр. 52.). Особенно явно это разделение будет прослеживаться в XIX веке, в данных Пермского статистического комитета не учитываются вогулы севернее юрт Першиных, и связано это с тем, что «Вогулы эти в административном отношении причислены

▼ Священный амбарчик



ский характер, вогулы занимаются хлебопашеством, перечислены в государственных крестьяне и вогульский язык среди них почти совсем неизвестен».

Кроме ассимиляции, свою роль сыграла и миграция, например Вишерские вогулы с конца XVIII века, в том числе и Бахтияровы, переселились с западного склона Урала в верховья Лозвы, в это же время из документов пропадают сведения о самых южных вогулах, живших по рекам Тагил, Нейва, Салда, Мугай. Дело в том, что для ведения традиционной промыслово-хозяйственной деятельности одному поселению вогулов (пауль), состоящему из 2-5 родственных семей, необходимо несколько квадратных сотен километров лесных угодий, и манси остро чувствовали появление чужаков на своей территории. Открыли Бабиновскую дорогу, заступали топоры на строительстве Демидовских заводов, стали расчищаться леса под пашни, строиться плотины и закладываться рудники, в лесах промышленяло все больше русских охотников-манси тихо и незаметно уходили все дальше и дальше на север или ассимилировались, практически не оставляя после себя следов материальной культуры. И только на самом севере Свердловской области, в верховьях Лозьвы, Пельма, Ивделя находились несколько десятков семей вогулов «ясашных», занимающихся оленеводством и ведущих традиционный образ жизни, судьбу которых интересно проследить до наших дней.

В XIX веке сведения о местах жительства манси на территории Свердловской области есть у венгерского этнографа Антала Регули в его «Этнографическо-географической карте области Северного Урала, составленной Анталом Регули во время путешествия в 1844–45 гг.», и рабо-

Родословная

► Вогул в маске

чих планах к этой карте. (Reguli A. Karte № 1 Das debiet der oberen Lozva. 1844. Jan.11).

В 1872 году антрополог Малиев Н.М. посетил юрты Першины, Шеины, Юркины и описал 18 вогулов фамилий Бахтияровы, Елесины, Платоновы, Укладовы и Фадеевы. Так же он упомянул юрты вверх по Лозьве: Укладова, Елесина, Коврижина, Бахтияровых. (Малиев Н.М. Отчет о вогульской экспедиции 1873 г.). Такие же данные, но с количеством жителей, приводятся в Пермских епархиальных ведомостях (1883 г. № 52, стр. 716): «Першино в 10 верстах от Никито-Ивделя, мужского пола — 9, женского — 9, Юркино в 40 в, м. — 2, ж. — не указано, Шеина в 60 в, м. — 10, ж. — 9, Укладова в 80 в, м. — 3, ж. — 6, Елесина в 100 в, м. — 3, ж. — 3, Коврижиных в 140 в, м. — 6, ж. — 7, Тошемские в 200 в, м. — 24, ж. — 10». Далее упоминания о мансийских паулях находим у Ивдельского священника Афанасия Позднякова, в 1877 году совершившего миссионерскую поездку по Лозьвинским юртам. (А. Поздняков. Путешествия Никито-Ивдельского священника в юрты Верхотурских инородцев. // Пермские епархиальные ведомости 1877 г.). Он пишет: «После обеда мы с Николаем Каслоповым выехали на оленях с золотого прииска братьев Шаньгиных (в настоящее время поселок Северный, авт.) и прибыли в юрты Шеина (устье р.Тоньши, авт.) в пять часов вечера. После чего отправились в юрту Укладова (устье р.Карпия, авт.), оттуда, мимо юрты Елесина (устье р.Харпия, авт.), в юрты Коврижиных (озеро Савпаультур, авт.), в которых живут братья Николай и Яков Елесины, из юрт Коврижиных на следующий день отправились до юрт Тошемских. Благополучно добрались до юрты Кирилла Бахтиярова, на другой день посетили отстояние в 2,5 верстах юрты его братьев Игнация, Ивана и зятя Николая и живущего отдельно в 5 верстах по Тошемке его сына Николая».

В 80-х годах XIX века на Лозьве работали венгерские исследователи Бернат Мункачи и Карл Папаи. Они записали многие мансийские песни и составили карту с указанием поселений. Специалист по финно-уграм Н.И. Ромбандеева издала в 2015 году книгу «Старинные песни народа манси в записи Берната Мункачи 1888–1889 гг.». В ней упоминаются уже известные нам поселения вогулов, а так же встречаются новые: Тохтапауль на ручье Тохтапауль-сос, приток Тохты, Тарьгурватпауль на ручье Тарьгурсос, приток Тошем-



ки, Атымьяпауль на реке Атымья, приток Пельма. Встречаются и новые фамилии: Пакины, Куриковы, Самбиндаловы, Сотиновы (Сотины).

Интересно привести песню женщины, услышанную ею от матери, о бывшей деревне Пахвынгьяпауль: «На улице выйду, / Вверх по течению посмотрю, / Никакого человека нет. / Вниз по течению посмотрю, / В Пахвынгья-Тыт-Пауле, в моей деревеньке, / В огне обгорелые от построек столбы, / В трёх местах стоят, / Длинный плёс, где садится гагара, / Теперь вздыхающим лежит, / Вниз по течению посмотрю, / Высокий мой урман / Плачущим стоит. / После, как я умру, / Мой голос, как у звонкоголосой кукушки, / Больше здесь не будет услышан». В песне ярко отражена боль о запустении Лозьвинских паулей манси.

В 1901–1905 гг. финский этнограф Артури Каннисто предпринял поездку по Обскому северу. Во время этой поездки он собрал около 30 тысяч слов из различных диалектов вогульского языка, а также многочисленные сведения о вогульских вероисповеданиях, нравах и обычаях. Каннисто рассказывает в своих записях: «В сообщении, которое я получил, сказано, что вы хотите знать, как велико количество вогул. Поскольку раньше никаких точных сведений о количестве вогул не было, я решил дать ясность по каждой местности. Я собрал статистику по вогулам на Пельме, Вагиле, Лозьве, Конде, Тавде, Сосьве, Ляпину, а также по округу Тобольска. В каталог не вошли такие вогульские деревни, жители которых сегодня говорят только по-русски или по-татарски, потому что определение прежней национальности этих деревень не всегда возможно без архивных исследований. Так, село Першино на средней Лозьве я посчитал полностью русифицированным, поэтому вогулы этой деревни



◀ Национальная женская повседневная одежда

не попали в каталог. На Вагиле я собирал данные ранней весной, на нижней Лозьве осенью 1902 года, на верхней Лозьве и на верхнем Пельме весной 1903 года, на Тавде зимой 1903–04 годов, на Конде летом 1904 года». (Kannisto A., Nevalainen J. Statistik über die Wogulen. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura. 1969. S. 1–95 JSFOu 70/4).

Изобличили в шаманстве

К началу XX века можно с уверенностью определить всего 17 мест постоянного проживания вогулов, ведущих традиционный образ жизни: от верховий Лозьвы и по ее притокам вниз до Першино: Лусумпауль, Савпауль, Тошемкапауль, Анчутпауль, Анчутватпауль, Тохтапауль, Ялпиньяпауль, Карпиятыпауль, Таттитпауль, Панксатпауль, Торахпауль, по Ивделю и притокам: Платонпауль, Пома-тытпауль, Юрта Фадеева, по Пельму: Панкапауль, Суеватпауль, Атьмяпауль. Общее количество проживающих в этих паулях можно примерно оценить в 150–180 человек.

Следующие сведения дает в своих дневниках этнограф В.Н. Чернецов, побывавший на Лозьве в 1925 и 1938 гг. Он пишет: «На реке Пельм, недале-

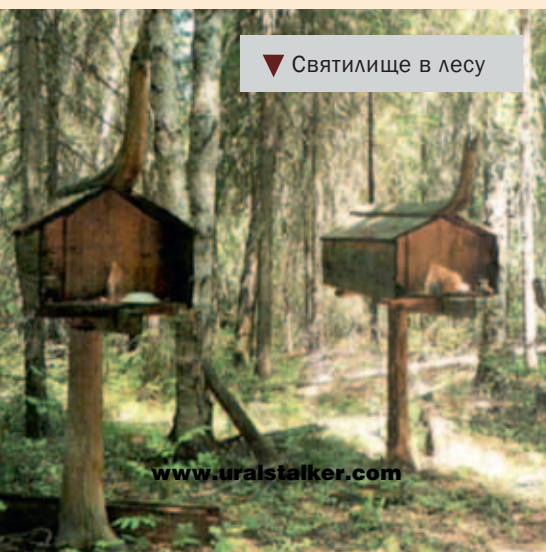
ко от Бурмантово, живут Куриковы (Старый Суеватпауль, авт.), на Лозьве, в верхней ее части живут Анямовы — Лусумпауль и Николай Елесин — юрта Елесина (Савпауль). Но все эти вогулы тяготеют к Няксимволу и принимают мало участия в жизни лозьвинских вогуль». Из списков населенных пунктов Тобольского округа за 1928 год узнаем: в Лусумпауле на р.Ахгыл проживает 30 человек. Далее Чернецов приводит список лозьвинских вогуль, (цитирую без указания женщин и малолетних детей, авт.): «Тошемкапауль на р. Тошемка — живут Бахтияров Прокопий Тимофеевич (55 л.), сын Александр (15 л.), сын Тимофей. Анчутватпауль (на Вижае в устье р. Анчут, авт.) живут: Бахтияров Иван Игнатъевич (70 л.), его сын Яков Иванович (40 л.), сын Илья Иванович (30), сын Василий Иванович (25 л.). Анчутпауль (верховья р. Анчут на р. Колхолмия, авт.) живут: Бахтияров Никита Яковлевич (46 л.), его сын Петр Никитич, Бахтияров Савва Еремеевич (38 л.), его сын Сергей и брат Егор Еремеевич (28 л.)».

Стоит привести интересный факт из судебного решения: Бахтияров Никита Яковлевич родился в 1879 году. Проживал в юрте Анчут Ивдельского района Свердловской области. Арестован 12 ноября 1938 года, осужден Свердловским областным судом 20 апреля 1939 года на 5 лет наказания в исправительно-трудовом лагере. Бахтияров изобличается в том, что он является шаманом среди народности манси, крупный кулак, имеющий до сего времени неизвестные органами Советской власти крупные стада оленей, на пастьбе которых он эксплуатирует бедняков манси. (ГААОСО Ф.Р-1 Оп. 2. Д.18870. Л.1.)

Далее по Чернецову: «Тохтапауль, на р.Тохта, приток Вижая, живут Бахтияров Василий Петрович (50), его сын Александр Васильевич (15 л.), Бахтияров Николай Кириллович (80 л.), его сыновья Петр Николаевич (40 л.) и Василий Николаевич (30 л.), с ними так же проживает Укладов Петр Алексеевич (46 л.). Яхтельяпауль — живут Бахтияров Василий Федорович (40 л.) с матерью, женой и детьми. Юрты на Лозьве около поселка Талица (русский поселок в устье р. Талица, авт.) — живут Анямов (Нерин) Филипп Иванович (30 л.) с отцом Анямовым Иваном, сыном Нико-

лаем и сыном Иваном. Юрта Укладова на Лозьве — живет Укладов Василий Алексеевич с женой, оба слепы от трахомы». Очевидно, что к этому времени мансийские юрты на Лозьве, от Вижая до Ивделя, пришли в запустение. Это связано в первую очередь с освоением русскими этого района: в начале XX века на Лозьве выше Ивделя появляются поселки Бурмантово, Талица, Кедровая, Лозьвинский, Шипичный, Собянинский, Селезневский. Так же Чернецов указывает юрты по Ивделю и притокам: «Тольгияпауль на реке Тольгия, приток Ивделя, живут Бахтияров Константин Васильевич (31 г), его сыновья Кузьма, Степан, Николай, Бахтияров Яков Иванович, его сын Николай Яковлевич (20 л.). Юрта у слияния Ивделя и Малого Ивделя, живут Бахтияров Владимир Васильевич (20 л.) с женой, сыном, братом Евгением (17) и тремя сестрами. Помапауль на берегу Помского озера, живут Фадеев Павел Иванович с женой и сыном Николаем, Бахтияровы Николай (28), Кирилл (25) и Павел (23 г.) Васильевичи, Самбиндалов Андрей (55 л.) с женой, Пеликов Григорий Степанович (28) с женой и сыном Семеном». Всего с женщинами и детьми Чернецов насчитал в 1925 г. 84 человека. Если прибавить манси верховьев Лозьвы и Пельма, то общее количество составит около 150 человек.

В феврале 1959 года случилась трагедия с туристами на перевале Дятлова и в материалах, собранных исследователями гибели группы, находятся протоколы допросов манси, живущих на р.Вижай в устье Анчуга в поселении Анчутватпауль. Из показаний Бахтиярова Николая Яковлевича: «Я женатый, имею на иждивении троих детей от 6-ти до 9-ти лет. Живем мы от пос. Вижай 60 км в верховьях р. Вижай (левый берег Вижая, выше устья Анчуга, авт). Там у нас имеется четыре юрты и одна старая юрта, в которой никто не живет. Там проживают мой брат родной Бахтияров Петр Яковлевич с семьей, родственники Бахтияров



▼ Святилище в лесу

▶ Ребенок манси с оленем, 1939 г.



Павел Васильевич с семьей, родственник Бахтияров Сергей Савельевич и его брат Бахтияров Прокопий Савельевич. Больше никто с нами не живет». Про пауль в верховьях Анчуга в протоколах допросов никаких сведений нет, на картах 60-х годов XX века на этом месте обозначены «избы нежил.», и, по всей видимости, там в это время уже никто не живет.

Так же в материалах, собранных исследователями тайны гибели группы Дятлова, имеется «Отчет о водно-пешем походе II категории сложности в р-не Северного Урала. Руководитель Козулицын В.Т. 1960 г.». Туристы этой группы, посетив юрты Тошемские на ручье Вапсос, составили список жителей:

«На солнечной полянке 4 домика, живет Бахтияров Александр Прокопьевич (50 лет), жена Варвара Кузьминична (45) и дети Петр (16) Мирон (14) Галина (11) и Альбина (6). Рядом, в 500-х метрах, еще два строения — сестра Александра Прокопьевича Соня (40) с мужем (65) и дочкой. В 1 км вторая сестра Александра Прокопьевича Мария с мужем Павлом Васильевичем (60 лет), и дети Бахтияров Александр, Бахтияров Тимофей, Бахтияров Николай, Бахтияров Кирилл и Бахтиярова Соня. Имеется еще брат Тимофей Прокопьевич с семьей в семь человек».

«Девки народ испортили»

Полностью список манси Лозьвы, Тошемки, Вижая и Пельма есть в выписке из похозяйственной книги Бурмантовского сельсовета за 1961–1963 годы, всего 146 человек. В список не вошли манси по Ивделю и его притокам, юрты верховий Ивделя, Тольтияпауль, Помапауль, Тальтияпауль, Тошемки (Южной), всего около 25 человек — Бахтияровы, Пакины, Пеликовы, находящиеся за границей Бурмантовского сельсовета. По сравнению со списком Чернецова, добавилось почти 35 манси в образованном в 1939 году новым поселке Суеватпауль на Пельме и 35 манси в паулях ниже по течению Пельма. Эти пельмские манси не вошли в подсчеты Чернецова, так как административно присоединились к Свердловской области только в 1924 году. На Пельме появились и новые фамилии: Тасмановы, Хандыбины, Дунаевы, Анемгуровы и Адины, распространенные среди манси на реке Северная Сосьва в настоящее время. Итак, с учетом ивдельских манси, в начале 60-х годов XX века на территории Свердловской области в традиционных мансийских поселках проживало около 170 человек.

В середине 60-х годов семья манси Анямовых перебралась из Суеватпау-



▲ Дом манси в тайге

ля и основали поселок Тресколье выше по Лозьве от устья Ушмы, куда в последующем переселились еще несколько семей.

Вот список жителей Тресколья за 1988 год:

1. Анямов Николай Васильевич, 1929 г.р. жена Александра Васильевна 56 л, дети Тимофей 25, Степан 24, Валерий 19, Анна 15.

2. Бахтияров Мирон Александрович, 1941 г.р., его дети: Прокопий 22 г., Тамара 18 лет, Андрей 13 л.

3. Анямова Прасковья Васильевна (вдова).

4. Пеликовы: Тимофей, 61 год, его жена Дарья Васильевна, 49 лет, дети: Ольга, 23 г., Анна, 19 лет, Алексей, 17, Андрей, 15, Миша, 13, Таня, 11.

5. Анямовы: Леонид, 54 г., его жена Нина, 54 г., дети: Данил, 20, Илья, 19, Мария, 17, Коля, 10.

6. Бахтияровы: Савва, 23, жена Таня, 22, дети Паша, Наташа.

Чтобы представить ситуацию, сложившуюся к началу XXI века, есть смысл привести цитату из статьи Е.В. Переваловой «Ивдельские манси: практика выживания». (Этнографическое обозрение, 2012 г., № 2): «На территории Ивдельского городского округа на 1 января 2011 г. численность манси составила 153 человека. Из них только 86 манси проживают на стойбищах и придерживаются традиционного образа жизни: юрта Пакина (Пома) — 4 семьи, юрта Пакина (Тальтия) — 2, Ушма и Тресколье — 12 семей, юрта Бахтиярова (Тошемка) — 1, юрта Бахтиярова (Ангут) — 2, Тохта — 1, юрты Куриковых (Пельм) — 3, юрты Хандыбины (Пельм) — 1. Остальные расселены в крупных населенных пунктах Бурмантово, Хорпия и городе Ивделе. Отмечается появление значительного числа новых «мансийских» фами-

лий — Черниев, Чернобровкин, Шемберберг, Хворостов, Крючек, Гриднев, Собянин, Петров, Матвиенко, Никотин. По этому поводу манси Алексей Пакин заметил: «Это девки наш народ испортили, за кого попало замуж бегут». Обычно такие связи заканчиваются появлением внебрачных детей и новых фамилий. Моноэтничных мансийских свадеб в Ивдельском районе не было более 10 лет, хотя в нем проживает немало мужчин-холостяков, даже среднего возраста».

Судьба печальна...

К настоящему времени сложилась следующая ситуация: в 2010 году по решению правительства Свердловской области для манси был построен поселок на месте бывшей зоны в устье Ушмы, притока Лозьвы, куда переехала часть жителей Тресколья. Сейчас в Тресколье остались жить Анямова Александра Васильевна с дочерью, внуком и внучкой, Пеликов Михаил с женой и двумя детьми. (К сожалению, Светлана Пеликова утонула с детьми на Лозьве в августе 2019 г.) В Ушме постоянно проживают Анямов Степан Николаевич, Бахтияров Андрей Миронович с женой и двумя детьми, Дунаев Илья, Бахтияров Савелий Павлович, Анямов Николай Леонидович с женой и двумя детьми, Анямов Роман Николаевич



Уральский следопыт, октябрь 2019

с сыном Николаем, Анямов Валерий Николаевич с матерью, Анямова Альбина Мироновна с дочерьми Галиной и Верой. В Тошемкапауле, на ручье Вапсос, до последнего времени жил Бахтияров Прокопий Тимофеевич, 1956 г.р., но и он по состоянию здоровья практически постоянно проживает у дочери в Няксимволе. Пельм полностью опустел, из 70-ти манси, проживающих там в начале 60-х, к настоящему времени остался только Хандыбин Владимир в районе р.Посырья, да Куриков Александр Николаевич недалеко от устья р. Ворник. На притоках Ивделя, на р. Поме, проживает пять манси Пакиных, на р.Тальгии десять человек так же Пакиных. Итого около 40 манси, проживающих в шести национальных поселках.

Очевидно, что процесс ассимиляции манси, начавшийся с приходом русских на Урал, успешно продолжается и в наши дни. И хотя манси входят в перечень коренных малочисленных народов Севера (КМНС), по отношению к которым, согласно статье 69 Конституции РФ, государство берет на себя особые обязательства по обеспечению их развития и сохранению самобытности, проблемы остаются те же, что и в XVII веке. Но при царской власти уголья брались в аренду или выкупались у вогулов, тогда как сейчас законодательство Свердловской области не признает никаких родовых угодий, статус КМНС — пустой звук. В области нет ни одного закона, поддерживающего малые народности, в отличие, например, от соседнего Ханты-Мансийского округа, имеющего одну из самых мощных законодательных баз. Как пример, можно привести «выдавливание» Пакиных с Тальгии комбинатом «Святогор», продажу с аукциона в аренду земель на Тохте и Тошемке под охотхозяйство, вместе с проживающим здесь более 250 лет родом Бахтияровых. И сколько бы ни писал Прокоп Бахтияров на своей охотничьей избушке «родовые уголья Бахтияровых, охота зарпещена», никого это не волнует. Охотничья база на Тохте построена, будка спутниковой связи, стоявшая на ручье Вапсос у дома Бахтиярова, перевезена на базу. О бывшем хозяине ее напоминает только надпись: «С родной земли умри — не сходи». Сошел. Управляющий Тохтинской базой неофициально дает понять, что манси здесь не место.

В административных структурах Урала нет департаментов по национальной политике, вопрос поддержки коренного малочисленного населе-

ния Свердловской области находится в ведении уполномоченного по правам человека и правительства. В 2003 году правительством Свердловской области впервые было принято постановление «Об утверждении мероприятий по социально-экономическому развитию коренных малочисленных народов Севера (манси), проживающих на территории Ивдельского городского округа, на период до 2011 года». Но, практически, из всей программы была выполнена только постройка 10 домов в Ушме, закуплено несколько снегоходов «Буран», вахтовка и вездеход (последние до манси не дошли, находятся в Ивделе и возят туристов).

Постройка поселка Ушма для манси сыграла, на мой взгляд, скорее негативную роль. Конечно, с точки зрения областных властей, оказывать социальную и другую помощь манси, кото-

рые собраны в одном месте и до которого есть дорога, легче. Но дело в том, что поселок Ушма — это ворота для рыбаков, охотников, джиперов, водителей квадроциклов и снегоходов, туристов, идущих на перевал Дятлова, Маньпупынер и сплавляющихся по рекам. И достаточная часть этой армии считает своим долгом приобщиться к «этнографии» — поговорить, сфотографироваться, а зачастую и угостить спиртным. Манси, лишенные в конце 80-х годов поддержки государства, перестали пасти оленей, нигде не работают, живут охотой и случайными заработками у туристов, превращаются в ряженых и деградируют. Такова печальная судьба народа манси-вогулов, некогда являющихся настоящими хозяевами Уральских гор и населявших до 70% территории современной Свердловской области. **УС**

ВАШЕ ЗДОРОВЬЕ В ВАШИХ РУКАХ!

Малый и большой бассейны Спортивного центра «Верх-Исетский» ждут вас!
Обучение плаванию детей (от 1 года) и взрослых, свободное плавание,
работа в группах и индивидуальные занятия.



◀ Политбеседа у манси в юрте,
1939 год

www.uralstalker.com

СПОРТИВНЫЙ ЦЕНТР
Верх-Исетский

ул. Кирова, 71
тел: (343) 242-54-12 www.vizsport.ru

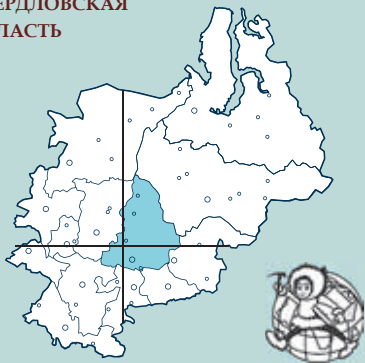
Павел Горский о селе Черемисском в отчете Русскому Географическому Обществу



Наталья Першина

Родилась в селе Черемисском, закончила Нижне-Тагильский педагогический институт, исторический факультет. Работает экскурсоводом Черемисского историко-литературного музея.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ



Иллюстрации
предоставлены автором

В 1993 году учащиеся Черемисской школы под руководством С.Н. Белоусовой ездили в Санкт-Петербург. По просьбе сотрудников Черемисского музея они должны были посетить Русское Географическое Общество, в архиве которого хранится документ о селе Черемисском.

Русское Географическое Общество было основано 18 августа 1845 года. В первые годы существования Общества перед ним встала задача собирания сведений о быте русского народа. В связи с этим появилась необходимость составить документ, содержащий в себе подробный перечень требуемой для сбора информации. Основным составителем программы являлся Н. И. Надеждин, также в разработке концепции принимали участие К. А. Неволлин и, возможно, В. И. Даль.

В 1848 году этнографическая программа Русского Географического Общества была напечатана в количестве 7000 экземпляров и разослана по губерниям «с целью собрать сведения о простом русском человеке, о народном быте коренного русского населения во всех его оттенках».

Оно (т. е. РГО) пригласило людей любознательных, в подручных наблюдениях их местностях, обратить внимание:

- 1) на наружность жителей, замечая все более или менее характеристические особенности их телосложения и вида;
- 2) на язык, главный орган народности, во всем разнообразии его местных наречий и говоров;

3) на домашний быт, в котором всего вернее сохраняется древнее наследие первобытных нравов и обычаев народа;

4) на те остатки быта общественного, где сила времени и других влияний не затерла следов первоначального устройства народной жизни из самой себя;

5) на умственные и нравственные отличия, во сколько видно в них природное направление и развитие народного духа, а не внешние заимствования путем подражания, перемичивости;

6) наконец на народные предания и памятники эту живую, беспристрастную историю, в которой народ высказывает себя, как он есть, без всякого притворства и самообольщения.

Учащиеся Черемисской школы привезли в музей копию одного из таких отчетов этнографической программы.

С тех пор в фондах Черемисского музея хранится уникальный документ — «Отчет о селе Черемисском, Екатеринбургского уезда, Пермской губернии в Русское Географическое Общество», датированный 17 декабря 1848 года. Статистические сведения о селе Черемисском собирал и писал священник



◀ Черемисский богоявленский храм, 1913 год

нии гласных и согласных. Литер «а» превращают в «о» и «е»: «чесы — часы, омбар — амбар», в прибавлении литеры в словах ненужных: «смысел — смысл, куплю — куплю», в употреблении дательного падежа множественного числа вместо творительного «делаю рукам (руками), хожу босым ногам (босыми ногами), по городами (по городам)», в неуместных приговорах «надо-ка, надо-ся, тамо-ка, чево — тося». Также автор представил множество слов из местного ди-

▼ Внешний вид крестьянской избы

Черемисского Богоявленского храма Павел Горский.

П. Горский закончил Пермскую духовную семинарию. Одним из первых он служил в Черемисском Богоявленском храме, который строился с 1841 по 1851 годы. П. Горский строго следовал анкете этнографической программы, подробно отвечая на поставленные вопросы.

В первой главе «Село Черемисское» автор сообщил, что на данный период, то есть на 1848 год, в селе живут государственные крестьяне. Указал дату основания села — 1670 год и рассказал о первых поселенцах-черемисах. «По выдворении их за беспокойства, причиняемые соседям, вскоре здесь первоначально на ключе, называе-



◀ Женская одежда



мом Макаровом, поселились семейства три из выходцев казанских». обстоятельно священник описал наружность жителей: «Их рост, как мужчин, так и женщин, средний, части тела пропорциональны. Лоб хотя несколько выпуклый, но правильный — небольшой, нос, рот и подбородок обыкновенные, щеки и грудь ровные, волосы преимущественно русые, глаза голубые и серые. По телосложению крепки, к трудам им свойственным способны, в которых упражняются без лени и вялости».

Вторая глава посвящена языку местных жителей. П. Горский указал на такие особенности языка: «Уклонение их языка от грамматических правил состоит в измене-

алекта: «айда и айдате» — пойдем, идите, «баско» — красиво, «баско на дворе» — этим выражается приятная погода, «балакать» — говорить ненужное, «грепта» — забота, «мудро дело жить» — надобно жить осторожно, «наблощниться» — хорошо чему-нибудь научиться, «поначе» — получше, «скус, скусный» — вкус, вкусный, «самоварник пить» — пить чай. Всего приводится 153 слова.

В главе «Домашний быт» П. Горский дал подробное описание крестьянской избы: «Всякий хозяин по обыкновению желает предпочтительно иметь так называемую связку, то есть две избы: переднюю и заднюю. Или вместо задней клеть, если нет достатка чулан бревенчатый или досчатый. Подле связки задний двор с малой избой и одним или двумя хлевами для мелкого скота. По усмо-



▲ Типичная посуда

▼ Передний угол дома

ми рукавами, ситцевый на голове платок, шерстяной пояс...». Праздничное — мужское: рубашка ситцевая кумашная — красная без воротника, сапоги с каблуками, шелковый пояс. Женское — шелковый красный сарафан с проймами, обшитыми позументом, рубаха с гарнитуровыми рукавами желтого цвета, шелковый красный на голове платок».

Главными занятиями жителей были хлебопашество и скотоводство. Жжение угля в свободное от сельских работ время для поставки на заводы и работа на частных золотых промыслах. В пищу употребляют местные продукты: крупа, горох и огородные овощи. Также говядина, баранина. Особенных кушаньев, любимых лакомств не существовало.

Павел Горский подчеркнул способности и нравственность: «Жители села Черемисского смышленные, добродушные, веселые, разговорчивые, гостеприимные, к церкви усердные».

К сожалению, в фондах музея нет фотографии Павла Горского. Прочитав документ, обращаешь внимание на факт, что его составлял образованнейший человек своего времени. Мы благодарны Павлу Горскому, который выполнил этот труд, дал нам возможность заглянуть в прошлое и узнать о жизни жителей села Черемисского середины XIX века. **VC**

трению хозяина ставится амбар, конюшни, бани, как лучше и удобнее...». «Внутренне убранство во всех домах одинаково — просто: передний угол занимается божницей, вроде полочки, на которой ставятся святые иконы медные или деревянные. Большею частью суздальского мастерства. Деревянный большой стол с выдвигаемым ящиком. Кругом стен вверху полки, внизу лавки. К задней стене над дверью устраиваются полати. В соседстве к ним имеется печь — русская. Возле печи делается прилавок или шкаф для посуды. От печи к передней стороне имеются также полки, называемые грядками...».

Интерес вызывает описываемая одежда, которую носили по будням и праздникам. Например: «Платье будничное мужское: белье пестрядное, шерстяной пояс, бахилы (вроде больших сапог), чекмень из сведельного черного сукна, пониток, шляпа поярковая валеная из белой шерсти. Женское — верхница синяя, называемая дубасом (вроде сарафана), холщовая рубаха с пестрядны-





Тамара Зырянова

Окончила Челябинский институт культуры по специальности «Библиотечное дело и библиография». Работала в библиотеках Верхотурья и Советского района ХМАО-Югра. Занимается краеведением и общественной работой. Живет в Верхотурье.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ



Иллюстрации
предоставлены автором

► З.М. Ершов



Герои, которых не помнят...

В 2019 году исполняется 100 лет с момента освобождения Свердловской области от войск интервентов и белогвардейцев, завершившего этим один из важнейших этапов Гражданской войны за свободную социалистическую республику. 19 июля 1919 года регулярный полк Красной Армии под командованием И. В. Боряева освободил и Верхотурье.

Первый красногвардейский отряд в девять человек, созданный в Верхотурье в августе 1917-го, в дальнейшем численно увеличивался и усиливался. Командиром отряда стал рабочий с завода Верхней Туры Ершов Зотей Максимович, а его помощником — рабочий из Новой Ляли Николай Афанасьевич Полуэктов. С первых же дней красногвардейский отряд стремился сосредоточить всю власть в своих руках и двух

представителей уездного исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов — большевиков Б. В. Дидковского и М. Н. Овчинниковой.

При содействии отряда к концу марта 1918-го Верхотурскому Совету удалось полностью установить Советскую власть в Верхотурье. Распущены земская управа, воинское присутствие, воинская команда и др. Был создан верхотурский уездный воен-

ный комиссариат, который с апреля 1918-го объявил запись добровольцев в Красную Гвардию.

Вихрем пронёсся над Верхотурским уездом боевой 1918 год. В течение весны, лета и начала осени формировались красногвардейские отряды, в которые добровольно шли рабочие, крестьянская беднота и многие из молодёжи Верхотурья, городов и заводов уезда. В апреле контрреволюционными элемен-



▲ Портрет Б.В. Дидковского

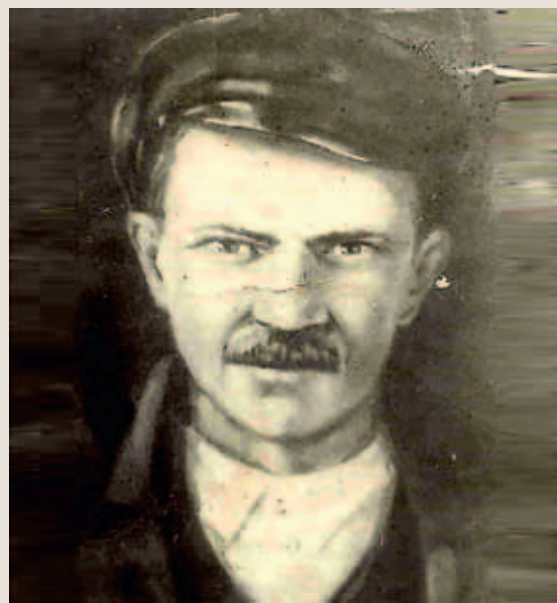
тами был произведён на Исовских приисках разгон Совета рабочих депутатов. Захватив власть, контрреволюционеры стремились изолировать Исовские прииски от центра уезда — города Верхотурье. Они поставили свою охрану, захватили все дела, документы и оружие, а самих депутатов Совета разогнали. Только сумел наладить вновь работу Исовской Совет — новое задание красногвардейцам. В мае на Невьянском заводе вспыхнуло восстание бывшей царской роты автомобилистов. Передовые рабочие, коммунисты Невьянска в этот период были на Дутовском фронте.

Основу отряда Волкова Александра Степановича, комиссара управления милицией, составляли добровольцы — рабочие Надеждинского завода, из которых он и был создан в январе 1918 года. До мая добровольцев обучали военному делу, одновременно отряд нес охрану завода и работал на нём. Этот отряд с красногвардейцами Нижнего Тагила, Кушвы, Верхней Туры и других заводов в первой половине июня 1918-го совместными силами подавили кон-

трреволюционный мятеж в Невьянске. После часть красногвардейцев из упомянутых отрядов прибыли в Верхотурье.

Деревянная война

В июне в ряде волостей уезда вспыхнуло кулацкое восстание, вошедшее в историю Верхотурского края как «деревянная война». Деревенской буржуазии и среднему крестьянству не понравилась политика новой власти, запретившая свободную торговлю хлебом. По рекам Тагилу и Туре было много богатых деревень и сёл. Зажиточное население отказалось прийти на помощь Советской власти и приняло участие в мятежах и восстаниях. Поднявшее голову кулачество при наступлении на Урал колчаковской армии начало вести агитацию против Советской власти. Целью их было захватить Верхотурье, поднять восстания в других местах, ликвидировать советскую власть.



Дерябинские кулаки поручили Дмитрию Дерябину договориться с меркушинскими о совместном выступлении на Красную Горку против находившегося там красногвардейского отряда комиссара Курбатова.

В ночь на 20 июня 1918 года в Меркушино свершился кулацкий мятеж. 21 июня арестован председатель Меркушинского волисполкома Алексей Семёнович Бочкарёв. Избитого, истерзанного бросили



▲ Д.Л. Мальцев

◀ Н.А. Баянов

◀ А.В. Ханкевич

▼ Командный состав китайского батальона



в сырую, тёмную камеру. 23 июня, не зная о бунте, в село прибыли большевики Туринских рудников Иканин и Смирнов с целью агитации за Советскую власть и мобилизации в ряды Красной Армии. Организаторы мятежа, собрав группу подкулачников, избивали и уродовали двух беззащитных людей. Выстрел, и истерзанный, весь в крови, Иканин упал мёртвым. Тело его топтали ногами, а затем броси-

ли в яму. Смирнова избили до полусмерти, Бочкарёв в камере потом еле с ним отводился.

Кулаки разогнали Совет, восстановили старые царские порядки, организовали сбор всевозможного оружия, в кузницах ковали копья, пики, лили пули для охотничьих ружей. Проводили мобилизацию людей, военные учения.

Из воспоминаний П.М. Зуева: «По полям поскакали верховые, стали загонять мужиков на сборный пункт и объяснять, что весь народ нашей волости собрался с оружием в руках идти на Верхотурье свергать власть большевиков и освободить святые мощи Симеона Праведного. После молебна колонна двинулась на Верхотурье. Впереди шёл поп Василий. Но по пути часть людей отстала и вернулась назад».

Парень из деревни Сопляковой близ Кордюково Ефим Рагозин принял участие в известном шествии «деревянной войны»: «Пошли освобождать мощи. Колонна растянулась на полверсты. Кто шёл с топором за поясом, кто с вилами, граблями, косами, ружьями берданками, двустолками. Сзади 2-3 подводы. 20-25 километров не дошли до города. Встретили красногвардейцы, дали залп поверх голов. Шедшие разбежались. Зачинщики восстания скрылись, куда-то уехали».

О духовенстве

Определённую роль в «деревянной войне» сыграло духовенство Верхотурья, призывая паству идти освобождать мощи Симеона Праведного от «антихриста». По свидетельству красногвардейца Н. Полуэктова: «По соседству с нами (крас-

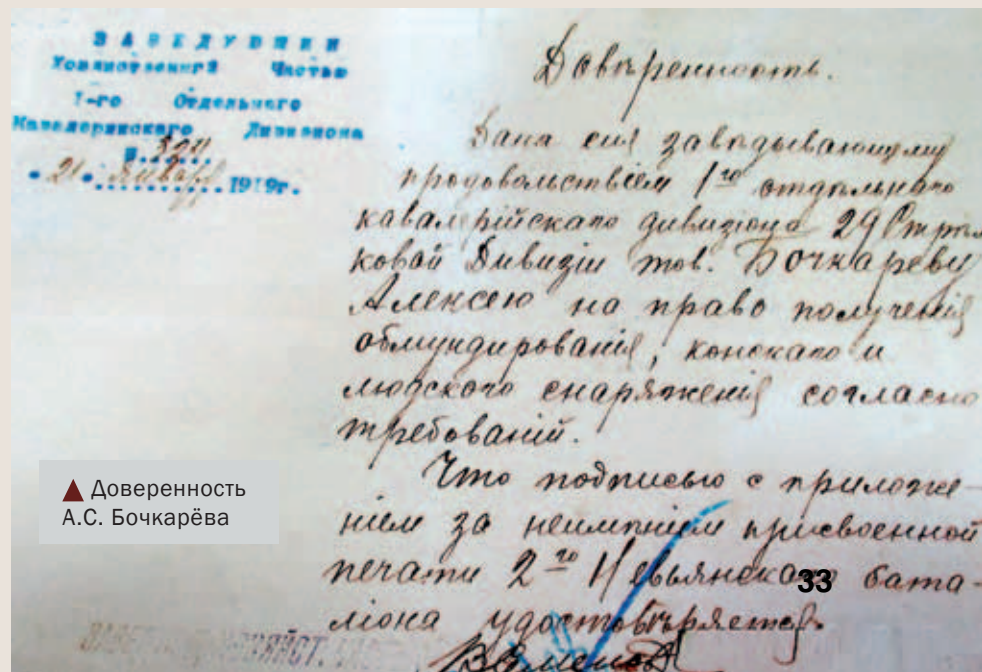
ногвардейцами) в этой же гостинице (монастырской) жил архимандрит Ксенофонт со своими монахами. Так что вечерами мы могли слышать их горячие молитвы. Молитались они, наверное, о свержении Советской власти, а мы приехали её установить. Позднее, когда мы стали переселять часть монахов из мужского монастыря за город, то по дороге нашли у них в повозках винтовки В воспоминаниях Н.А. Черемных описывается, как при содействии духовенства на колокольнях верхотурских церквей были установлены пулемёты, бившие по отходящим к Актаю красногвардейским частям.

Бои местного значения

Части колчаковской армии приближались к Верхотурскому уезду с востока. Навстречу белогвардейцам двигался красногвардейский отряд Волкова, по Ирбитскому тракту от Верхотурья в сентябре вышли красногвардейцы Ершова.

В ходе ликвидации восстаний на границе Верхотурского и Туринского уездов (в районе, где Тагил впадает в Туру) возник участок Восточного фронта («Болотовский фронт»). Здесь организован полевой штаб. Красногвардейский отряд образовал заслон против белогвардейцев и кулацких мятежников. Около трёх месяцев отряды Волкова и Ершова героически отражали атаки белогвардейцев и кулаков. Ведя оборонительные бои, они охраняли подступы к Верхотурью — важному стратегическому пункту северного участка Восточного фронта.

11-12 октября произошёл ожесточённый Путимковский бой с белогвардейскими частями. С той и другой стороны действовала ар-



▲ Доверенность А.С. Бочкарёва

тиллерия. 13 октября красногвардейские отряды отступили на заранее подготовленные позиции в устье р. Актай. Отступая по Ирбитскому тракту, перешли на Романовский тракт, обошли город с восточной и северной стороны, в основном, по лесам и полям.

13 октября противник занял Верхотурье, важный стратегический пункт.

В Актае красные бойцы на полтора месяца задержали дальнейшее наступление белогвардейцев. По свидетельству М. В. Едигарьева, передышки в боях не было ни на один день.

В районе Актая, ст. Карелино конники отряда Волкова вошли в состав сформированного кавалерийского полка.

Красногвардейцы вынуждены были отойти в район ст. Вья и Нижне-Туринского завода. Здесь проходили кровопролитные бои. Почти полностью погибли китайский и Камышловский полки. Погиб Жень Фу-чен, командир китайского полка; командир Камышловского полка Б. И. Швельнис, тяжело раненный, не желая попасть в плен, застрелился.

После взятия Верхотурья карательным отрядом капитана Н. Н. Казагранди красногвардейские отряды полтора месяца держали оборону в районе устья реки

► Памятник И. М. Малышеву, Верхотурье

▼ Ф. И. Шляхтин



► Памятник жертвам Гражданской войны на территории бывшего сортоиспытательного участка

Актай. Вместе с ними бесстрашно воевал китайский добровольческий батальон под командованием Жень Фу-чена. В братской могиле в Актае упокоились около 500 сражавшихся, из них около 300 — китайцы. Их имена неизвестны до сих пор.

Женщины на войне

В списке партизан Павдинского отряда Б. В. Дидковского на ноябрь 1918 года числится 136 человек. Среди них женщины: Федосия Сорочина (Растес), Ольга Старцева (Кытлым), Анна Романовна Медведева (Кытлым), Фёкла Жильцова (с. В. Косью). Вступили в отряд позднее медсёстрами Анна Павловна Леонтьева и Пелагея Васильевна Кониная. Здесь служила сельская учительница Капитолина Александровна Симакова. Она служила в конной разведке и участвовала во всех боях.

Бывший красногвардеец Александр Семёнович Лаптев из деревни Лаптевой рассказывал историю, героиней которой была Стеша — Степанида Антоновна Обросова (Лобанова) из Вавиловой.



В бою на Торговой Горе отбивали они атаки белых пулемётами и ружейным огнём. Боеприпасы стали на исходе, а подвоза нет. Командир тогда сказал: «Что, ребята, на шашки будем надеяться?». Биннокль был с Первой мировой, взял его и стал смотреть в сторону Каргаполовой, а там по дороге повозка несётся. На телеге стоит, широко расставив ноги, молодая баба, волосы длинные на ветру развеваются, левой рукой вожжи держит, правой кнутом лошадь погоняет. А тут как раз подъём в гору начался, лошади тяжело, а она её торопит да торопит. На шее ружьё висит, двустволка. Смотрят, а тут наперез из соседнего леса через поле всадник с обнажённой саблей и в погонах — видимо, беляк. Баба, стоящая на телеге, вскидывает двустволку — залп! И всадник вылетает из седла. Через несколько минут повозка с патронами стояла у наших окопов. Командир наш подбежал к бабе, расцеловал её. «Вовремя ты красавица подвезла нам патроны, а то была бы нам хана. Выручила, спасибо. Россия тебя не забудет». Командир пожал руку женщине.

Публичными порками женщин, арестами, истязаниями колчаковцы пытались запугать население. Рагозину Варвару Никитичну, беременную, истязали в две плети на глазах у сельчан. Учительницу Васильеву из Караула расстреляли за укрывательство красногвардейцев.

Улицы рассказывают

В начале 20-х годов прошлого века некоторые улицы Верхотурья были переименованы в память революционеров-большевиков, участвовавших в становлении Советской власти на Урале и в Верхотурском уезде. Эти улицы поведают нам о героях Гражданской войны. Вот некоторые из них.



◀ Памятник на пятом километре Ирбитского тракта

вучему мосту через реку Туру под Троицкий камень. В убитом сразу узнали Николая Баянова. Он лежал лицом вниз, головой к реке, широко раскинув руки. Кто-то уже сказал жене Николая. Спотыкаясь, она подбежала, упала на тело мужа и не плакала, а ревела, жутко было слушать...».

Мальцев Данил Ларионович родился в семье мелкого ремесленника — пимоката. В 1917 году вступил в красногвардейский отряд.

В газете «Колхозник» от 15.07.1939 опубликована статья родных Мальцева: «Данил Ларионович Мальцев служил в старой царской армии и участвовал в германской войне. В старой армии с солдатами обращались грубо. И как-то за малое преступление Данил офицером был ударен по лицу. Данил не стерпел этого удара и офицеру за удар отплатил. За это был приговорён к расстрелу, но заменили вечной каторгой в Вятке, где и отбывал каторгу в ужасных условиях. Только Октябрь освободил его от вечной каторги.

С момента организации красногвардейского отряда вступил добровольцем. В деревнях кулачье подняло контрреволюционное восстание. Восстание подавлено. Но к красному Верхотурью наступали белые полчища. Белые заняли Верхотурье. В октябре 1918-го Данила арестовали, посадили в тюрьму, избили. Но он себя держал геройски.

7 ноября его увели за Верхотурье и на полях расстреляли. Перед смертью он вскричал: «Всё же победа будет за Советами... Мои дети будут жить хорошо!». Тело родным не дали схоронить. Они его куда-то бросили...».

Ханкевич Анисим Власович (1885–17.06.1918) — сын белорусского крестьянина, профессиональный революционер, член партии с 1903 года. В 1916 году за революционную деятельность выслан на Урал в Верхнюю Туру, потом в Лобву.

Партийная организация Лобвы стала «опорным пунктом большевистского влияния» по всему Северному Уралу во многом благодаря А.В. Ханкевичу, который возглавил её в апреле 1917 года. Погиб 17 июня 1918 года в тюрьме Невьянска от рук мятежных офи-

церов. В 33 года оборвалась его жизнь...

Шляхтин Фёдор Иванович (1897–27.12.1919). Родился в Кушве в семье кузнеца. В Лысьве работал слесарем на металлургическом заводе. Член РСДРП (б) с 1918 года. По заданию Лысьвенской парторганизации Шляхтин осенью 1917 года возвращается в Кушву, где принимает активное участие в революционных событиях. В октябре того же года он становится начальником Красной Гвардии в городе. Принимал участие в подавлении восстания атамана Дутова, был начальником конной разведки.

Был заведующим политотделом Верхотурского уездного военного комиссариата. 27 декабря 1919 года скончался после ранения в бою с белыми под Няксимволем.

Памятники

У дорожной обочины, на лесной опушке, прямо в селе стоят в Верхотурском районе памятники погибшим в годы Гражданской войны — немые, суровые свидетели жестокой борьбы с колчаковцами. 17 братских могил и отдельных захоронений жертв колчаковского террора осталось на территории ГО Верхотурский (по данным К.М. Рагозина, — Т.З.). Вот некоторые из них.

Памятник Ивану Михайловичу Малышеву. У неполной средней школы № 2 в 1970 году установлен памятник по проекту скульптора В.Е. Егорова. В Верхотурье на улице Малышева сохранился дом, в котором родился и вырос Иван Михайлович.

Братская могила и обелиск погибшим в Гражданскую войну (на территории бывшего сортоучастка). Воздвигнут памятник в 1919 году. В эту могилу бросали убитых из Верхотурской тюрьмы, из застенков колчаковской разведки и карательного отряда. Точных данных о количестве захороненных нет. Известно, что здесь покоится прах Д.И. Мальцева, командира партизанской группы.

Братская могила и памятный знак на Ирбитском тракте. Установлен 15.07.1929 в 10-ю годовщину освобождения Урала от Колчака. В могиле покоятся останки расстрелянных белым конвоем военнопленных из Николаевской тюрьмы г. Нижняя Тура и части заключённых из Верхотурской тюрьмы. Похоронено более 60 человек. ☑

Николай Алексеевич Баянов (1883–13.10.1918) — старший брат известного всем верхотурцем Алексея Алексеевича Баянова, композитора-самородка.

В ночь на 14.10.1918 красногвардейцы вынуждены были оставить Верхотурье, закрепившись для обороны у реки Актай. Вместе с Николаем в красногвардейском отряде был Елизар Михайлович Новгородов. Позднее он вспоминал: «Командиру отряда Волкову, что был начальником уездной милиции, срочно потребовалось послать в город надежного человека, выполнить какое-то важное задание. Выбор пал на выносливого и смелого Николая Баянова, хорошо знавшего все тайные тропы. Когда Николай пробирался между зданиями казначейства и уездной милицией, его заметили. Николай бросился к речушке Свяяге, надеясь, вероятно, вплавь перебраться на правый берег реки Туры».

Е.С. Едигарьева рассказывала: «Мы обедали, когда со стороны речки Неромки раздались глухие выстрелы. И вдруг Степан, подойдя к окну, увидел бегущего человека и как крикнет: «Да это же Баянов Николай!». Вдруг грянул выстрел, второй... Братья выскочили на улицу, выбежали и мы. Детское любопытство, несмотря на страх, одолевало нас. Побежали по пла-

И страсть захватила...

(Записки коллекционера)

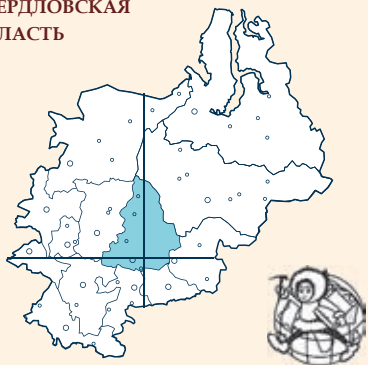


Владимир Бойко

Подполковник авиации запаса, военный историк, член Общества уральских краеведов. Автор монографии и нескольких десятков статей по военной истории. Кавалер ордена «За верность Отечеству» (2016), медалей «Царственных страстотерпцев» РПЦ (2018), «За вклад в развитие фалеристики» (2013). Живет в Екатеринбурге.

Фото предоставлены автором

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ



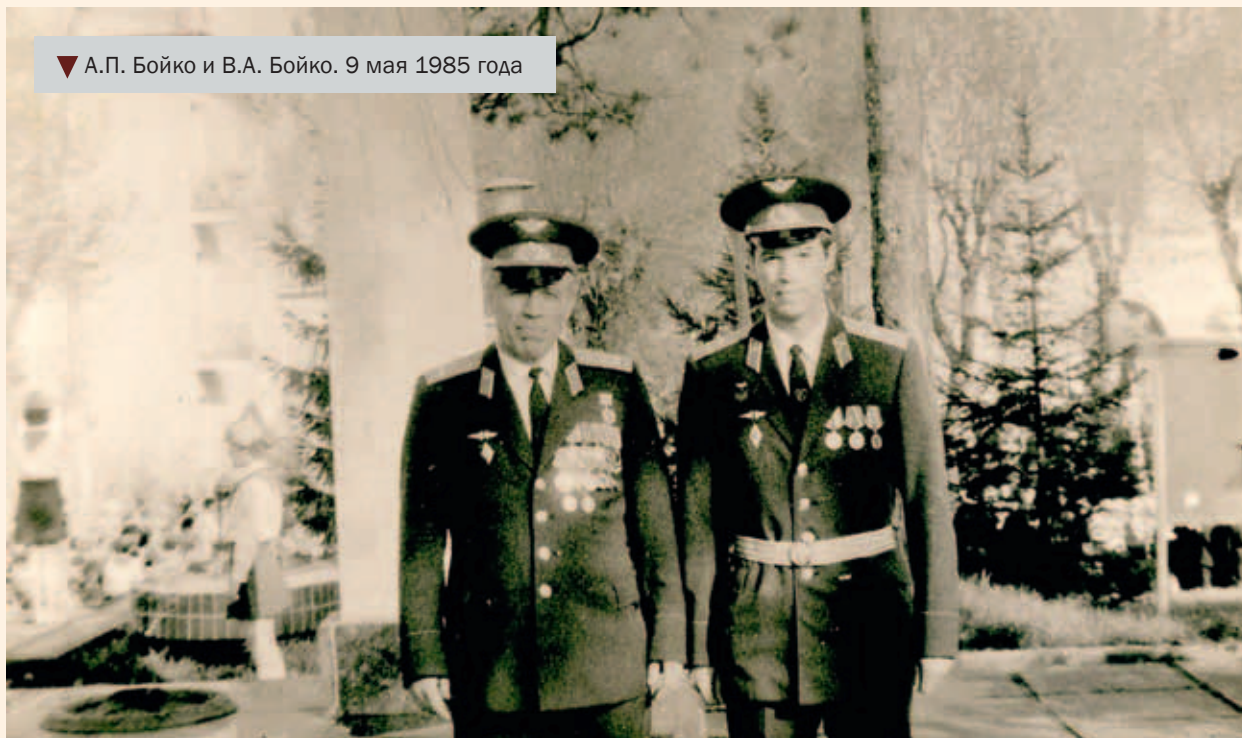
В коллекционирование все приходит по-разному, в основном уже во взрослом или даже в зрелом возрасте, но некоторых эта страсть захватывает в самом раннем детстве, и потом через всю жизнь они пронесут в душе это увлечение, которое становится частью их жизни, и иногда очень весомой, всеохватывающей...

В нашем роду раньше никто изучением истории не занимался, и коллекционеров также не было. До войны жизнь была тяжелая и никак не располагала к углубленному изучению истории своей страны и рода и уж тем более к коллекционированию. В основном все были военные — авиаторы либо моряки. Мой дядя (старший брат отца) Иван Петрович Бойко еще до войны закончил военную авиашколу — стал командиром, как тогда говорили, и всю жизнь посвятил службе в военной авиации. Отец Александр Петрович, тогда еще просто Шурка, учился в школе в небольшом городке, бывшей станции Области Войска Донского, расположенного севернее тогдашнего Сталинграда.

В конце лета 1942 года, когда немцы уже подошли к Сталинграду, какими-

то неведомыми путями отец узнал, что в Архангельске организуют школу юнг Северного флота и туда идет набор. И тогда, не сказав ни слова родителям, Шурка с двумя такими же, как он, пацанами осенью 1942 года сбежали из дома и подались на север, в Архангельск. Несколько недель в товарных вагонах, кое-где пешком, разутые, раздетые, они добирались до Архангельска. По дороге с ними случилось много разных происшествий, но они все-таки добрались до места назначения. Грязные, голодные, но с горящими глазами и огромным желанием учиться и стать военными моряками, они явились к комиссару школы, рассказали кто они и откуда, как добирались, но чуда не произошло. У них не было почти никаких документов, их посчитали малолетками, да и прием в школу был уже закончен,

▼ А.П. Бойко и В.А. Бойко. 9 мая 1985 года



за окнами стояла поздняя осень, уже начались заморозки и пареньков, накопив, отправили назад.

В декабре 1943 года, как только отцу исполнилось 17 лет, его и многих его товарищей, в том числе обоих его друзей по неудачной поездке в Архангельск, призвали в армию. Они попали в 9-ю учебную стрелковую дивизию Северо-Кавказского ВО, а отец — в одну из батарей 45-мм противотанковых пушек, которые солдаты любя и шутя называли «Смерть врагу — п... ц расчёту», но которые на фронте представляли собой грозную силу.

Несколько позднее, совершенно неожиданно для себя в числе 4 человек, отобранных из нескольких десятков после придиричивой медкомиссии и собеседования, отец попал в летную школу первоначального обучения (п/о), располагавшуюся на Кубани, недалеко от города Кропоткин. При этом главными факторами, повлиявшими на отбор «кушцов», было даже не то, что отобранные кандидаты были комсомольцами и имели за спиной уже 9 классов образования (10-классников не нашлось ни одного), а то, что они не проживали на оккупированной врагом территории Сталинградской области.

К этому времени старший брат отца Иван Петрович, их отец, мой дед, Петр Никитович и целый ряд других наших родственников давно уже были на фронте. Самый младший из братьев — Михаил в это время учился в школе (если это так можно назвать, учитывая, что город постоянно бомбили), позднее стал военным моряком, морскими офицерами после окончания Нахимовского училища и ВВМУ им. Фрунзе в Ленинграде стали и оба его сына — мои двоюродные братья Владимир и Аркадий Бойко.

После окончания летной школы п/о отец учился в Тамбовском летном училище в 1944 году. Сразу после войны судьба забросила отца на Урал. Это было его первое знакомство со столь отдаленным и своеобразным краем. Хотя отец прослужил на Урале недолго, но он навсегда полюбил суровую уральскую природу и людей, населявших этот край. И так уж судьбе было угодно, что и я в 1983-м году приехал служить на Урал, прожил здесь больше



▲ Монета 5 лат 1932 года, Латвия (аверс)



▲ Братья Бойко, конец 1940-х годов

30-лет и до сих пор меня многое связывает с этим прекрасным краем.

На старой фотографии, хранящейся в моем архиве, снятой вскоре после войны, все трое братьев собрались под родительским кровом — трое военных (два авиатора и моряк). Их отец (мой дед) — фронтовик Петр Никитович, старшина по званию, кавалер Ордена Красной звезды и медали «За отвагу» очень был горд ими.

Я родился в Сибире, в старинном городе Ачинске, в 1951 году, куда после Ура-

ла направили служить моего отца, во вновь создаваемое Ачинское ВАТУ Дальней авиации, располагавшееся в старинных дореволюционных краснокирпичных казармах, где до начала I Мировой войны дислоцировался 29-й Сибирский стрелковый полк, отличившийся позднее в боях I Мировой войны на Германском фронте.

До передислокации в Ачинск полк раньше располагался во Владивостоке. В этой части в разное время служило много замечательных людей, в частности, до войны в нем служил штабс-капитан Арсеньев Владимир Клавдиевич (1872–1930), в будущем известный русский писатель, путешественник, исследователь Дальнего Востока, позднее многолетний директор Хабаровского краеведческого музея.

Отец целыми днями был на службе, проводил занятия с курсантами (основной изучаемой техникой был американский бомбардировщик B-25 Mitchell), а мама — коренная сибирячка, совсем еще молодая женщина, совмещала работу, ведение домашнего

► Орден Почётного Легиона 3 класса (командорский), начало 20 века

хозяйства и воспитание ребенка. Жили тяжело, никаких удобств, снимали жилье, маме приходилось самой колоть дрова, топить печь — зимой стояли сильные морозы. Она ходила на реку Чулым за водой и потом в гору носила на коромысле тяжелые ведра. Позднее отца перевели, как тогда говорили, «на Запад», в город Остров Псковской области. Город, по воспоминаниям родителей, был совершенно разрушен, жить было нелегко, с сожалением вспоминали Сибирь. На обустройство командир дал одни сутки, стали искать жилье, и как огромное счастье восприняли возможность у местного жителя снять для жилья деревянный сарай. Нашли печку «буржуйку», стало тепло, а из мебели сначала появился ящик из-под папирос — обеденный стол, папа сколотил топчан, а мне из дюраlexовых трубочек, снятых с разбитого немецкого самолета соорудил детскую кроватку. Первыми игрушками стали винтовочные гильзы, наши и немецкие, сломанный лигроиновый компас с нашего довоенного истребителя и другие запчасти с разбитых самолетов. Как же я мог не пойти по его стопам и не стать военным, и, конечно, авиатором!

В середине 1950-х годов наша семья жила в Риге, отец учился в Рижском Краснознаменном ВИАВУ им. К.Е. Ворошилова и одновременно был назначен командиром офицерской учебной группы. Для жилья снимали частные квартиры, благо, что Рига во время войны не сильно пострадала, это, конечно, было небо и земля, по сравнению со всеми прошлыми условиями жизни. Особенно долго жили в частном доме у одной очень приятной латышки средних лет. Папа как всегда целый день на службе, мама на работе и меня оставляли одного под присмотром хозяйки. Чтобы меня развлечь и отвлечь от всяких шалостей, она иногда заводила патефон, и мы вдвоем слушали песни очень популярного тогда Леонида Утесова и других исполнителей. Но иногда, когда у нее было особенное настроение, из укромного уголка она доставала старые немецкие пластинки с лирическими и очень

своеобразными мелодиями, и тогда у латышки наворачивались слезы, она тихо шептала «... mainlibekinder...» и гладила меня по голове.

Я сначала не мог понять, в чем дело, но однажды она сказала, что у нее тоже был маленький сыночек, его звали Вольдемар, но он умер в конце войны. Только много лет спустя, уже взрослым человеком, я узнал доподлинно трагическую и жуткую историю этой женщины. Дараматические жизненные обстоятельства подкосили ее жизненные силы, и всю свою нерастратченную материнскую любовь она отдавала мне. Когда у латышки было хорошее настроение, она доставала из шкафа небольшой деревянный сундучок, доверху набитый серебряными монетами — латами и давала мне с ними играть, меня это очень забавляло. Когда в 1940 году Красная армия вошла в страны Прибалтики, их денежная система, все органы власти вместе с государством, как известно, прекратили свое существование — перешли на советские рубли, при немецкой оккупации в ходу были немецкие марки, а потом снова рубли и старые латышские деньги окончательно вышли из оброта и никому были не нужны. Несколько этих монет, в том числе большую тяжелую монету в 5 лат с девушкой — символом независимой Латвии на аверсе, она мне подарила, чему я был очень рад!

Вот с этих-то латышских монет, которые я бережно храню и поныне, началась более



▲ Монета 5 лат 1932 года Латвия (реверс)



60 лет назад моя коллекция. Сначала эти латышские монеты и несколько значков, в т.ч. папины номерные знаки «Готов к ПВХО» и «Отличник ГТО» II ст. (высшей) лежали в заветной продолговатой трофейной коробочке, обтянутой кожей. В ней папа хранил пуговицы, звездочки, эмблемы и прочую военную фурнитуру, но уже через непродолжительное время, видя мой серьезный, хотя и детский еще интерес, отдал все «ценное собрание» на хранение мне.

Старинная коробочка цела и поныне и там до сих пор лежат первые папины офицерские звездочки и авиационные эмблемы. Немного позднее у меня было увлечение марками, в дни проведения VI фестиваля молодежи и студентов в Москве в 1957 году, папа купил красивый альбом с эмблемой фестиваля и несколькими марками. Уже в начальных классах школы я начал участвовать в различных выставках, представлял монеты и марки в школе и во дворце пионеров. Самым любимым школьным предметом со временем стала история, с годами эта привязанность только окрепла. Преподаватель по этому предмету относилась ко мне очень хорошо, иногда поручала делать доклады и несколько раз, особен-

но после моих удачных выступлений, мы оставались с ней вдвоем после уроков и подолгу беседовали. Она очень живо рассказывала об истории, в том числе, о своем детстве в годы Гражданской войны, чему она была живым свидетелем, я слушал ее с огромным интересом.

В первые годы службы в армии времени не хватало и, соответственно, развивать свое любимое увлечение было особо некогда, но после переезда на Урал ситуация изменилась в лучшую сторону.

С годами на первый план вышло увлечение фалеристикой, конкретнее — военной фалеристикой, связанной с историей Русской Императорской армии, а главной темой стала история России и Русской армии периода I Мировой и Гражданской войн. Позднее к увлечению фалеристикой подключилась работа с военно-историческими материалами в архивах, музеях различных городов и стран, участие в научных конференциях и мероприятиях и, конечно, публикации. Буквально сразу по прибытию на Урал познакомился с местными краеведами — большими любителями истории и, конечно же, местными коллекционерами. Все эти годы с большим нетерпением ждал очередного заседания Общества Уральских краеведов, где всегда узнавал много интересного. Немного позднее стоял у истоков «камерного» общества историков и коллекционеров, которое получило название «Общество ревнителей старины — ОРЕСТ».

На сегодняшний день у меня опубликована монография по истории создания Уральских франков и несколько десятков статей на военно-историческую, краеведческую и коллекционную тематику в различных изданиях. Без этого невозможно, по моему мнению, стать серьезным коллекционером и исследователем истории нашей страны!

Недавно, в соавторстве с коллегой — фалеристом Г.Л. Маркарьянцем мы выпустили книгу «Знаки и символы российской связи», где представле-

◀ Орден Почётного Легиона 4 класса (офицерский), начало 20 века



но порядка 1500 тысяч знаков, наград, фотографий и документов по этой малоисследованной тематике.

В моей коллекции есть несколько предметов, которые мне особенно дороги, за каждым из них стоят реальные люди — русские офицеры, храбро воевавшие с противником в годы Великой войны, а после

Октябрьского переворота 1917 года и начала Гражданской войны, оставшиеся верными присяге и воевавшими до конца с большевиками. Это серебряный знак военного летчика образца

1913 года, принадлежавший прапорщику Л.С. Петрову, который закончил Офицерскую Школу Авиации в Каче в 1916 году. Я уже писал статью о нем, его знаке летчика, серебряной чарке, которая прошла с ним по фронтам Великой и Гражданской войны в нашем журнале.

О другом памятном и очень дорогом мне предмете — знаке ордена Почётного Легиона, врученного за отличие в боях I Мировой войны на Западном фронте одному из русских офицеров, воевавшем в составе Русского Экспедиционного корпуса во Франции, прошедшему позднее Гражданскую войну и расстрелянному в Крыму поздней осенью 1920-го года, я хотел бы рассказать подробнее. Этот боевой орден со следами длительного ношения и непонятным мне в начале соединительным элементом, на котором виднелось «09», «СПБ», вместо штатного соединительно кольца, ко мне попал в середине 1970-х годов в Крыму. Позд-

нее я понял, что вместо соединительного кольца, утраченного в боевой обстановке, офицер использовал простую серебряную монету (10 коп. 1909 г., СПб), которую он обрезал ножницами, согнул и использовал как соединительное кольцо и в таком виде орден носил.

В настоящий момент этот раритет и ряд других представлены мною на выставке в Центральном музее Вооруженных сил РФ в Москве, посвященной 100-летию Русского экспедиционного корпуса и 100-летию окончания I Мировой войны.

Уже много лет я собираю фотографии военнослужащих, в первую очередь, офицеров начала XX века, особенно периода Великой и Гражданской войн. Вглядываясь в эти старинные пожелтевшие фотографии на паспорту, я мысленно переношусь в те далекие времена и история как будто оживает.

За время учебы я сменил несколько школ, как и большинство детей из семей офицеров. Заканчивал 10 классов в 1968 году уже в городе Тамбове, где тогда служил отец в Тамбовском ВВАУЛ им. М.М. Расковой. После этого была учеба в Киевском ВИАВУ ВВС и много лет службы в Военно-Воздушных силах.

И вот недавно, 26-27 мая и 2-3 июня 2018 года, я принял участие в юбилейных встречах сначала с выпускниками родного Военного училища в одном из пансионатов Подмосковья по случаю 50-летия создания курса и 45-летия окончания КВИАВУ, а через неделю поехал в Тамбов, где собрались выпускники 10 «А» класса школы № 9, окончившие ее ровно 50 лет назад. Были очень теплые встречи и для обоих случаев я разработал эскизы юбилейных значков, разместил их изготовление и торжественно вручил всем присутствующим на мероприятиях, чему они были очень удивлены и благодарны — коллекционер всегда остается коллекционером! **УС**



▶ Значки встреч выпускников 2018 год

КИРОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ**Сергей Пленкин**

Родился в г. Ухта Коми АССР. Окончил Московский техникум связи. Работая в телеателе в г. Слободского, объехал всю территорию бывшего Слободского уезда. Активно занимается краеведением и древней историей Вятского края. Работы публиковались в газетах, альманахах, интернете.

Иллюстрации из архива автора

◀ Андрей Рублёв. «Спас Звенигородский»

Вятская история Андрея Рублева

Эта надпись, которая когда-то была начертана Рублевым на раскрытых листах евангелия в руках Христа на древнейшей иконе, написанной в начале XV века, звенигородском «Спасе», была утрачена, так как от иконы сохранилась лишь голова и часть одежды, писал В. Н. Сергеев. Но другая древнейшая икона, написанная в середине XV века, — «реплика» на звенигородского «Спаса» из деисуса Никольского Единоверческого монастыря, позволяет предположить, с какими словами, глубоко созвучными образу, обращался к людям со страниц раскрытой книги рублевский Христос, и эти слова прошли красной нитью через все творчество Андрея Рублева, великого художника Древней Руси.

Такая надпись раньше в русском искусстве не встречалась, да и в большинстве русских икон до XV века евангелие в руках Спаса было закрыто, но в XV веке все меняется неожиданно и резко. Раскрываются евангелия в руках Спаса во всех углах необъятной Руси, чтобы передать одно и то же назидание, писал В. А. Плутин. Иконописцы перестают довольствоваться

изобразительным языком и призывают на помощь новые средства воздействия — литературные.

За прошедшие столетия от предполагаемой даты рождения — 1360 год, ни одно княжество, город не указали в своих летописных источниках о рождении либо появлении в их пределах Андрея Рублева. Ни какой-либо княжеский, боярский или купеческий род



не предъявили прав на родство с ним. Была, правда, псковская версия его происхождения, но она была отвергнута искусствоведами как несостоятельная, так как в его искусстве не проглядывает ни одной черты, присущей псковской живописи, глубоко своеобразной и совершенно непохожей на среднерусскую. Ни древние свидетельства, ни предания не знают рублевских произведений на псковской земле.

Документальная несостоятельность «псковской версии» окончательно выяснилась уже в наше время, когда было установлено, что псковская фамилия Рублевых при жизни художника не существовала. Ее предполагаемый родоначальник, посадник Семен, еще в 70–80-е годы XV века носил прозвище «Рубелка».

Эта дата рождения в достаточной мере согласуется со свидетельством источников, что скончался он в 1430 году «... в старости велицей». Достоверных сведений, которые позволяли бы точно установить место рождения, не существует, а скорее всего, они «глубоко и далеко» спрятаны, иначе многое пришлось бы изменить в нашей официальной истории.

Позвольте предоставить вашему вниманию версию и, как бы фантастически она ни звучала, — имеет право на существование, тем более что фактов, как косвенных, так и прямых, имеется достаточно, хотя были приложены большие усилия для их сокрытия.

А. И. Вештомов в своей книге «История Вятчан...», ждавшей своего издания 100 лет и вышедшей в 1907 году с большими купюрами, пишет: «... что некоторые нынешние Вятчане по словесным преданиям говорят, что Стефан Великопермский бывал из Перми и на Вятку, по словам других, ми-

моездом, и в знак де бытия в г. Слободском заложил там часовню». На месте этой часовни была построена каменная Сретенская церковь, которая отмечена на карте г. Слободского первой четверти XVIII века. Церковь была разрушена в 30-е годы прошлого столетия.

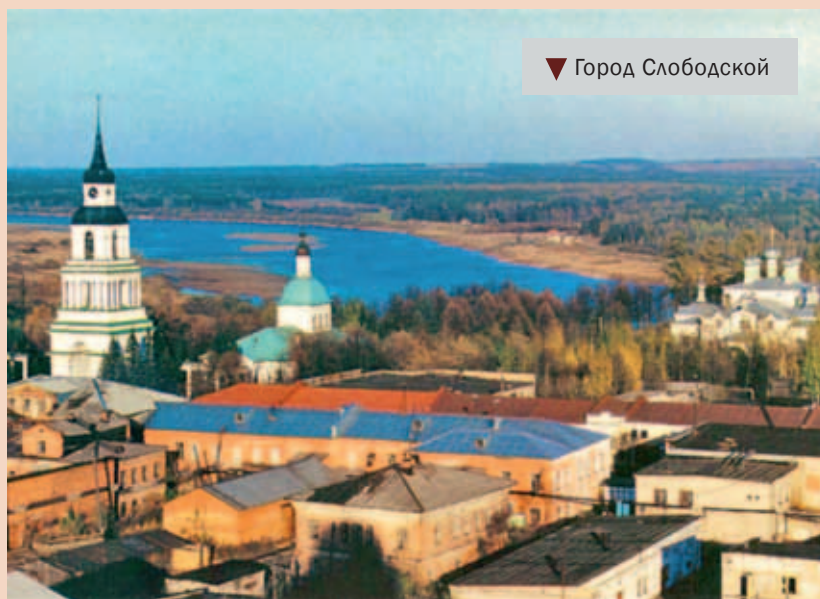
На первой Слободской научно-практической конференции «Слободской и слобожане» в 1995 году в то время кандидат исторических наук В. В. Низов на основе открытых им новых архивных документов подтвердил предание о приезде великого северного просветителя Стефана Пермского на Вятскую землю, о его пребывании в селении Слобода (будущий Слободск или Слободск). Профессиональный историк отметил, что Стефан мог посетить Слободской в феврале 1396 года.

Факт посещения не вызывает сомнений, но в этом ли году?

Новгородцы в свое время, в начале 70-х годов XII века, заключили договор с вел. кн. Владимирским Андреем Боголюбским, что окажут ему военную помощь в деле отторжения от Камской Булгарии междуречья Вятки и Камы. Согласно этому договору новгородцы получали право на проход на определенные территории Северо-Восточной Руси и осуществлять там торговые и обменные операции на последующее время «... покуда Великие князья правят на земле Русской». Они не раз будут напоминать об этом договоре как владими́ро-суздальским, так впоследствии и московским князьям, когда те проводили слишком активную политику по присоединению Северо-Восточных земель и ограничению влияния В. Новгорода, вследствие чего возникали военные конфликты, заканчивающиеся подписанием мирного договора «по старине».

В 1385–1386 гг. новгородцы в очередной раз были обеспокоены появлением в 1383 году Вятской епархии и назначением вел. кн. Дмитрием Донским Стефана Пермского ее первым епископом, что явилось сигналом об укреплении московской власти в Северо-Восточных областях и последующим ограничением сферы влияния В. Новгорода. В ответ новгородцы совершили ряд опустошительных набегов на земли новой епархии, в зоне влияния которой находились огромные площади земли от Устюга до Западного Урала, а на юге граница проходила по р. Чепце, левом притоке р. Вятки, а на правом берегу по р. Рубежице, также впадающей в р. Вятку. Эти набеги заставили епископа совершить вояж в В. Новгород с целью улаживания конфликта. Его приезд оказался как нельзя кстати и для новгородцев, так как здесь разгоралась очередная волна ересей так называемых «стригольников». Стефан написал яркое полемическое сочинение, в котором обличал еретиков и поддерживал православные догматы. Авторитет епископа-миссионера оказал большое воздействие на нормализацию церковной жизни в В. Новгороде. Имела успех и дипломатическая часть поездки — В. Новгород признал новую епархию. Финал наступит позднее, в конце XV века. В. Новгород лишится всех прав и независимости, а также прекратят свое существование Вятская республика и вятская епархия.

Возможно, что именно в 1386 году Стефан Пермский посетил Слободу, так как северный путь был перекрыт новгородцами и пришлось идти южным путем. Город спрятался за глухими лесами и непроходимыми болотами, сведений о нем в официальной истории не было. Первоначально Слободской, судя по всему, располагался на другом месте, в шести немецких милях (около 45-ти 700 саж. верст) на запад от устья р. Чепцы по описанию Вятской земли Сигизмундом Герберштейном, что соответствует нынешнему с. Велюкорецкому на р. Великой. Барон пользовался словесными описаниями различных людей, естественно с перепроверкой, но дело в том, что наши предки практиковали давать одинаковые названия населенным пунктам, порой находящимся в сотне верст друг от друга, чтобы ввести в заблуждение непрошенных гостей. В XIV веке город Слобода был перенесен и построен на новом, нынешнем месте. Это находит подтверждение в артефактах, найденных при раскопках крепостного вала в августе 1984 года разведочной группой Вятско-Камской экспедиции под руководством д-ра ист. наук Л. Д. Ма-



▼ Город Слободской



▲ Стефан Пермский. «Святая Троица»

карова (г. Ижевск). После присоединения Вятской земли в 1489 году к Московии стал называться Слободской городок, а чтобы не было путаницы, писали в грамотах: «Слободской Верхней городок», про который Герберштейн писал: «Есть на Вятке еще Слободской городок, но когда он возник, неизвестно...». Здесь находились государевы наместники и сюда посылались правительственные распоряжения и государевы грамоты. На европейских картах вплоть до XVII века город обозначался на старом месте.

В Слободу Стефан принес икону своего письма Николая Чудотворца, самого почитаемого им святого. Подобные иконы он дарил в церкви в местах, где не бывал ранее. Впоследствии она стала называться иконой Николы Великорецкого, весьма почитаемой на Вятской земле по настоящее время. Подлинная икона была утеряна, но какой

она была, можно видеть по келейной иконе Преподобного Сергия Радонежского, по преданию принадлежавшей ему. Сергей также весьма почитал святого Николая и вполне возможно, что эта икона была написана и преподнесена ему в дар его другом Стефаном Пермским.

Была еще одна причина посещения Слободы — здесь жил и трудился в монастырской или сельской иконописной мастерской Андрей Рублев. Эта фамилия издавна известна на Слободской земле, по переписи 1629 года (более ранние утрачены или недоступны) в городе и округе было более десяти семей Рублевых, в наше время их намного больше.

Андрей был известен не под своим личным прозвищем, а под прозвищным отчеством. «Рубль» — предположительно, являлось личным прозвищем его отца или даже кого-то из более отда-

ленных предков. В Северо-Восточной Руси люди с таким родовым прозвищем не занимали высокого положения в обществе. Рукописи конца XV — начала XVI века сохранили упоминание о Рублевых — торговцах, ремесленниках, крестьянах, «посельских» людях.

Крупнейший знаток древнерусского родословия С.Б. Веселовский выводит значение этой фамилии от «рубеля»-инструмента, употреблявшегося для обработки (накатки) кож, и считает, что это семейное прозвище может свидетельствовать о происхождении Андрея Рублева из рода ремесленников. То, что одаренный юноша из ремесленной среды решил заняться другим, нежели его предки, ремеслом — иконописью, вполне с этим согласуется.

Стефан Пермский, несомненно, знал об Андрее и видел его работы, так как в 1386 году Рублев был уже состоявшимся иконописцем. К этому времени он прошел все стадии обучения и какое-то время поработал самостоятельно, чтобы обрести собственный «голос» и известность. А учиться было у кого. Не надо забывать, что Родиной русского религиозного искусства XIV–XV веков, местом его высших достижений являлся Великий Новгород, «русская Флоренция». Именно новгородская школа иконописи, представители которой несомненно были и работали в Слободском, а потребность в иконах была высока, возникали новые поселения, возводились храмы, которые нуждались в обустройстве, оказала влияние и сформировала Рублева как художника-иконописца.

Стефан, сам человек неординарный, грамотный и весьма начитанный, понимал, что это талант, самородок и что для дальнейшего его развития и, главное, признания среди иконописцев Московской Руси нужны были настоящие учителя — мастера своего, работавшие в Москве.

Родился Рублев в Слободском или где-то рядом — неизвестно, но становление его как художника-иконописца произошло, несомненно, здесь. Это был представитель смешанного брака: отец христианин, владимирец или усюжанин, мать — зырянка, бывшая язычница, представительница одной из древнейших народностей, обитавших на территории Северо-Восточной Руси.

Предание рисует Андрея тихим, скромным, созерцательным и незлобивым человеком, предельно искренним в своих убеждениях и по собственным его умиротворенным, гармоничным творениям, многое в его личных свойствах было врожденным. «Он сосре-

доточен, погружен в себя, немного робок, но настойчив в исканиях и в сердце своем хранил тот жар, который тем больше согревает, чем глубже он запрятан», — писал о Рублеве М. А. Алпатов.

Важно отметить, что все написанное Рублевым объединяет одна специфическая особенность — в ликах кисти Андрея столько тишины, мира, покоя, любви, что кажется — это искусство просто не могло родиться в эпоху кровавых войн, трагических испытаний, пережитых русскими людьми в XIII–XIV веках. Иначе оно хоть как-то отразило бы в себе эти тяготы, выпавшие на долю русского народа. Все эти произведения мог написать только свободный человек, родившийся на земле, где в течение долгого времени существовала вечевая, выборная, демократическая республика, где дух свободы и независимости передавался из поколения в поколение. Свободный как физически — не живший в постоянном страхе за свою жизнь и жизнь своих близких, которая в любой момент могла оборваться по прихоти князя или иноплеменного захватчика, так свободный духовно и творчески. Свободно мыслящий, не связанный никакими условностями и канонами.

Это языческое поклонение природе, переосмысленное и освященное верой христианской и в сочетании с тем Божественным даром, данным ему свыше, позволило Рублеву написать такие произведения, как «Спас Нерукотворный» Звенигородского чина, поразивший современников. Отпечаток огромного впечатления, которое он произвел на людей XV века, несет на себе ни одно произведение даже из того немногочисленного, что сохранило для нас время из икон этого столетия.

Нужно отметить, что в те времена, да и позднее тоже написание образа Спасителя являлось завершающей стадией ученичества, как бы копия чудесного первоначала «священного искусства», после чего подмастерью присваивалось звание мастера, дающее право самостоятельной работы и возможность иметь учеников. Экзамен Рублев сдал блестяще!

И, конечно, «Троица» — эти работы не оставляют равнодушными и восхищающие до настоящего времени всех, кто смотрит на них с истинным пониманием и верой.

Творчество Рублева было связано с особым движением, которое носило название «исихазм» — молчаливость. Это одно из древнейших направлений в монашестве, но особенно усилилось и выросло это направление в XIV столетии. Одной из целей «исихии» — безмолвия было достиже-



▲ Апостол Лука — автопортрет Андрея Рублева, прорисовка

ние внутренней тишины, гармонии, цельности душевных и телесных состояний, «умное восхождение» от чувственных впечатлений к «невещественному фаворскому свету». «Безмолвие», по определению Григория Паламы, — «есть остановка ума и мира, забвение низших, тайное видение высших... это и есть истинное делание, восхождение к истинному созерцанию и видению Бога».

Предание, записанное знатоком и собирателем творений Рублева русским писателем Иосифом Волоцким в начале XVI века, рисует образ Андрея не просто созерцателя — исихаста, а исихаста — художника, который через «... великое тщание о постничестве и иноческом жителстве» — сумел — «ум и мысль вознести к невещественному... чувственное же око возводит к написанным образам...». Важно и то замечание Иосифа, что эта чер-

та была присуща и другим трудившимся с ним художникам — Даниилу Черному, его старшему «сотоварищу», и «иным многим».

Следует также сказать, что Рублев считался человеком исключительного ума и духовного опыта — «всех превосходящ в мудрости зельне».

Умолчано в летописях о деятельности Рублева до 1405 года, когда он впервые упоминается в составе «дружины» Феофана Грека вместе с Прохором с Городца, способствовало то, что оставленный в 1386 году Стефаном, епископом Пермским, на попечение своего друга, Сергия Радонежского, Андрей поначалу трудится в мастерской монастыря, затем становится княжеским художником Юрия Дмитриевича Звенигородского, которому Сергей приходился крестным отцом. Здесь же, по достижению 30-ти лет, после нескольких

► «Страшный суд», фреска
 Андрея Рублева, 1408 г.

лет послушничества, Рублев принимает постриг.

Послушника обычно постригали в рясофоры. Это первый разряд монашества из трех по принятию на себя обетам. Официально это — «последование пострижения в рясу и камилавку» и монахом не делает, но внешне такой рясофорный послушник в будничной обстановке не отличим от монаха — подрясник и камилавка. Обеты еще не даны, перемены имени не производится, «рясофор» права голоса в монастыре не имел, работал за кусок хлеба и кров и обычно мог покинуть монастырь без особых осложнений, что и сделал Рублев, перейдя после смерти Сергия Радонежского в 1392 году в Спасо-Андрониевский монастырь.

Возможно, что было пострижение во вторую степень монашества — «малую схиму». Этого монаха не называют схимником, а просто монахом «мантейным», т.е. носящим мантию. Перемена имени не производится, но принимались некоторые обеты, уход из монастыря не запрещался. В любом случае он уходил из мира, но не порывал с ним.

Вятская земля была вотчиной Юрия Дмитриевича, но когда она была передана в его владение — неизвестно, так как акт о пожаловании этими землями «утерян», как и многие другие, имеющие отношение к Вятке и ее жителям.

Рублев участвует в росписи звенигородских храмов, строительство которых начал Юрий Дмитриевич и где во всей мощи и красоте проявился его талант художника. Это мы можем видеть в дошедших до нас иконах «Звенигородского чина», покоряющих редким сочетанием изящества и силы, мягкости и твердости, но прежде всего безграничной добротой.



Версия

Но в связи с событиями феодальной войны 1424–1453 гг. сведения о строительстве и росписи храмов в Звенигороде были вычеркнуты из дошедших до настоящего времени списков официального Московского свода 1408–1419 гг., подобно тому, как исчезли имена Юрия Звенигородского и Андрея Рублева из второй Пахомиевой редакции «Житие Сергия Радонежского». В этой редакции также исчезает всякий намек на участие Юрия Дмитриевича в сооружении Троицкого собора, постройка которого представлена как дело, совершенное всецело по инициативе и настоянию Никона. Для Пахомия Серб (Лагофета), который стал официальным агиографом и четко следовал указаниям власти, после ослепления великого князя Василия II Васильевича, сына Василия I Дмитриевича, и смерти Дмитрия Шемяки, который был отравлен, было невозможным какое бы то ни было упоминание об отце Дмитрия — Юрии Дмитриевиче Звенигородском.

В 1392 году, после смерти Сергия Радонежского, Андрей Рублев переходит в Спасо-Андроников монастырь и начинает работать в великокняже-

ской книжной мастерской, которая, судя по всему, там находилась и где уже работает Феофан Грек, занимается росписью заставок, инициалов и миниатюр, не теряя связи с Юрием Дмитриевичем. Как писал Н.Н. Третьяков, за время работы в этой мастерской Рублев внес в книжное искусство Древней Руси много нового, ранее никогда не изображавшееся. В орнаментальном стиле Евангелия Хитрово, отмечал М.В. Алпатов, ясно сказались иное восприятие природы. С еще большей отчетливостью сказалась стиль Рублева в инициалах. При сопоставлении зверей, птиц, драконов, змей и рыб, украшающих заглавные буквы, почти везде изображалась буква «В». Можно проследить, как анималистические образы становятся в этой рукописи более одухотворенными, неизменно приобретая неповторимые черты, отличающие животный мир рублевской фрески.

В 1408 году (к этому времени Феофан Грек уже умер) Андрей Рублев и его друг, «сопостник», Даниил Черный, с которым он работал до конца дней своих, по приказу великого князя Василия Дмитриевича участвовали в работах по украшению Успенского собора XII века во Владимире, бывшей столице Северо-Восточной Руси. Им пришлось почти заново расписать фресками величественное сооружение Андрея Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо. В этих росписях много загадок, ответ на которые не найден до настоящего времени. Здесь Рублев в первый и последний раз нарушает законы иконографии, о причине этого приходится только догадываться.

В композиции «Страшный суд» в образе покровителя иконописцев —



◀ Кадр из фильма «Андрей Рублев», 1966 г.

апостола Луки, с высоким лбом и тонкими чертами лица просматривается отпечаток утонченного интеллекта. По древней традиции и по предписанию более ранних иконописных подлинников Лука обычно изображается молодым, кудрявым, с темными волосами, закрывающими лоб. Светловолосый, со «взлысым лбом», небольшой и редкой бородой, задумчивый Лука со сводов Успенского собора настолько не похож на узаконенный иконографический образ, что невольно возникает вопрос — не навеян ли этот образ какими-то жизненными ассоциациями? А не сам ли это Андрей Рублев? На фреске он мог изобразить себя и всю свою «дружину», что и сделал, так как это не икона — объект поклонения.

В композиции «Страшный суд» есть еще несколько изображений, имеющих отступления от законов иконографии. Среди них символическое изображение четырех царств, представленных в образе зверей. Здесь Рублев вводит образ медведя, не имеющий прямых предшественников в русском и византийском искусстве более раннего времени. Удивительная по своему правдоподобию фигура медведя выделяется особым, неторопливым ритмом

своего тяжелого, утверждающего шага. В рублевском медведе есть и выражение грозной силы лесного хозяина, и застенчивая хитрость, и едва уловимый оттенок добродушия, свойственный персонажам русских сказок. Медведь бредет с низко опущенной головой, словно высматривая затерянный след. Художник подмечает характерную поведку зверя, его чуть вытянутую морду, похожий на копну загорбок, крепкие клыки и кривые ногти.

Трудно сказать, какой исторический смысл вкладывал Рублев в образ медведя и что могла означать эта фигура. Но нельзя забывать, что культ медведя имел древнейшее происхождение, и не нарек ли это на Родину Андрея — Вятскую землю, долго хранившую славу неприступно-глухого медвежьего угла русской земли.

В творениях Рублева, писала Н. А. Демина, облики людей никогда не искажены страданием или напряжением внутренней борьбы. Лица и одежды передаются при помощи тончайших постепенных переходов от неглубоких теней к мягким, прозрачным высветлениям. У Рублева отсутствует прием наложения ярких пробелов на темный тон одежды и других предметов. Общий коло-

рит его произведений много светлее и необыкновенно богат тонально благодаря просвечиванию основного тона сквозь тонкие и постепенно уплотняющиеся слои пробелов, отчего создается впечатление света лучистого, но рассеянного, а не блистающего во тьме. Этот прием позднее получил название «плавей», а в народе назывался «дымом писано».

Через 100 лет после смерти Рублева аналогичный принцип рассеяния изобрел Леонардо да Винчи. Предметы, изображенные на его картинах, не имеют четких границ. Все, как в жизни, размыто, протекает одно в другое, дышит, живет, пробуждает фантазию. Этот принцип называется сфумато и буквально обозначает «исчезающий, как дым». Подразумевается под ним особое затушеванное изображение. Позже этот термин стал применяться для наименования особой техники передачи полутонов.

17 июля под сводами русских храмов зажигаются лампы и свечи перед иконами новопрославленного святого, и древними напевами, старинным, но не стареющим славянским языком славится «... чудный иконописец Земли Российской...» — «... наша похвала и радование...» — Андрей Рублев. **УС**



Уральский государственный лесотехнический университет, ФГБОУ ВО

Лицензия серия 90ЛО1 номер 0009433.

Центр дополнительного образования УГЛУ

Приглашает пройти обучение по дополнительным профессиональным образовательным программам

Повышение квалификации, обучение и проверка знаний

итоговый документ — УДОСТОВЕРЕНИЕ о повышении квалификации, проверке знаний; формы обучения: очная, заочная

● Работников предприятий и организаций автомобильного транспорта, лесозаготовительной и деревоперерабатывающей отраслей промышленности

● Предаттестационная подготовка в системе ОЛИМПОКС

● Обучение и проверка знаний Охрана труда и промышленная безопасность; пожарно-технический минимум и др.

Требования к уровню образования слушателей

1) лица, имеющие среднее профессиональное и (или) высшее образование;

2) лица, получающие среднее профессиональное и (или) высшее образование.

Формы обучения:

ОЧНАЯ и ЗАОЧНАЯ (с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий, без отрыва от работы)

Профессиональная переподготовка

итоговый документ — ДИПЛОМ о профессиональной переподготовке, дающий право на ведение нового вида профессиональной деятельности

● Лесное хозяйство

● Основы охотоведения и охотхозяйственной деятельности

● По программам реализации 287 Приказа Минтранса России от 28.09.2015

Требования к уровню образования слушателей

1) лица, имеющие среднее профессиональное и (или) высшее образование;

2) лица, получающие среднее профессиональное и (или) высшее образование.

Форма обучения:

ЗАОЧНАЯ (с исключительным применением электронного обучения, без отрыва от работы)

По всем вопросам обращаться:

Центр дополнительного образования УГЛУ, Учебно-консультационный центр

«Государственное и муниципальное управление и экономика»,

620100, г. Екатеринбург, Сибирский тракт, 35, каб. 313, 314. Тел./факс: (343) 254-63-45, e-mail: ukc.gmu@yandex.ru

На руинах санатория «Озеро Молтаево»

Когда-то этот санаторий в Алапаевском районе

Свердловской области был поистине чудным местом

и чудесная грязь озера Молтаево лечила от всех недугов.

Со всего Советского Союза приезжали сюда люди поправить

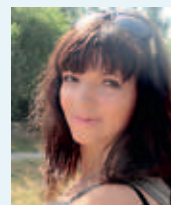
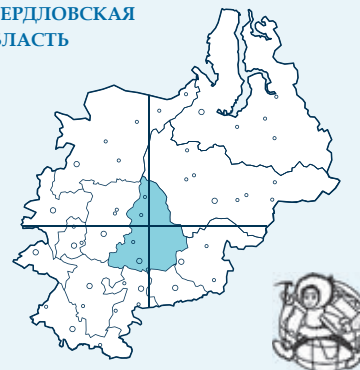
здоровье. Но в 1990-е годы он был закрыт. Сейчас

от знаменитой лечебницы остались лишь руины в лесу.

Впервые про этот санаторий я услышала от мамы одной нашей подружки на ее дне рождения. Принимая поздравления и поднимая бокалы за именинницу, счастливая родительница сказала, что «привезла» дочку из санатория «Озеро Молтаево». «Ой, нет-нет, вы не так меня поняли, — испуганно замахала руками женщина почтенного возраста, когда мы в дружном удивлении уставились на нее, — я смогла забеременеть и родить только после лечения молтаевскими грязями».

Озеро Молтаево, на берегу которого и был санаторий, расположено на территории Алапаевского района Свердловской области, близ одноименного поселка. Оно очень старое, образовалось в результате деятельности ледника. Озеро Молтаево или Молтаево упоминается в грамоте 1685 года. В 1939 году (по другим данным в 1931 году) жители расположенного неподалеку села Деево из колхоза «Закаленный боец» сделали небольшую грязелечебницу. В голодное воен-

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ



Наталья Дудко

Постоянно ищет приключения. Редактор раздела «Встречный ветер».

Встречный ветер

▲ Время и люди «постарались»



▲ К клубу уже приходится продираться через заросли кустов



◀ Здание санатория построено как будто на века

ное время работники колхоза кормили лошадей водорослями из озера Молтаево. В итоге лошади не то что не страдали истощением, а даже увеличили работоспособность. Слава о чудесных свойствах озера постепенно стала распространяться... В 1945 году на озере Молтаево началось строительство курорта. Он возводился как силами местных жителей, так и с использованием труда пленных немцев. Помогали и промышленные предприятия.

Здесь поправили свое здоровье тысячи людей. Молтаевский сапропель уникален. Всего в нашей стране лишь четыре подобных места, но Молтаево считается самым-самым. Лечебная грязь богата белками, углеводами, азотом, битумами, летучими жирными кислотами, полезными витаминами и минеральными веществами. За счет своего состава молтаевский сапропель активизирует защитные силы организма, лечит кожные, вегето-сосудистые, нервные, гинекологические заболевания, болезни суставов, экземы, ожоги. Но сейчас можно только самостоятельно побарахтаться в озерной грязи.

Доехать проще всего на личном автомобиле из Екатеринбурга по Режевскому тракту, около Режа повернуть на Алапаевск. Примерно на полпути между Режом и Алапаевском будет указатель налево – Молтаево. Через 3 км покажется поселок Молтаево. Озеро будет слева. Но, чтобы попасть на место бывшего санатория, нужно продолжать

движение – проехать Молтаево, затем деревню Маевку. Дорога вскоре заканчивается и начинается территория бывшего санатория. Расстояние от Екатеринбурга – 120 километров.

На общественном транспорте можно доехать до поворота на Молтаево на автобусе Екатеринбург – Алапаевск, далее только пешком через деревни Молтаево и Маевка (6,5 км в одну сторону).

Вот уж где точно романтика постапокалипсиса – руины очень живописные, несмотря на глобальное разрушение и разорение. Разрушенные и разгромленные корпуса санатория. Обломки статуй Физкультурника и Девушки с веслом, скульптурного ансамбля фонтана. Густой красивый уральский лес. Озеро. Когда-то здесь была жизнь: крутили кино, вечером были танцы, у фонтана назначали встречи, гуляли по дорожкам, заводили курортные романы, а главное – получали надежду на выздоровление. **УС**













Торговая компания
Люмна
книги учебники канцтовары

г.Екатеринбург, ул.Студенческая, 1В;
(343) 228-10-70- отдел реализации ;
г.Березовский, ул.Уральская, 132
(343) 344-40-60 - отдел реализации

www.lumna.ru



-  **КНИГИ**
-  **УЧЕБНИКИ**
-  **МЕТОДИЧЕСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА**
-  **НАГЛЯДНЫЕ ПОСОБИЯ**
-  **ОТКРЫТКИ**
-  **КАНЦТОВАРЫ**
-  **ИГРУШКИ**
-  **СУВЕНИРЫ**

Магазины "ЖИВОЕ СЛОВО"

г. Екатеринбург

ул. Победы, 38 +7 (343) 330-16-82
ул. Пехотинцев, 6 +7 (343) 323-81-81
ул. Родонитовая, 9 +7 (343) 381-35-43
ул. Волгоградская, 190 +7 (343) 234-47-73
ул. Блюхера, 12 +7 (343) 374-53-81
ул. Крауля, 44 +7 (343) 278-40-46
пр. Космонавтов, 72 +7 (343) 216-38-21
ул. Красных Командиров, 23 +7 (343) 367-71-23
ул. Грибоедова, 12 +7 (343) 258-43-45
ул. Гагарина, 1 +7 (343) 374-76-37
ул. Кировоградская, 4 +7 (343) 317-25-95
ул. Вильгельма де Генина, 37 +7 (343) 205-98-29
ул. Баумана, 35 +7 (343) 300-17-44
ул. 8-марта, 167 +7 (343) 300-65-50

г. Каменск-Уральский

Комсомольский б-р, 39 +7 (3439) 540-510
ул. Победы, 4 +7 (3439) 370-567

г. Нефтеюганск

М-н «Канцлер», 13 микрорайон, 4 ... +7 (3463) 244-141

г. Сургут

ул. Университетская, 29 +7 (3462) 95-14-46

г. В.Пышма

ул. Кривоусова, 55 +7 (34368) 7-91-56

г. Березовский

ул. Гагарина, 17 +7 (343) 385-66-52

г. Ишим

ул. Горького, 28/9 +7 (34551) 5-09-05

ул. Советская, 19 +7 (34551) 5-12-38

г. Асбест

пр. Ленина, 21 +7 (34365) 2-95-73

г. Серов

ул. Ленина, 148 +7 (34385) 7-50-70

г. Новоуральск

ул. Комсомольская, 18 +7 (34370) 7-100-7

г. Миасс,

пр. Автозаводцев, 52 +7 (3513) 26-65-74

г. Н. Тагил

пр. Мира, 37 +7 (3435) 379-731

ул. Фрунзе, 42 +7 (3435) 379-732

ул. Пархоменко +7 (3435) 379-733

г. Челябинск

ул. Комарова 110 +7 (351)220-28-70





УРАЛЬСКИЙ
следопыт
www uralstalker.com
ISSN 0134-241X

Октябрь 2019



Аэлита

50 **Законы Вселенной**

ЕВГЕНИЙ БРИЗ
Анархия разума

50

64 **Законы Вселенной**

ДАРЬЯ СТРАННИК
Земля

64

70 **Координаты чудес**

ДМИТРИЙ КОСТЮКЕВИЧ
Граф фон Цеппелин снова спускается
в преисподнюю

70

76 **Повод для улыбки**

ИВАН ЖЕРЕБИЛОВ
Зефы

76

78 **Повод для улыбки**

ЕВГЕНИЙ КУНИН
Вирус ДПП

78

Анархия разума



Евгений Бриз (псевдоним)

Родился в 1988 году в провинциальном городе Брянске. После получения диплома специалиста по странам Юго-Восточной Европы помогает развиваться семейному бизнесу. Основным занятием автора многие годы был мыслительный процесс по сбору ценных идей и их генерации. В результате к 2012 году количество идей и планов превосходило количество написанных текстов, из-за чего автор, наконец, взялся за перо на регулярной основе. Поклонник футбольного клуба «Барселона» и фанат чемпионата «Формулы-1» с пятнадцатилетним стажем. Любит путешествовать и собирать материал для будущих произведений.

987

Звонит будильник. Джонни ощущает его едва ли не подкожное проникновение. Семь ноль-ноль утра. Налитое свинцом тело выбирается из персональной капсулы. Джонни зол, но с каждым новым утром злость почему-то ощущается не так остро. Джонни напуган, что однажды он перестанет вообще что-либо чувствовать.

— Джонни продолжает думать о себе в третьем лице, — говорю я вслух и тут же добавляю: — Это ведь полезная привычка. Или нет?

Я встаю рядом с узким окном и смотрю на серое искусственное небо Муравейника. Будто в предвкушении долгожданных перемен.

Подхожу к шкафу, двери раздвигаются автоматически. Выбираю новый костюм, рубашку, туфли. Все они одинаковы, тем не менее, у меня всегда есть выбор. Забавно. Ха-ха.

Я подношу руки к лицу. Трогаю гладкую и холодную, как мрамор, маску. От ненужных размышлений отвлекает звонок в дверь. Это Дэннис. Или Карл. А может, Джаспер.

Я молча выхожу из квартиры. Мы вместе идём по тротуару вдоль десятков идентичных друг другу многоэтажек. Ещё не рассвело окончательно, но всё равно отчётливо видна витающая в воздухе привычная дымка. Говорят, это душа неба, которое давно умерло, и его заменили мрачной имитацией. Улицу освещают фонари и светящиеся окна домов.

— Как спалось? — спрашивает мой попутчик. — Кошмары не снились?

Вероятно, это всё же Дэннис, раз ему известно о моих снах.

— Сегодня нет, — отвечаю я. — У вас с Кэтрин всё хорошо?

— У Дэнниса и Кэтрин всё отлично, — звучит ответ.

Мы заходим в офисный центр корпорации «Персона».

Перед лифтом стоит несколько человек. В одинаковых костюмах и синих масках.

— У тебя трещина на скуле, — замечает один из них, глядя на Дэнниса.

— Мелкая ссора с женой, — невозмутимо отвечает он.

— Тебе следует обратиться в ремонтный отдел, — советует учтивый коллега.

— Дэннис так и сделает.

Мы заходим в просторную кабину лифта. Наш офис — на шестом этаже. В семь тридцать начинается рабочая смена. Я занимаю место за столом, включаю планшет и погружаюсь в анализ полученных графиков. Алгоритм действий отлажен, я делаю это практически на автомате.

Мысли то и дело уводят меня к прошедшей ночи. Я соврал — мне снова приснился тот сон. Впрочем, Дэннис тоже соврал насчёт трещины.

988

До Известных Событий всё было иначе. Никто не знает, как, но совершенно точно — по-другому. Да и о самих Событиях ничего не известно. Забавный каламбур, да?

Кто-то говорит, что мы все умерли, как и небо, отражающее нашу суть. Если это так, то загробный мир чересчур пресен.

Иногда мне снится сон. Он уносит меня в день далёкого прошлого, когда я познакомился с девушкой своей мечты.

Хотя было ли это прошлым, а не очередным олицетворением грёз?

Мы с Дэннисом едем в красной спортивной машине по трассе. Нам весело. Я вижу его лицо — улыбающееся, живое, с россыпью мимических морщин вокруг глаз и на лбу. У него нос картошкой и слегка оттопыренные уши, но при этом его всё же можно назвать симпатичным.

Своего лица я не могу разглядеть, вижу лишь голубые глаза в отражении салонного зеркала. Да и то если вытянуть голову.

Мы шутим о девушках, у Дэнниса их было куда больше, чем у меня. Ему повезло, что он женился до того, как всё случилось. По крайней мере, он не один.

Я замечаю на обочине голосующую девушку в розовой юбке и белой майке. Торможу в пол. Дэннис недовольно фыркает и стряхивает с себя остатки чипсов. Я оборачиваюсь назад — девушка семенит к машине. Я стараюсь разглядеть её лицо, но яркое солнце нещадно слепит меня. Её черты размыты, и когда она оказывается совсем близко, я просыпаюсь.

Я не знаю, где она и что с ней. Я даже до конца не уверен, была ли она реальна. Если да, то моё знакомство с Ванессой продлилось совсем недолго, нас постигли Известные События, но она — лучшее, что случилось со мной в той жизни. Я вспоминаю о ней каждый день и каждый час. И постоянно проклиная себя за то, что не сумел удержать в памяти её отчётливый образ. Я бы отдал всё за возможность оказаться с ней рядом... Но у меня нет ничего, кроме снов.

989

Мне на плечо ложится чья-то тяжёлая кисть.

— Почему ты не идёшь на перерыв? — спрашивает гигант. Это Джаспер. Сто процентов.

— Джонни задумался. — Я встаю и иду с ним в холл.

Джаспер предлагает мне журнал. Минут двадцать мы молча читаем о правильном социальном поведении. К нам присоединяется Дэннис со свежей замазкой на скуле.

— Что они тебе сказали? — спрашивает Джаспер, не поднимая головы.

— Как обычно. Думали, Дэннис хотел разбить маску.

— Ты ведь хотел, — утвердительно вставляю я полшёпотом.

— Дэннис похож на психа? Он никогда о таком не помышлял!

— А у Джаспера было пару раз, — вдруг признаётся гигант.

Мы с Дэннисом таращимся на него.

— Да, это отмечено у него в досье. Только он не помнит, зачем так поступил, — заканчивает Джаспер.

— Наверно, ты хотел повидаться с Еленой, — предположил я. — После того, как она сняла маску и её списали в Утиль.

— С кем повидаться? — переспрашивает великан.

— Ты не помнишь Елену, свою жену? Её списали месяц назад.

— Нет.

— Дэннис её тоже не помнит. Она работала в нашем офисе?

— Нет, она работала с Кэтрин. Спроси её, может, она помнит.

— А почему ты её до сих пор помнишь? — спрашивает Джаспер.

— У Джонни хорошая память. Не такая, как у вас, болванов. Но скоро и он забудет.

— Скоро мы забудем свои имена. — Дэннис отбрасывает журнал и смотрит на меня сквозь непро-

ницаемые линзы маски. — Кстати, забыл сказать. Мистер Морти хотел тебя видеть.

Член совета директоров проявил интерес к моей персоне? С чего бы вдруг?

— Ты уверен? — переспрашиваю я.

— Это случилось пятнадцать минут назад. Даже болван не успеет забыть.

Я встаю с кожаного дивана и иду к лифту. Поднимаюсь на тридцать шестой этаж и стучусь в кабинет мистера Морти. Он сидит, как всегда, в тёмном углу кабинета. Свет от прожекторов светит из-за его спины, из-за чего невозможно рассмотреть лица. Никто не знает, носят ли маски члены совета директоров. Скорее всего, да.

— Мистер Джонни, — раздаётся мягкий голос из темноты. — Присаживайтесь.

Я сажусь в кресло странной конструкции. Оно пугает наличием дополнительных приспособлений на подлокотниках. По слухам... нет, сейчас об этом нельзя даже думать.

— Как вы себя чувствуете? — спрашивает мистер Морти. — Как настроение?

— У Джонни прекрасное настроение и самочувствие, — без раздумий отвечаю я.

— Вы отличный сотрудник, — неожиданно хвалит меня босс. — Вас всё устраивает в нашей фирме? Ничего не угнетает?

— Нет, сэр. Джонни всем доволен.

— Вы уверены?

— Абсолютно.

Я боюсь даже подумать о чём-то. Говорят, на столь близком расстоянии боссам доступны мысли сотрудников. Лучше я вернусь к описанию от третьего лица.

Джонни начинает ощущать, как под холодной маской образовывается испарина. Мистер Морти будто видит это из своего тёмного угла кабинета.

— А маска? — спрашивает он. — У вас не возникает желания снять её и показать всем, в том числе и себе, своё лицо?

— Никогда, сэр, — с готовностью отвечает Джонни. — Это ведь опасно, сэр.

Джонни кажется, что он видит, как босс удовлетворительно кивает.

— Ведь маска — это единственное, что защищает сотрудника фирмы от Анархии разума, — добавляет Джонни.

— Вы свободны, мистер Джонни, — говорит босс. — Продолжайте работать.

990

Вечером после смены мы идём с Дэннисом, Кэтрин и Джаспером на онлайн-концерт. Играет, как и всегда, группа «Блю мен групп». После их музыки всегда болит голова, но мы обязаны ходить на концерты дважды в неделю. Как сказано в инструкции сотрудника, музыка группы «Блю мен групп» предотвращает развитие скрытой Анархии разума.

Её боятся все. Даже те, кто осмеливается снять маски. Невозможно не бояться. Они отрываются от реальности, поэтому их списывают в Утиль — как принято считать, это большая чёрная комната без единого лучика света, где списанные находятся круглые сутки. Никто не желает туда попасть, но у некоторых желание избавиться от маски и увидеть своё лицо оказывается сильнее страха. На самом деле они бегут от Великой Рутины Муравейника. Ибо ни из Рутины, ни из Муравейника нет иных выходов. Только вот напрасные жертвы это всё, если верить инструкции. Через несколько секунд после снятия маски начинаются первые признаки Анархии. В ушах звучит искажённая музыка группы «Блю мен групп», а перед глазами всё плывёт и расплыва-

ется. Кто-то возвращается в свои сны и остаётся там навсегда...

991

Зеркал нет нигде. Их изъяли. Как и всё, что относилось к жизни до Известных Событий. Я — злостный нарушитель, потому что утаил от них две вещи — блокнот с записями и осколок настенного зеркала шириной с планшет. Пустой блокнот и зеркало я нашёл давно в заброшенном районе Муравейника, куда мы с Дэннисом один раз рискнули выбраться. Тогда Дэннис очень испугался, что я взял эти вещи с собой, но уже через несколько дней он забыл про нашу вылазку и про всё, с ней связанное. Я и сам начал забывать. Тогда и понял, что единственный способ сохранить воспоминания — записывать их. Воспоминания испаряются, как дым, вздымающийся в небо.

Всё, что я пишу в нём — не более чем мои представления о прошлом, навеянные снами. По их обрывочному смыслу я стараюсь удержать в памяти представление о той жизни, которой я жил прежде. Я настойчиво убеждаю себя в том, что это истинные воспоминания, а не всего лишь мечты. Наверное, я никогда этого не узнаю наверняка.

Порой я смотрю в зеркало и вижу идеально гладкую синюю маску с безжизненным взглядом тёмных линз.

Противно пищит будильник. Семь ноль-ноль утра. Джонни давно не спит, он выползает из персональной капсулы и несколько минут сидит неподвижно. Статика — такое слово приходит ему на ум. Он тянется за блокнотом и записывает обрывки ночного сна, ещё не выветрившиеся из головы.

992

В этот раз я вижу широкий берег озера, покрытый зелёной травой. Вновь ярко светит солнце. В Мура-

вейнике я никогда не видел яркого солнца. Только во снах.

Дэннис кричит мне раздеваться быстрее, он жаждет искупаться в прохладной воде. Он в одних плавках бежит к озеру, оглядываясь на меня. Я вижу его улыбающееся лицо.

Я быстро избавляюсь от одежды и устремляюсь вслед за ним. Вода приятно охлаждает раскалённое тело. Мы резвимся как дети, вокруг никого. Вдруг мне в голову приходит мысль разглядеть своё лицо с помощью гладкой поверхности воды. Я останавливаюсь, стоя по пояс в воде, и тщетно стараюсь уловить отражение. Но поверхность беспокойна и мутна — я не вижу даже своих ног. В этот момент я понимаю, что это сон и скоро мне предстоит оказаться в холодном тесном гробу.

— Перестань беситься, Дэннис! — кричу я своему другу. — Замри! Я хочу посмотреть, пока не поздно!

— На что? — спрашивает он и начинает мутить воду ещё сильнее. — Тебе нельзя смотреть, иначе ты сойдёшь с ума.

От страха я просыпаюсь раньше будильника и неподвижно лежу в капсуле целых два часа.

Статика. Почему-то ну ум приходит лишь одно это слово.

993

Новый день начинается нетривиально — нас знакомят с новым сотрудником. Её зовут Пэйдж, она перевелась из соседнего квартала. По забавному стечению обстоятельств её место находится по соседству с моим. Последнюю неделю оно пустовало — моего коллегу списали в Утиль по стандартной причине — нарушение целостности маски.

— Ты странный, — вдруг доносится до меня.

Я поворачиваю голову, Пэйдж смотрит на меня, прекратив работу. Такое недопустимо, для общения есть получасовые перерывы каждые три часа. Тем не менее, любопытство берёт верх над осторожностью и корпоративной дисциплиной.

— Почему Джонни странный? — спрашиваю я.

— Пэйдж чувствует это, — отвечает Пэйдж.

Я не вижу её глаз, но мне кажется, она ни на секунду не сводит их с меня. — У неё хорошо получается ощущать внутренний настрой людей. Снаружи они все одинаковы, но внутри... далеко нет.

Я прихожу в лёгкое замешательство. Ещё никто ни разу мне о таком не говорил. Может быть, она — засланный казачок? Проверяет дисциплинированность сотрудников корпорации. Нельзя выдавать себя. Ни в коем случае.

— Ты нервничаешь, — это звучит в утвердительной форме. Тем не менее, я оспариваю:

— Нисколько. Джонни просто удивлён. И вообще, если хочешь поговорить об этом, то в перерыве. Сейчас идут рабочие часы.

Пэйдж кивает. От меня не ускользает некий оттенок разочарования в этом нехитром жесте.

— Хорошо, — соглашается она. — Ты ведь ответственный сотрудник, на хорошем счету у руководства.

Издёвка? Насмешка?

Когда наступает перерыв, я уволю Пэйдж в холл и шепчу:

— Что за игры? Тебя послал совет директоров?

Она смеётся. Я слышу её смех, исходящий из-под застывшей холодной маски. Очень редкая эмоция. Я оглядываюсь по сторонам. Несколько человек обращают на нас внимание.

— Прекрати смеяться! — зло говорю я.

— Почему, если Пэйдж смешно? — невозмутимо спрашивает девушка.

— Здесь нет ничего смешного.

— Ты думаешь, Пэйдж заслани в ваш офис с целью выявить нарушителей социального режима?

— Может, и так.

Пэйдж прислоняется к стене и откидывает голову.

— Вечером после работы, — говорит она и намечается уйти.

Я хватаю её за локоть.

— Что вечером после работы?

— Пэйдж кое-что покажет тебе.

С этими словами она возвращается на рабочее место. Остаток смены я не могу сконцентрироваться, поэтому медленно и скверно выполняю свою работу.

994

— Я веду записи, — заявляет Пэйдж во время прогулки по парку. Она настояла на разговоре в парке, в самом безопасном, по её мнению, месте.

От неожиданности я останавливаюсь, не в силах пошевелиться. И я не знаю, чему удивляться больше — тому, что она вела записи или тому, что она произнесла самое запретное из всех слов — «я».

— Это злостное нарушение порядка, — наконец, выдавливаю из себя я и добавляю стандартную для таких случаев фразу, прописанную в Уставе: — Джонни следует донести информацию до руководства «Персоны».

Я слышу усмешку.

— А почему Джонни до сих пор не донёс на себя?

Я чувствую, как сердце с глухим стуком падает к ногам. Это действительно проверка. Умелый блеф. Только к чему он, если им всё про меня известно?

И тут до меня доходит.

— Всё ясно. Ты решила шантажировать Джонни?

— На кой чёрт мне это надо? Я тебе объяснила, что чувствую людей. И тебя я заприметила давно. Потом узнала, что ты дольше всех сохраняешь воспоминания, а это возможно лишь в одном случае — если ведёшь записи. Скажи, что я не права?

Я стою обездвиженный, не в силах ничего сказать, ни пошевелиться. Где-то в глубине души загорелся тусклый огонёк радости от осознания того факта, что я оказался не единственным в своём роде.

— Допустим, — говорю я, не выдавая своих чувств. — Ты хочешь обменяться воспоминаниями? Дневниками?

— Я хочу увидеть своё лицо. Ты далеко не первый, ведущий записи, кого я встречаю, но ещё ни разу мне не попадался хранитель зеркала.

— А про него ты откуда узнала? — удивляюсь я.

— От твоего друга.

— Дэннис? Он не забыл! Собака! — ругаюсь я. — Как он мог выдать мою тайну первой встречной незнакомке?!

— Пришлось применить некоторые уловки и острые навыки соблазнения.

Я не верю своим ушам.

— Ты его соблазнила?

— Да. Это было легче, чем я думала. Правда, Дэннис не смог скрыть правду от жены. Совесть замучила.

— Так вот откуда у него трещина, — в задумчивости произношу я. — А Джонни решил, что он пытался разбить маску.

Пэйдж качает головой.

— Он не из тех, кто на такое способен. Он — сто-процентный продукт «Персоны». Дисциплинированный, ответственный и не стремящийся заглянуть за кулисы.

Некоторое время я обдумываю всё сказанное.

— Если Джонни даст тебе зеркало, то они обязательно узнают, у кого ты его взяла, — говорю я. — После того, как они тебя непременно схватят.

— Как они узнают?

— Начнут проверять всех, с кем ты имела контакты в последний месяц. Доберутся до Джонни и обнаружат записи. Два плюс два равно...

— Пять, — говорит Пэйдж. — Я покажу тебе место, куда ты сможешь спрятать свои записи на некоторое время. А ещё лучше — навсегда. Оно куда безопаснее личной квартиры.

— Что за место? — спрашиваю я.

— Не могу сказать, пока ты не передашь мне зеркало, — звучит ответ.

— Ещё такой момент: Джонни в любом случае лишится этого бесценного осколка. Навсегда.

— Зато он обретёт безопасное место для хранения дневника. Не будет проспать по ночам в холодном поту и в страхе быть разоблачённым. А ещё, — Пэйдж заговорщически понизила голос, — мы можем проверить всё и вдвоём. А если ты до сих пор не сподобился использовать зеркало для единственной дельной цели, то за каким чёртом оно тебе нужно в дальнейшем? Продолжай работать на благо «Персоны» как добропорядочный сотрудник, не задавая лишних вопросов. Бери пример с Дэнниса.

Я снова принимаю задумчивую позу. Очень заманчивое предложение. При условии, что девица не врёт.

— Джонни надо подумать, — говорю я и возобновляю прогулку. Пэйдж следует за мной, но намеренно начинает отставать.

— Жду ответа завтра утром на этом же месте за полчаса до начала рабочей смены, — бросает она мне вслед. — И ещё. Прекрати говорить о себе в третьем лице, когда мы вдвоём. Меня это нервирует.

Я возвращаюсь домой, сажусь на кровать и в тысячный раз прислоняю ладони к холодной маске. Это непростой выбор. Синица или журавль, рутинная безопасность или яркая смерть? Или того хуже. Никто не знает, что на самом деле представляет собой Утиль. Лишь слухи и молва.

Я ложусь спать в капсулу без готового решения.

В этот раз мне снова снится озеро. Удача! Будто я вернулся в тот момент, когда страх меня выдернул из сна в прошлый раз. Дэннис продолжает беситься как дитя и баламутить воду, чтобы я не смог увидеть гладкую отражающую поверхность. Я спокойно и без резких движений отступаю в сторону и терпеливо жду, пока мой друг не оказывается достаточно далеко. Заигравшись, он этого не замечает. Я застываю на месте и инстинктивно даже замедляю дыхание, дабы не создавать лишних колебаний.

Вода вокруг меня умиротворённо играет едва заметной рябью от лёгкого ветерка, илистая муть неумолимо оседает на дно. Момент истины близок. Я смотрю вниз. Концентрируюсь на своём отражении, но именно в этом месте ряби почему-то больше. Моё лицо размыто, я никак не могу уловить его черт. Дэннис понимает, что оказался слишком далеко. Он кричит мне не делать этого и бросается вplash ко мне. К счастью, плавает он медленно, к несчастью — неумело, создавая чересчур много колебаний и брызг. Впрочем, он ещё достаточно далеко, и его заплыв не имеет никакого отношения к тому, что я не могу разглядеть своё лицо. Странная локальная рябь перемещается туда-сюда вместе со мной. В лихорадочных попытках всё-таки узреть отражение, я теряю осторожность и сам становлюсь источником водных колебаний.

Неожиданно меня посещает догадка. Это не рябь на воде, это Анархия разума.

Мне становится страшно, я перевожу взгляд на берег и вижу её. Ванесса стоит в белом купальнике и машет мне рукой. Её образ не расплывается, но берег слишком далеко, чтобы отчётливо разглядеть черты лица. На какое-то мгновение я забываю обо всём, словно переживая события прежней, навсегда ушедшей жизни заново, как в первый раз. Первый день знакомства, озеро, жаркий поцелуй и длинный берег несбывшихся надежд.

Потом я вспоминаю, что это всего лишь сон. Ощущение времени обманчиво, вражеский будильник может разбудить в любую секунду. Нельзя медлить. Я кричу Ванессе идти ко мне, но она игриво качает головой и зовёт меня к себе. Я устремляюсь к ней, но продвигаюсь катастрофически медленно. Сначала пытаюсь плыть, затем бежать по илистому дну наперекор упрямой воде, не желающей выпускать мои ноги из терпких объятий.

Когда до Ванессы остаются считанные метры, звонит будильник.

996

Утром я кладу завернутый в тряпку осколок зеркала между страницами своего дневника, который, в свою очередь, прячу между папками в рабочий портфель. Выхожу на полчаса раньше и направляюсь в парк.

Перед тем, как дать Пэйдж окончательный ответ, я делюсь с ней своими сновидениями. А так же опасениями по поводу Анархии разума.

— Если мои сны и общепризнанная теория не врут, то тебе не удастся разглядеть лицо. Твой разум тут же начнёт отслаиваться от реальности.

— Твои сны — всего лишь отражение так называемой общепризнанной теории, — говорит Пэйдж. — А я практически уверена, что она врёт.

Я молча нащупываю в портфеле зеркало, достаю его и протягиваю девушке. Затем поднимаю глаза и смотрю на искусственное небо, на это царство неживой материи. Через пятнадцать минут стартует очередная рабочая смена. Конвейер запустится и начнёт перемалывать остатки наших душ в своём рутинном и неизменном ритме.

— У жизни, лишённой смысла, есть лишь одно определение, — слова Пэйдж вторгаются в поток моих размышлений.

— Какое? — спрашиваю я, не сводя глаз с умершего неба.

— Статика, — отвечает девушка.

Я перевожу на неё взгляд и вспоминаю, что это самое слово зачастую приходит мне на ум после пробуждения.

— Я чувствую людей, — будто специально поясняет мне Пэйдж. — Я знаю, что ты думаешь точно так же. У тебя есть шанс совершить единственное доступное тебе действие.

— И лишиться жизни, — говорю я.

— Статического существования. Мы давно лишились всего, что составляет истинную ценность. Мы забыли своё прошлое, свои лица и вообще то, кто мы есть на самом деле. Анархия разума — это то, что с нами происходит здесь и сейчас.

Проходит мучительно долгая минута.

— Где? — спрашиваю я.

Мне кажется, я вижу улыбку на лице Пэйдж. Столь же иллюзорную, как и сама жизнь.

997

Мы находим самый укромный уголок парка. В столь ранние часы людей вокруг почти нет. Лишь

уборщик с метлой и пара рабочих, ремонтирующих лавки.

Пэйдж аккуратно распаковывает осколок зеркала и держит его на руках нежно, как ребёнка.

— Я узнавала, — говорит Пэйдж, — после нарушения целостности маски в «Персону» посылается сигнал, и у нас есть не более трёх минут до прибытия Контроля.

Я киваю.

— Готов? — спрашивает девушка и кладёт осколок на пенёк позади себя.

— Нет.

— Тогда начинаем одновременно по моей команде.

— Подожди, — спешу вставить я. — Хотелось бы узнать напоследок — что это за безопасное место для хранения дневника?

Девушка пренебрежительно отмахивается.

— Нет никакого места. Я всё выдумала, чтобы выудить у тебя зеркало.

Бесцеремонная наглость. Но я не успеваю опомниться, как Пэйдж кричит «Давай!» и начинает с силой стягивать с себя маску. Целостность уже нарушена, о чём возвещает протяжный писк. Три минуты пошли.

Я просовываю пальцы снизу, от подбородка, и чувствую, как маска нехотя отступает от моего лица. Но усилий явно недостаточно. Я выбираю более удобный хват и тяну её вверх со всей силы. Лицо обжигает огнём. Такое ощущение, что маска снимается вместе с кожей. Если так, то это будет крайне нелепый финал — отправиться в Утиль, увидев напоследок свой череп.

Наконец, усилия приносят плоды. Я избавляюсь от маски и инстинктивно бросаю её на землю. Прошла минута, не меньше. Время неумолимо уходит,

но для меня оно будто начинает течь в замедленном воспроизведении. Я прикасаюсь к лицу. Оно гладкое, без единого волоска. Почти такое же холодное, как и сама маска. Неудивительно, ведь они были единым целым неведомо сколько месяцев, а может, и лет.

Я хочу взять зеркало с пенька, чтобы посмотреть, но замечаю, что Пэйдж не может справиться с маской. Мне кажется, я слышу сирену Контроля. Они совсем рядом. Или это пищит маска?

— Помоги мне! — просит девушка.

В её голосе присутствуют ноты страха, отчаяния и слёзной мольбы. Она не ожидала, что осуществить этот нехитрый план окажется так непросто.

Полторы минуты. Противоборствующие мысли носятся в мозгу на сверхскоростях, не позволяя мне придти к конкретному решению. «Сейчас всё закончится, подумай о себе!» — «Если бы не она, ты бы никогда не решился на этот шаг! Ты обязан ей жизнью» — «Кого буду интересовать твои обязательства, когда до вас доберётся Контроль?» — «Ты ведь не настолько холоден и бессердечен, Джонни. Подумай, что отличает тебя от остальных? Возможно, способность к сочувствию? Помощь ближнему?».

Словно на автомате я бросаюсь к девушке, грубо хватаю маску и пытаюсь оторвать её от лица, не обращая внимания на вопиющую от боли Пэйдж. Теперь уже я явственно слышу сигнал Контроля, его ни с чем не перепутать. Они в парке, найти нас — дел на полминуты или меньше.

Совместными усилиями нам удаётся сорвать маску с лица Пэйдж. Её первым порывом было развернуться и схватить осколок зеркала, но что-то задерживает её на месте. Как и меня. Она смотрит на меня, а я — на неё. Никакой размытости, никаких преград. Образ мгновенно оживает в памяти, как па-

циент, испытавший клиническую смерть и благополучно вернувшийся к жизни.

— Джин? — Я улавливаю каждый изгиб её губ. Таких сладких и знакомых.

— Ванесса, — произношу я полушёпотом.

Для выяснений нет времени. Уже слышны шаги сотрудников Контроля, их переговоры.

Мы стоим рядом подобно застывшим статуям, не в силах пошевелиться и осознать, что же всё-таки с нами случилось.

Я закрываю глаза. Мне не страшна темнота Утиля. Меня не гложет то, что я так и не увидел своего лица. Больше всего я боюсь одного — что всё случившееся окажется сном, и я проснусь в тесном гробу на заре нового дня.

998

Будильник не звонит. Я не вижу узкого окна, за которым простилается мёртвое небо. Я не вижу ничего, пока где-то вдалеке темноту не разрывает крохотный луч света. Затем он становится больше, и я понимаю, что это открытая дверь. Я шагаю по невидимому полу, наступаю на твёрдые выпуклости. Они трескаются и проламываются под моим весом. Их слишком много. Приближаясь к свету, я обнаруживаю, что весь пол усыпан старыми почерневшими масками.

У входа стоит человек с живым лицом. Карие глаза, тонкие усики и курчавые волосы. Он жестом призывает меня покинуть чёрную комнату.

Вокруг светло и много людей. Все без масок. Они выглядят именно так, как я и представлял прошлую жизнь. Мужчины во фраках или пиджаках, женщины в вечерних платьях. Они стоят полукругом. Моё появление вызывает грохот оваций. Только тогда я понимаю, что абсолютно гол, но не предпринимаю никаких попыток прикрыть наготу хотя бы отчасти.

— С возвращением, Юджин! — говорит чей-то голос.

— Куда? — спрашиваю я.

— Домой, — раздаётся сбоку от меня.

Я поворачиваюсь и вижу Ванессу. В ослепительном наряде и на высоких каблуках. Она так близко от меня, что я чувствую пленительный запах её парфюма.

— Но... Что?..

Она кладёт палец мне на губы и кивает куда-то в сторону.

— Мистер Морти ждёт тебя, — говорит она.

— Мистер Морти?..

Кто-то протягивает мне костюм и произносит:

— Лучше тебе надеть вот это, парень. К генеральному директору обычно не ходят голышом.

Мне помогают влезть в бельё, затем в брюки и пиджак. После чего проводят по лестнице к знакомому кабинету. Я с порога узнаю его интерьер. Из угла светят прожектора, стоит сиротское кресло для посетителей.

— Юджин, присаживайся, — доносится до меня голос директора.

Я сажусь в кресло, несколько обескураженный его вольным обращением ко мне. Прожектора гаснут, и я вижу перед собой узкий стол и человека среднего возраста на противоположной стороне. Он улыбается. У него острые черты лица, большие глаза и пробивающаяся сквозь черноту волос седина.

Мы молчим целую минуту, пока он первым не начинает говорить:

— Вот мы и встретились при более благоприятных обстоятельствах. Смеем предположить, жизнь в Инкубаторе тебе была не по вкусу.

— В Инкубаторе?

— Да. Тебе он знаком изнутри под названием Муравейник. Город, где всем заправляет таинственная фирма «Персона». Только город намного меньше, чем кажется изнутри, а у таинственности фирмы есть прозаическая правда.

— Я не понимаю, — признаюсь я.

Мне удалось во время осечь себя и не произнести фразу «Джонни не понимает».

Мистер Морти начинает терпеливо объяснять мне суть происходящего. И ныряет с места в карьер:

— На Земле остался лишь один материк, пригодный для жизни — Австралия. Практически вся остальная суша уничтожена последствиями ядерной войны, начатой во второй половине двадцать первого века Китаем и США. Скоро и Австралийский континент ждёт неминуемая гибель. Через две недели уцелевшая часть человечества на крупнейшем корабле «Ной» покинет Землю навсегда в поисках нового дома. Мест на всех не хватит. Поэтому мы и ведём отбор счастливых с помощью так называемого Инкубатора.

— Муравейник нереален? — спрашиваю я.

— Вовсе нет. Он реален. Это целый район Аделаиды. Тебе повезло родиться австралийцем, но у Земли из-за радиации больше нет будущего. Запасы и кислород в убежищах неминуемо иссякнут, поэтому нам и пришлось сконструировать «Ной». Его ресурс так же ограничен, однако его мобильность даст нам шанс найти новое место для жизни.

— Значит, вы ведёте отбор тех, кого брать с собой? — продолжаю задавать я вопросы. — И по какому принципу вы определяете счастливых?

Мистер Морти вздыхает и начинает будто с оправдательного пояснения:

— Выживших было слишком много даже для столь крупного судна, как «Ной». Многих неизбежно при-

шлось бы оставить на Земле. Есть несколько убежищ, куда мы и переправим часть оставшихся, но это лишь отсрочка от неминуемой смерти. Первоначальной идеей было выделять места на корабле по жребью, пока не началась междоусобная война за право спасения. В итоге нам, горстке лидеров поредевшей цивилизации, пришлось принять непростое решение — превратить район одного из городов в своеобразный загон для потерявших контроль над эмоциями людей. Буду откровенен, многие не дожили до попадания в Инкубатор. Их пришлось просто уничтожить, пока они не уничтожили нас. Тех, кого удалось усмирить, мы погрузили в своеобразную ирреальность с помощью масок, воздействующих на разум. Изобретение наших гениев, достойное Нобелевской премии. Они успели спасти японские разработки и завершили работу очень вовремя. Покуда на человеке остаётся маска, его разум находится в нашем ведении. Мы способны влиять на его память, мысли и даже эмоции. Изменять восприятие времени. Однако мы не злоупотребляли своим влиянием, ограничившись только базовыми изменениями личностей: ограничили воспоминания, ускорили течение времени и внушили всем одинаковую легенду об Анархии разума, Известных Событиях и прочем, о чём ты и без того хорошо знаешь.

— Для чего? — автоматически спрашиваю я и тут же даю свой вариант ответа: — Чтобы проверить, какие из лабораторных крыс окажутся самыми непослушными?

— Именно, — подтверждает директор. — В данном случае непокорность системе рассматривается как плюс. Тот, кто готов жить обезличенным человеком-функцией в Муравейнике и беспрекословно выполнять любые указания, пусть там и остаётся. А нам нужны личности, готовые рисковать и находить вы-

ходы из сложных ситуаций. Это умение пригодится в мире будущего, если мы хотим сохранить и воссоздать нашу цивилизацию где-то ещё в галактике. Нам не интересны персоны, как архетипы, для которых скрывающие маски становятся лицами. Ещё Карл Юнг писал, что персона представляет собой социальную роль, которую играет человек, выполняя требования общества. Маска должна служить лишь защитным слоем, но не становиться лицом. Те, кто пытался идти против течения и первое время умело это скрывал — именно такие личности нам и нужны.

Я пытаюсь переварить килотонны информации быстрее, чем мой мозг способен это сделать. Логика отбора мне кажется чересчур утопичной, чтобы быть правдой. Зачем лидерам нужны такие же индивидуалисты, не проще ли взять с собой послушных исполнителей для возрождения цивилизации? Однако сомнения я оставляю при себе и задаю иной вопрос:

— Вы знаете всех, кто нарушает законы Муравейника? Делает записи, говорит о себе в первом лице и ищет способы увидеть то, что спрятано под маской.

Ответом мистера Морти служит лёгкий кивок и довольная улыбка.

— Да, Юджин. Нам известно всё о каждом жителе Инкубатора. Теперь ты знаешь, почему оказался здесь.

Я невольно меняю направление беседы.

— Ванесса и я... Это реально?

— Отчасти. Твои чувства к ней действительно были столь сильны, что воспоминания сохранялись в глубинах твоего разума и всплывали во время сновидений. К слову, сны — священная сфера каждого индивида, мы никогда не вторгаемся в них. К сожалению, про глубину её чувств к тебе не могу сказать того же. Ты для неё был всего лишь временной забавой, попутчиком на тернистом жизненном пути до Извест-

ных Событий. Да, избавившись от маски, она тоже вспомнила тебя, но я не уверен... — Директор запинается. — Впрочем, не мне судить. Как сложатся ваши дальнейшие отношения, зависит теперь только от вас. Теперь отношения... «Ной»... От вас... — Он снова запинается, и мне кажется, что его лицо как-то неестественно дёрнулось. — Как... не уверен. Муравейник реален. Маски. Ванесса и ты — это... Австралия... Небо умерло...

Образ мистера Морти начинает дёргаться, а затем и рябить, как сбившийся канал. Я в ужасе смотрю на него. Кабинет вибрирует, постепенно размывается всё вокруг. Мистер Морти смеётся, с его уст отчётливо срывается слово «болван».

Я подскакиваю и выбегаю в коридор. Там удаётся сфокусировать зрение на лестнице. За спиной доносится неприятный гул, будто меня преследует рой ос.

Я возвращаюсь в холл. Но вместо толпы в вечерних нарядах и шума весёлых голосов меня встречает пустота и зловещая тишина. Тусклый свет освещает ветхое помещение. На дальней стене висит широкое двухметровое зеркало. Ноги сами несут меня к нему. Я останавливаюсь напротив зеркала и кричу.

На меня смотрит человек в костюме и синей маске. В отражении на заднем плане я вижу толпу таких же людей. Все мы стоим неподвижно, в статике, и смотрим на зеркала перед собой.

Кто-то грубо нацарапал на поверхности фразу: «Вколи вакцину».

Я сжимаю кисти в кулаки и начинаю изо всех сил бить по зеркалу. Оно покрывается редкими трещинами, но не поддается. Тогда я размахиваюсь и ударяю маской. Ещё раз. И ещё. Мне не больно или я не чувствую боли. Чёртово зеркало продолжает отражать. Я вижу, что маска почти раскололась, но и не думаю останавливаться.

Наконец, поверхность не выдерживает и на меня осыпаются десятки осколков.

999

За ними оказывается ещё одно зеркало, только в нём не я, а мистер Морти. Он смотрит на меня печальными глазами, его рот искривлён в подобии улыбки.

— Мне жаль, Джонни, — говорит он.

— Я ведь Юджин! — заявляю я.

— Тебе всегда нравилось это имя больше собственного.

— Что происходит?

Мистер Морти переминается с ноги на ногу. И качает головой.

— Анархия разума, — наконец, произносит он, — постигла тебя. Побочное действие вакцины.

— Какой вакцины?

— Которую ты вколол себе, дабы спастись от эпидемии. Якобы спастись. Планета действительно мертва, Джонни. Цивилизация тоже.

— Но как же «Ной»?..

Мистер Морти махает рукой:

— Утопия. Прописанный в вакцине сценарий спасения. Колыбельная для угасающего разума.

— Я ни черта не понимаю, — признаюсь я.

Мистер Морти сочувственно кивает:

— По какой-то причине препарат перестал действовать, как должен. В твоих грёзах произошёл досадный сбой. «Корпорация Спасения» никому не хотела зла. Мы посчитали, что обречённым на смерть лучше встретить её в объятиях иллюзии спасения, чем бессмысленно проливать кровь за остатки ресурсов и последние мгновения жизни. Это был бы слишком жестокий финал для человечества. А так... Своего рода эвтаназия. Безболезненная и приятная. Прав-

да, не для всех. Но это не наша вина. Брак на конвейере.

Он пожимает плечами, точно извиняясь.

— Я должен был постоянно видеть сладкий сон о спасении? — спрашиваю я, начиная всё понимать.

— Да. Но у тебя с самого начала пошёл не тот «сон». Вакцина перемешала в твоей голове всё, как неумелый кулинар. Прописанную иллюзию спасения изрядно пропитала твоими личными мыслями, переживаниями и воспоминаниями. Получился скверный коктейль. А сейчас у тебя отрыжка. В моём лице. Этой беседы не должно было быть.

— Значит, вы — очередное воплощение сна?

— Вроде того. Я — страховочный образ в программе вакцинации. Как раз для подобных случаев. Моя цель — объяснить тебе ситуацию и успокоить.

— Успокоить, — повторяю я. — И как же?

Мистер Морти разводит руками:

— Эвтаназия. Завершить начатое.

— Убить себя я могу и сам, — недовольно бросаю я.

— Да, но зачем, если есть способ ещё проще?

Действительно.

— Есть другой вариант, — предлагает мистер Морти. — Можем попытаться запустить иллюзию заново. Возможно, тебе повезёт, и ты обнаружишь себя, готовящимся к отбытию на «Ной».

Смерть в сладком сне. Чертовски привлекательно.

— Никто не выжил? — спрашиваю я.

Успокаивающий образ кивает:

— Никто. Реального мира нет. Вопрос в том, сколь долго ты ещё хочешь оставаться здесь.

Я закрываю глаза и говорю:

— Я хочу прекратить. Но не в царстве грёз. Вы можете показать мне последние минуты реальности? Моей. Настоящей.

— Я постараюсь, — отвечает мистер Морти.

000

— Коли, Джонни! — кричит Дэннис. — Не тяни кота за мошонку!

Он уже вколлот вакцину и с важным видом расхаживает по гостиной.

— Я не тяну! — огрызаюсь я, но следуя его совету.

Затем осматриваю помещение. Мне хочется запечатлеть в памяти всё, чем мы жили прежде. Прежде, чем мы уйдём в новый мир постапокалипсиса.

На часах застыли зелёные «07:00». Кэтрин сидит на диване и читает роман Оруэлла «1984». Моя любимая книга, которую я советую всем. Лучшая антиутопия всех времён.

Карл разглядывает висящий на стене постер фильма «На последнем берегу». Поистине дьявольский символизм. У нас — эпидемия, по сюжету — радиация, вызванная ядерной войной между Китаем и США. В реальности и в кино Австралия остаётся последним оплотом цивилизации. Людей, как ни странно, ожидает хэппи-энд, персонажей — неминуемая гибель. Обычно бывает наоборот.

За столом расположился мистер Морти — консультант «Корпорации Спасения», отец Джаспера. Сам Джаспер пялится на плазму. Я включил подборку клипов группы «Блю мен групп». Парни в синих масках в образе инопланетян виртуозно играют с помощью труб из поливинилхлорида и воздушных шпагов. Конкретно сейчас идёт один из их главных хитов — «Персона». Клип — шедевр. О том, как все мы носим маски, сливаемся с толпой и гибнем в рутине будней. А тех, кто пытается снять маску, ждёт тёмная комната с такими же ослушниками системы.

— Вакцина точно защитит нас от эпидемии? — с сомнением спрашиваю я.

— Так написано в инструкции, — отвечает мистер Морти и демонстрирует мне стопку бумаг. — Как там на самом деле — никто не знает. Корпорация умерла. Теперь спасение утопающих — дело рук самих утопающих. Поблагодарите судьбу, что я успел стащить несколько доз.

— А есть побочные эффекты или что-то в таком роде? — спрашивает Кэтрин с дивана.

Консультант пожимает плечами:

— Не знаю. Это новинка. Они не успели завершить испытания. Тут сказано, что возможны проблемы с памятью. Но это ведь не такая уж большая плата за жизнь?

— Действительно, — отвечает Дэннис и подходит к окну. — Большинство жителей этой планеты умрёт, а мы выживем. Естественный отбор. На Земле будет ад, но мы украдём для себя частичку рая с вечных небес. Небесам ведь всё нипочём. Верно, Джонни?

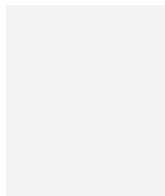
Я заканчиваю с приготовлениями, шагаю к настенному зеркалу и наблюдаю себя в непривычном облики. На меня смотрит человек в деловом костюме и с застывшим точно маска лицом.

На комодке возле зеркала стоит старая фотография. Там мы с Ванессой. Молодые и счастливые. Никогда не прощу себя за то, что не успел спасти её. А она так и не простила мне мелкой служебной интрижки с Пэйдж. От этого ещё больнее. Я бы отдал всё за возможность оказаться с ней рядом...

На душе оседает неприятный осадок, перемешанный с необъяснимым страхом перед будущим. Я подхожу к Дэннису, смотрю в окно на серое небо Аделаиды и невольно замечаю:

— Кажется, небеса давно умерли. ☒

Земля



Дарья Странник

Мемо не обманывался: мальчик оказался в музее не из-за интереса к малочисленным экспонатам. Подтверждая догадку старика, мимо открытых дверей промчалась группа детей, годовиков неожиданного посетителя.

— Старьевщик-Мемо! — выкрикнула одна девчонка, и детский смех ещё некоторое время звенел в лабиринте металлических коридоров. Дети могли быть жестокими. Но, в отличие от взрослых, они смеялись в лицо зрителя музея открыто.

— Прячешься от них?

— Не ваше дело, — огрызнулся мальчик, делая вид, что рассматривает полку с дюжиной выцветших и потрепанных бумажных книг.

— Не очень вежливо. Как-никак, ты у меня в гостях. Мальчик фыркнул.

— Очень нужно.

— Что с тобой не так, Дэн?

— Всё со мной ок, понятно? И откуда вы знаете моё имя?

— Я много чего знаю.

Старик подошёл к Дэну.

— Этим книгам более двухсот лет. Они старше нас обоих. Увлекательно, не правда ли?

— Неа, чтение по-любому скучота. А книжки из бумаги — вообще полный отстой. Весь ваш музей — мусорная свалка.

Последние слова мальчик явно повторил за кем-то. Возможно за своей бабушкой.

— В книгах скрыты целые миры, разве это скучно? Здесь, например... — Мемо осторожно взял с полки один томик и с благоговением перелистнул несколько хрупких пожелтевших страниц. — Мифы древней Греции.

— Знаю. В школе проходили. Только аудио, краткое содержание.

— Понравилось?

— Не, не люблю про мёртвых.

— А что ты любишь?

— Про героев всяких. Недавно в кино показывали «Человек-Чёрная Дыра против мутантов из будущего».

— Да? У нас много общего. Я тоже любил этот фильм, когда был маленьким мальчиком.

Дэн насупился. Мемо понял, что допустил сразу две ошибки. Никто не хотел иметь с ним ничего общего. И ни один маленький мальчик во вселенной не любит, когда его называют маленьким.

— Хотя, ты-то уже почти большой. Погоди, не твой класс недавно посещал семинар профессий? Помню, нам два дня подряд пытались внушить, как здорово работать в отрасли сборки и переработки отходов.

Мальчик презрительно обвёл рукой помещение:

— Вас уговорили.

— Дерзко. Но неплохо. А с друзьями ты тоже так разговариваешь?

Мальчик насупился.

— Вам тут скучно, вот и живёте чужими жизнями.

Авторство этих слов так просто не определить. Это мог сказать каждый.

— Если будешь слишком часто повторять за другими, то когда-нибудь разучишься составлять свое мнение.

— Ну и что? Вам-то какая разница? Воспитывайте своих внуков. Чао!

Дэн развернулся, выбежал из музея. Звуки его шагов скоро затихли. Весь эпизод показался сном. Ведь уже очень давно никто не заходил в музей.

Мемо обвёл любящим взглядом дорогие его сердцу предметы, которые заполняли небольшое помещение. Семьи у него не было, единственным детищем являлся музей. Дело рук его прадеда, деда и отца. Никого из них не понимали.

На почётном месте стоял глобус — первому поколению он, наверное, напоминал дом. Для последующих стал символом начала, эдакая толстенная точка отсчёта.

Книги, пара шербатов чудом уцелевших керамических тарелок, будильник, очки с толстыми стёклами и неуклюжей оправой. Пустая зажигалка — открытый огонь на борту был строго запрещён, наверное, прежний владелец взял её с собой как памятку о чём-то, истории не сохранённом.

Деревянная шахматная доска — ветхая и выцветшая, на которой не хватало нескольких фигур. Оставшиеся выглядели убого, у белого коня и чёрного ферзя не хватало верхних частей.

Скрипка без смычка и с порванными струнами. Сейчас на корабле не жил ни один человек, умеющей играть на скрипке.

Гордость человечества — огромные базы данных. Да, там, наверное, есть и инструкция по изготовлению инструмента и курсы игры. Но хватит ли этого, чтобы возродить забытое искусство? Найдётся ли кто-нибудь, кто захочет заняться подобным? Ведь сочинять новую музыку куда проще с помощью специальных программ. И это мог сделать даже маленький ребёнок. Не чересчур много ли упростили люди?

В одном углу тёмной группкой стояло несколько неуклюжих электронных предметов: телефон, радио, дистанционное управление с выпуклыми кнопками — предшественник голосового. Там же — тупая бритва. Раньше люди сбрасывали или отрезали волосы, вместо обычной лазерной обработки.

Но самыми интересными Мемо всегда считал поблекшие фотографии, которые покрывали все стены. Что-то зачаровывающее и одновременно жутковатое было в лицах давно умерших людей, в изображении животных, вещей и мест, давно переставших существовать или видоизменившихся до полной неузнаваемости.

Некоторые мотивы были известны всем, как, например, модули их корабля «Мечта 19», сфотографированные десятилетия назад на Земле. Таких в базе данных

были сотни — для большинства пассажиров единственная возможность увидеть свой дом со сторон.

Но на фотографии в музее Мемо перед корпусом гигантской конструкции стояла маленькая девочка с длинными волосами и в старомодном платье. Один из углов изображения был тёмн — чей-то палец частично закрыл камеру. Возможно, что девочка прапра... — ещё больше нанизанных на нитку бусинок «пра» — ... бабушка одного из ребят, пробежавших сегодня мимо. Или кроха вовсе не попала в пассажирские списки, а фотографию взял с собой кто-то другой, по причине, которую не сохранили в базе данных.

Мемо вздохнул. Один посетитель был уже невероятной удачей, надеяться на большее не приходилось. Он закрыл помещение, конструируемое изначально как складское. Узкий коридор петлял между хранилищ, мастерских, заводов. На этом уровне корабля располагались многие жизненно необходимые установки и предприятия, без надобности сюда мало кто ходил. Другое место музею выделять отказались.

Лифт взнёс Мемо на последний уровень. После тесноты внизу хотелось дать глазам увидеть бескрайние просторы вселенной.

В одном из салонов с панорамным окном стояли и сидели несколько людей.

Старик не надеялся на беседу. Чего там, зачастую его не удостоивали и приветствия. Мемо привык к одиночеству, но иногда человеческое присутствие было приятно. Старика никто не принимал всерьёз, так он становился свидетелем многих интересных разговоров.

В голове Мемо снова прозвучали слова мальчишки: «... живёте чужими жизнями». А ведь он прав. Но разве это плохо?

Мемо миновал несколько рядов кресел с высокими спинками и подошёл к окну. Вид каждый раз ошеломлял своей красотой и колоссальностью. Он не надоедал

никому. Никогда. Потому что был грандиозен. Потому что был изменчив. Потому что бесконечность не может наскучить.

Из окна также была видна блестящая поверхность фотонного паруса. Интересно, свет какой звезды давал кораблю энергию сейчас? И потрудились ли дать ей имя или обошлись порядковым номером?

— Вы меня преследуете?

Мемо вздрогнул от неожиданности и обернулся. В одном из кресел первого ряда сидел Дэн. Судя по возбуждённому голосу и затравленному взгляду, недавнее приключение ещё не закончилось.

— Не я. Что вы не поделили, Дэн?

— Кто?

Мальчик опустил глаза, показывая, что на самом деле понял. Старик молчал.

— Какое вам дело? — неожиданно громко выкрикнул Дэн. Это привлекло внимание сразу нескольких человек.

— Всё в порядке? — спросил мужчина в зелёном комбинезоне. Явно один из рабочих аграрных уровней, так называемых «лёгких Мечты». Целые гектары заполняли многоэтажные ёмкости с питательным раствором, в которых росли злаки, травы, овощи и фрукты, даря пассажирам плоды и тысячи кубометров кислорода.

Мальчик промолчал. Старик кивком поприветствовал мужчину.

— Вы давно не заглядывали в музей, Кир.

— Я там был один раз. Ребёнком.

— Я знаю.

— Мемо, оставьте мальчика в покое.

Старик согласно покачал головой и направился к выходу из салона. Не оборачиваясь он уронил:

— Ты знаешь, где меня найти.

Высокомерный смешок. Это мог быть как садовник, так и мальчик. Или сама вселенная, наблюдающая за происходящим через огромное окно.

Дэн пришёл в музей через два дня. Зашёл и, не поздоровавшись, начал изучать фотографии. На Мемо он не смотрел.

— Я мог бы сказать, что ничего страшного в этом нет. Но слишком хорошо помню своё детство.

Мальчик напрягся.

— Опять шпионили?

— Просто слушал.

Возникла неприятная пауза.

— Зачем у них длинные волосы? А у этого даже на лице, — Дэн ткнул пальцем в одну из фотографий. — Это вообще человек?

— Человек. Волосы? У них, наверное, была своя мода. Им показалось бы странным, что наши головы и лица гладкие.

— Это негигиенично, — буркнул мальчик.

Мемо подумал, что так отреагировала бы мама Дэна.

— Да.

— И неудобно.

— Вероятно.

— Тогда зачем?

— Иногда очень сложно понять другого человека.

— Потому что, что они из прошлого.

— Я иногда не понимаю и живущих сейчас.

— Это точно!

Мемо промолчал.

— Ладно, чао, мне ещё уроки делать.

— Приходи ещё.

Дэн убежал, не ответив на приглашение.

Но несколько дней спустя снова заглянул в музей. Шишка на лбу, царапина на скуле.

— У меня раньше тоже были... разногласия со сверстниками.

— Раньше? Ага, — ядовито отозвался мальчик.

— Я просто хотел сказать, что понимаю, каково тебе.

— Бред. Вы разбираетесь только в своём мусоре.

Мемо привык к подобному, но оскорбления экспонатов всегда ранили его больше личных.

— Действительно, бред. Как мне могло показаться, что у нас есть что-то общее? Мне объявили бойкот за убеждения. А тебе — за то что помочился во сне.

Дэн вспыхнул. Глядя в глаза старику, сорвал со стены одну фотографию, бросил её на пол и выбежал из музея.

Было не совсем красиво использовать подслушанную в детской болтовне историю про случившееся во время семинара профессий. Мемо почти раскаивался, что сделал Дэну больно. Только почти. Потому что в глубине души считал, что жестокость закаляет характер, Мемо знал это по собственному опыту. Вот только, что, если мальчик не настолько силён?

Старик поднял фотографию, на которой был запечатлён милостивый щенок.

— Досталось тебе по моей вине. Сейчас исправим...

Мемо прикрепил карточку на место и загадал, что если Дэн больше не придёт, то всё у него будет хорошо. Мальчик не приходил долго. И в других местах Мемо его ни разу не встретил. Специально старик не искал.

Когда через пару недель Дэн снова заглянул в музей, Мемо не обрадовался.

В этот раз мальчик рассматривал шахматы.

— Играть голограммными удобней.

Старик не ответил.

— Зачем сохранять сломанные вещи?

Мемо молча смотрел на посетителя, отмечая его бледность и синяки под глазами.

— Вы язык проглотили? Так я могу уйти.

— Уходи.

— И уйду, когда захочу. Это общественное место.

— Это частный музей, Дэн, — сказал старик и добавил:

— Ты будешь жертвой, пока не перестанешь чувствовать себя жертвой.

— Не знаю, о чём вы.

— Не ври.

Мемо взял с одной из полок металлическую коробку и, сняв крышку, шумно рылся там, пока не выудил стеклянную бутылочку. Она была не больше и не толще указательного пальца на руке старика.

Дэн ничего не сказал, но немного оживший взгляд выдавал любопытство.

— Это дал мне мой дед. Я как раз находился в ситуации... похожей на твою, Дэн. Мне помогло.

— Что это?

— Помнишь миф про Антея?

Мальчик пробурчал что-то неразборчивое.

— Антей был непобедим. Супергерой, если хочешь.

А силы свои он черпал из земли.

Дэн смотрел непонимающе. Мемо легко встряхнул прозрачную бутылочку, показывая серый порошок, которм она была заполнена.

— Это земля.

— В смысле?

— В самом прямом смысле. Это частичка планеты, которую покинули наши предки.

Глаза мальчика загорелись, и он невольно протянул руку, но тут же опомнился.

— Я вам не верю. Откуда на корабле земля? И почему об этом никто не знает?

— Зачем мне тебя обманывать? Впрочем, раз тебе не интересно... — Мемо потянулся к железной коробке.

— Я не сказал, что не интересно. Расскажите!

Старик выразительно поднял одну бровь. Мальчик понял не сразу, но в конце концов неохотно проговорил:

— Пожалуйста.

— Так-то лучше. У этой унции земли есть своя легенда. Не такая знаменитая, как миф об Антее, она скорее семейного масштаба. Началось всё с одной моей прапрапрародительницы — не могу сказать наверняка, сколько поколений сменилось с тех пор. Если интерес-

но, то это наверняка стоит в центральной базе данных. Важно, что у этой дамы имелся каприз: обязательно взять с собой любимую герань в горшке с землёй. Горшок — это такая ёмкость, — пояснил Мемо. — Уже тогда практически все культурные растения росли на более дешёвых и эффективных питательных растворах, но, наверное, для неё этот цветок был тем же, чем для меня музей.

— Ну и семейка! — вырвалось у Дена, но прозвучало это не зло.

Старик развёл руками — мы, мол, такие, какие есть — и продолжил:

— Цветок отжил своё, горшок с землёй остался.

Не знаю, что именно побудило женщину сделать то, что она сделала потом. Может быть, первые поколения сильно тосковали по родной планете? Моя прародительница поделила землю из горшка между родственниками и друзьями. За десятилетия, конечно, большая часть потерялась. Насколько мне известно, мой дед был последним обладателем земли.

— А что произошло с горшком? — почему-то тихо спросил Дэн.

— Об этом история умалчивает. В мой музей он во всяком случае не попал, как видишь.

— И эта земля даёт сверхсилы?

— Нет, не совсем... Вряд ли я смогу объяснить, как именно она действует. Просто, обладая частицей Земли, перестаёшь чувствовать себя жертвой.

— Это всё?

Мальчик звучал разочарованно. Старик криво улыбнулся.

— Это не так мало, как тебе кажется. Бери, пока я не передумал.

Дэн осторожно взял бутылочку, несколько секунд рассматривал её бурое содержимое и затем, крепко сжав сосуд в кулаке, быстро направился к выходу. Ему явно

не терпелось испытать действие подарка. Всё-таки в последнюю секунду он задержался.

— Спасибо.

Мемо кивнул.

Несколько дней они не виделись.

Одним утром старик открыл двери музея и застыл на пороге. Несколько секунд он изучал пустые стены и полки, плотный слой осколков и клочков бумаги на полу, потом закрыл дверь и направился к лифту.

В музее камеры наблюдения не было, но они висели в коридоре. Можно было вызвать стражей порядка, разобратся, найти виноватых. Только зачем? К тому же, Мемо и так догадывался, что произошло. Только не понимал, почему. Он поднялся на уровень салонов с панорамными окнами. Странно, но сегодня звёзды, планеты и другие тела, рассыпавшиеся в темноте миллионами светящихся точек, казались Мемо обрывками и осколками чего-то, что было раньше. И если этот «мусор» так прекрасен, то каков был оригинал?

За спиной старика раздалось шушуканье. Обернувшись, он увидел группу ребят, Дэн в их числе.

— Я сам, — как раз сказал последний и направился к старику. Однако, остановился перед ним молча, явно не находя слов. Выглядел мальчик насупленным, но уверенным. Значит, всё было не совсем напрасно.

— Если вы пришли просить, чтобы я не вызывал стражей порядка, то успокою. Я не собираюсь этого делать.

— Не просить. Это всё равно была свалка. Жалуйтесь, если хотите. Никто не станет наказывать нас из-за дурацкого музея.

«Возможно, он даже прав», — подумал Мемо равнодушно.

— Что тогда, Дэн?

— Зачем вы соврали?!

С удивлением старик отметил, что мальчик чуть не плачет. И всё равно Мемо не понимал.

— Они, — Дэн кивнул на ждущих ребят, — узнали о земле.

Мальчик не удержался и похвастался, легко «перевёл» Мемо.

— И сказали, что всё это враки. Мы поспорили... Спросили учителя, он тоже захотел проверить, сделал анализ... Это был измельчённый в порошок горелый пластик. Вы соврали!

Взгляд старика, казалось, потух. Он посмотрел в глаза мальчику и проговорил:

— Я не знал.

— Да плевать.

Мальчик вернулся к своим, Мемо услышал шёпот: «Он никому не скажет».

Дети убежали, а старик развернулся и сел в одно из кресел первого ряда.

Там он сидел и несколько часов спустя, когда в соседнее кресло молча забрался Дэн. А разве важно, как именно он извинился?

«Всё у него будет хорошо», — подумал старик, но вслух сказал другое:

— Я ещё не решил, обидеться ли на тебя из-за того, что ты разрушил единственное, во что я верил, или поблагодарить за то, что открыл мне глаза. Я, знаешь ли, совершенно забыл одну важную вещь: иногда нужно помнить, а иногда — отпустить.

Дэн выглядел виноватым, но вряд ли он понял. Что же, Мемо и самому понадобилось на это несколько десятилетий.

Старик встал и подошёл совсем близко к огромному окну. Он не знал, в каком направлении, но где-то, заслонённая бесчисленными звёздами, всё так же, как и сотни лет назад, вертелась их сине-зелёная точка отсчёта.

Мемо печально улыбнулся и прошептал:

— А ведь недалеко мы улетели. Совсем недалеко.

Никто его не услышал. **УС**

Граф фон Цеппелин снова спускается в преисподнюю



Дмитрий Костюкевич

Родился в 1981 году в городе Бресте, Республика Беларусь, проживает там же. Получил два высших технических образования. Работал оператором на молочном комбинате, затем оценщиком оборудования, в данный момент работает инженером-проектировщиком систем автоматики в институте комплексного проектирования «Брестпроект». Пишет статьи для сайтов. Женат, в 2012 году родился сын. Редактор раздела литературной критики вебзина «DARKER». Издан роман «Этика Райдера» (2014, в соавторстве с Алексеем Жарковым). Ряд рассказов опубликованы в российских и украинских антологиях (в том числе в серии «Самая страшная книга») и в Сети.

«Раньше ступенек казалось меньше», — думал граф фон Цеппелин, шагая вдоль очередного мрачного коридора.

Лестничный пролёт, оставшийся за спиной, отзывался шумом крови в висках и тяжёлым дыханием. Жаловаться здесь было некому, только самому себе. Стены прохода пропитались запахом сырости. Светильники дёргали за ниточки тени. Иногда попадались массивные двери из ржавого железа, за которыми жалобно стонали и истошно кричали. Дыхание графа сбилось.

От дикой мысли — постучать в одну из дверей и пожаловаться на трудности спуска эзекуторам — стало не по себе. словно кто-то поворошил внутренности ледяной кочергой.

«Кто эти кричащие бедолаги? Кем были при жизни? Что натворили, чтобы заслужить такое? Воровали? Изменяли жёнам? Или... тоже заключили сделку?»

Каждый раз, проходя мимо безмолвной двери, граф думал: «Может, за ней ждут меня? Когда-нибудь эта камера станет моей тюрьмой?» Безмолвные двери пугали сильнее стонущих.

Фердинанд фон Цеппелин отмахнулся от гнетущих размышлений, даже машинально дёрнул рукой с тростью. Железная набойка звонко ударила в дверь. Сердце графа остановилось.

Стон оборвался. Послышались какие-то клацающие шаги, словно за грязной стеной перемещалась лошадь.

— Случайно... Тысячу извинений, — забормотал граф. — Не стоит открывать...

Он поковылял дальше, молясь, не услышать звук открываемого засова. Хотя молитва — не лучшая затея в этом месте. Особенно там, куда он спускался.

Он стал думать о Аделинде, и тяжёлый осадок ушёл. Перестали тряситься колени.

Его мысли прервала лестница. Снова вниз. В полутьму.

Граф фон Цеппелин перевёл дыхание, постучал тростью по первой ступеньке и стал спускаться.

«Кажется, последний пролёт, — подбодрился он. — Если я ничего не напутал. Память уже не та... Сколько всего этих треклятых ступеней? Шестьсот шестьдесят шесть? Оригинально, как седобородый анекдот...»

Гладкий камень под ногами был истёрт по правому краю, возле перил. В нишах сидели летучие мыши, похожие на сгоревшую бумагу, и тарасились на графа. Во всяком случае, так ему казалось.

Он едва не упал за пару ступенек до цели. Испуганно вскрикнул, выронив трость и схватившись двумя руками за перила...

Тех, кто создавал эту лестницу (если, конечно они были людьми), следовало бы оставить здесь навеки. За одной из ржавых дверей!

— Граф фон Цеппелин, вот так сюрприз! — Мужчина в чёрном даматовом костюме оторвал взгляд от книжных стеллажей. — Не думал увидеть вас так скоро. При жизни, так сказать, извините за прямолинейность.

— Ничего. Я стучал, но никто... и я решил...

Мужчина поправил узел галстука, который тёмной полоской почти не выделялся на атласной рубашке. Улыбнулся, не обнажая зубов.

— Проходите, Фердинанд. Не тушуйтесь. Когда я занят книгами, выпадаю из реальности. Могу пушечный выстрел не услышать.

Граф оглянулся на просторный круглый каменный зал без единого окна, — какие окна глубоко под землёй? — на первые (или последние) ступени треклятой лестницы, которую он всё-таки одолел, и вошёл.

Дверь закрылась.

Мужчина в чёрном провёл рукой по книжному ряду. Переплёты отозвались тихим шелестом, шёпотом

старых знакомых. Остановился на толстом томе с красным корешком, постучал длинным ногтем.

Граф фон Цеппелин попытался прочитать имя автора, но зрение подвело. Он подошёл поближе и стал рыться в карманах в поисках пенсне.

— Не утруждайтесь, граф. Это я сам с собой. Категоричный упрямец Платон. Мудрый философ, но неприятный. Не рассуждает, а вещает. Никаких возражений, представляете? — Ноготь перепрыгнул на книгу справа. — А Гегель? Этого сложно назвать мудрецом. А дураком легко. И очковтирателем. Что может родиться из ложных и противоречивых предпосылок? Только — оригинальная глупость.

— Я предпочитаю Шопенгауэра, — сказал граф.

— Отличный вкус. Хотя мне больше близок Кант. Присядем? Прошу к столу.

Граф рухнул в мягкое кресло. Ужасно болела шея, ныла поясница. Ног он почти не чувствовал.

— Нелёгкая дорога, да? — спросил хозяин кабинета. — Не то, что пятьдесят лет назад?

— Зато меньше путаешься в коридорах.

Мужчина в чёрном кивнул, устраиваясь в кресле напротив. Собеседников разделял круглый стол из какого-то странного материала, похожего на застывшую лаву. Толстая бугристая ножка, отшлифованная до блеска столешница. В центре стояла пепельница, открытая коробка сигар и полный графин с рюмками на металлической стойке.

— Почему вы их не выкинете? — спросил граф фон Цеппелин. Он не знал, как начать, и поэтому сказал первое, что пришло на ум. — Если уж так не любите...

Безволосая бровь поднялась вверх.

— Выкинуть книги?! Право, вы шутите, Фердинанд!

Граф пожал плечами. Хозяин и его просторный кабинет не располагал к шуткам. Он буквально чувство-

вал, как сотни метров земли давят сверху, а сырость забивает лёгкие.

Мужчина в чёрном сложил руки на коленях. Граф помнил эти длинные кисти и каплю крови на остром когте указательного пальца, подхваченную с его запястья и брошенную на лист договора, под которым он поставил подпись пятьдесят лет назад.

Тогда он был молод и амбициозен. Тогда он был дураком, как и Гегель в этих иссиня-чёрных глазах напротив.

Теперь он был стар и безрассудно влюблён. Такой же глупец, но глупец романтичный.

Граф устало вздохнул:

— У меня к вам предложение...

Мужчина рассмеялся. Во весь рот, полный острых акульих зубов.

— Уж думаю. Вряд ли вы стали бы снова спускаться ко мне, чтобы пожелать доброй ночи или рассказать историю своей интересной жизни.

— Она и так вам известна...

— Некоторые её аспекты — да. Вы многого добились, Фердинанд. Ваши дирижабли почти совершенны. Вы богаты и известны, как и просили когда-то, после возвращения из Америки, где вам впервые довелось подняться в воздух на воздушном шаре. На это потребовалось время, не обошлось без известных трудностей, но я не обещал скорых чудес. Но, тем не менее... следить за каждым шагом тех, кто продал мне душу? Увольте! Замочные скважины не по мне, спина не казённая, ха-ха! Предпочитаю знакомиться с полным досье после... ну, вы понимаете.

Граф нервно трепал белоснежные усы.

— Или у вас какие-то претензии к исполнению моей части договора?

— Что вы! Уверяю вас, никаких!

— Вот и я так думаю. — Хозяин кабинета откинулся с сигарой во рту. — А главное ведь не слава и деньги, а то, что вы по-прежнему живы, так? Не многие, прошедшие прусско-австрийскую и франко-прусскую войны, могут похвастаться этим. Как и званием адъютанта короля Вюртембергского.

Фердинанд фон Цеппелин достал шёлковый платок и протёр внезапно вспотевшую лысину.

— Это всё в прошлом, — сказал он.

— Которого могло и не быть, заметьте! О бессмертии мы не договаривались, но с долгой жизнью я не подвёл, всё согласно пунктам договора. Так, генерал-лейтенант в отставке?

— Всё так, — поспешил заверить гость.

Граф взял предложенную рюмку коньяка, повертел её в пальцах и залпом выпил. Задохнулся от крепости.

— Так что же привело вас ко мне, граф? — Бойкий огонёк возник между ногтями, поджёт сигару.

Граф не курил уже больше десяти лет, хотя «согласно пунктам», никотин вряд ли укоротил бы его жизнь. Поле шестидесяти его стало раздражать послевкусие. Маленькие старческие причуды.

— У вашей фирмы «Luftschiffbau-Zeppelin»* финансовые проблемы? Как когда-то у «Aktiengesellschaft zur Förderung der Luftschiffahrt»**?

— Нет, нет... — Граф подался вперёд и полушёпотом, словно боялся разбудить спящего на шкафу кота, которого заметил минутой ранее, произнёс: — Я хочу отыграть свою душу.

Возникла пауза. Сфинкс на шкафу приоткрыл один глаз.

Мужчина в чёрном выпустил струйку дыма, посмотрел в потолок, кивнул каким-то своим мыслям и снова опустил взгляд на Фердинанда. В кабинете с каждой секундой становилось жарче. Граф попытался расстегнуть верхнюю пуговицу, но руки дрожали.

— Что ж, — сказал наконец-то хозяин кабинета. — Voran***! Давайте сыграем, граф. Только, что вы можете поставить на кон? Второй души у вас нет.

— Я не знаю. Думал, что вы...

— Думали? Это подход игрока, садящегося за игорный стол без денег. Вдруг кто-нибудь польстится на его золотые часы и серебряный портсигар. И с такой надеждой вы преодолели столько ступенек?

— Шестьсот шестьдесят шесть, — вырвалось у фон Цеппелина.

— Что?!.. А, вы об этом. Ужасно банально, не находите? — Мужчина в чёрном глубоко затынулся. — Ладно, пойду вам навстречу. В случае проигрыша, вы будете работать на меня военным инженером. Разумеется, после окончания земного срока. Кровью распишитесь в преданности и полной самоотдаче. Конечно, я могу завербовать вас и так, комнаты этажами выше легко ломают строптивость, но... мне нужны сильные души, подписанные словом и обязательствами, а не болью. Из таких получаются настоящие демоны. Злые и голодные до свершений.

— Демоны? — Граф побледнел.

— Ага! У вас будет сильное тело и море работы.

В стеклянных часах на тумбочке бесшумно сыпалась через узкое горлышко костяная мука.

— Я согласен, — тихо выдохнул граф.

Его собеседник хлопнул в ладони.

— Отлично! Давненько я не развлекался. Во что будем играть?

— В покер.

— О! Излюбленная игра американских матросов, которую любезно описал Джонатан Грин.

Ладони снова хлопнули. На столе появилась колода карт.

— Не против, если моими? — Граф осторожно отвернул лацкан пиджака.

— Ха! А вы мне нравитесь, Фердинанд. Та же хватка, что и в первый раз.

— Только немного дрожат руки, — словно оправдываясь, сказал граф и позволил себе расслабиться.

Смех помог немного снять напряжение.

Сигара в руке хозяина кабинета походила на уменьшенную модель его первого дирижабля LZ-1. И это тоже по-своему успокаивало.

Мужчина в чёрном с прищуром посмотрел на вскрытые карты графа. Потом налил себе коньяка, выпил и откинулся в кресле.

— Старый плут, да вы выиграли!

Граф сгрёб «банк» к куче своих фишек, роль которых играли жёсткие чешуйки неизвестных фон Цеппелину существ. На противоположном краю стола не было ни одной чешуйки.

— Как вы это делаете? Краплёные карты я распознал бы сразу! Шли с двумя парами, не испугавшись моей ставки?!

Граф достал платок и протёр лицо. Его нервировало худое беспшёрстное создание, свернувшееся калачиком на коленях. словно почувствовав это, кот поднял мордочку и зашипел.

Граф натянуто улыбнулся.

«Я выиграл», — подумал он, и тут же его одолела прекрасная слабость. Даже сфинкс вдруг показался милым и пушистым.

— Как, граф? Неужели мой блеф был столь явен?

Фон Цеппелин устало пожал плечами.

— Для меня — да. Я готовился к этой игре, Князь. Последние пять лет. Начал, когда ещё и не знал, что снова осмелюсь спуститься сюда. Игорные клубы Германии и Великобритании стали моим домом. И я учился.

— Читать блеф?

— Читать игроков. Изучал психологию покера. Систематизировал жесты и другие подсказки, способные помочь.

— Я восхищён, граф. Можно услышать хотя бы некоторые? Хочу понять свои просчёты!

— Почему нет? Когда вы смотрели на карты и мгновенно делали ставку, я знал, что вы вряд ли блефуете. А когда пристально глядели в свои карты — делал вывод о слабости вашей комбинации.

— Поразительно! Видимо, я мало внимания уделял этой игре, но теперь наверстаю упущенное. Чувствую, покер станет моим наркотиком. Ха! Ещё, граф, ещё?

— Можно с большой вероятностью говорить о блефе, если игрок стремится как можно быстрее вскрыть карты. Так и случилось при последней раздаче.

— А ведь вы правы!

— Яростная или размашистая ставка обычно означает слабую карту. А мягкая — сильную. Следует остерегаться звуков, отражающих печаль. За ними чаще всего стоит сильная «рука». При отсутствии контраргументов, отвечайте на ставку любого игрока, прикрывающего рот рукой. Подлинная улыбка означает истинно сильную «руку», фальшивая улыбка означает блеф. Каждый жест относится к определённой категории, главное его распознать и применить лучшую стратегию. Действовать соответственно. Пасовать, увеличить ставку или осторожно подтвердить.

— Хотите сказать, что всё так просто?

— Нет. Чёткой тактики нет, ведь существует лишь малое количество крайне сильных и крайне слабых «рук». Большинство ваших решений будут сделаны по прихоти. И в последний момент. Но умение читать жесты поможет вам получать постоянную прибыль.

— Вот как...

В иссиня-чёрных зрачках отчётливо плясали хвосты пламени. Князь ослабил узел галстука, встал и по-

шёл к рабочему столу у зашторенной стенной ниши. Граф выпил рюмку, простоявшую полной большую часть игры.

Снова разболелась голова, пожаловались кости. Кажется, поднялась температура.

Хлопнул ящик. Зашуршали бумаги.

— Ещё один вопрос, граф, — сказал хозяин кабинета, протягивая договор на душу Фердинанда Адольфа Хайнриха Августа, графа фон Цеппелина. Граф поспешно спрятал листок. — Ваши мотивы? Вы хотели вернуть душу из-за банального страха, чувствуя приближающуюся смерть?

Граф, в третий раз за время, проведённое под землёй, улыбнулся. Он покачал головой, аккуратно положил kota на ковёр, наклонился через стол и прошептал ответ.

Проигравший подался вперёд и внимательно выслушал.

— Очень глупо, граф, — сказал мужчина в чёрном спустя несколько секунд. — Ха! В вашем-то возрасте! И такие глупости!

Граф не обиделся. Его седые усы словно светились.

— Только глупости и позволяют мне забыть о годах. Делают меня молодым.

— Что ж. Было приятно сыграть с вами. И проиграть. Не смею больше задерживать.

Граф фон Цеппелин попрощался и проворно оказался за дверью. Обитая кожей, без табличек, без ручки. Дверь закрылась сама по себе.

Шаги отозвались глухим эхом, всполошили летучих вампиров.

Перед ним возникла лестница.

— Я у тебя выиграю, — произнёс граф, глядя на поднимающиеся в сумрак ступени. — Вот увидишь. Шестьсот шестьдесят шесть раз.

Когда граф фон Цеппелин выбрался на поверхность, первым, что он услышал, было пыхтение паромобилия. Он обогнул насыпь, проковылял через полуразрушенные ворота и махнул водителю.

Тот поспешил помочь хозяину: дойти и забраться в салон.

Внутри «Horch» граф почувствовал себя лучше.

— Домой, — приказал он и закрыл глаза.

Всю дорогу он думал о Аделинде.

В Берлин въехали вечером. Опережая закат.

— Ах, моя любовь, это так романтично! Снова подарок?

Аделинда сидела на кровати. Прозрачный балдахин нависал над ней, будто крона диковинного дерева. Молодая и влекущая. Такая свежая и такая воздушная. Все те Любви, что были и что так и не случились в жизни графа, казались сейчас опавшей листвой, которую замёл снег. Он разрубил гордые узел былых страстей и привязанностей, даже любовь к небу, чтобы посвятить себя этому существу, всецело, упоительно.

В агрессивном закатном солнце его Любовь, его девочка выглядела загадочным цветком, тянущимся в красные отсветы.

Она подняла к нему свои тонкие руки. Хрупкий двадцатилетний ребёнок с глубокими холодноватыми глазами. Он влюбился в эти глаза. Да, сначала именно в них. Он хотел, чтобы они улыбались, хотел растопить несвойственный юности холод...

Глупый старик. Обретший на пути к восьмому десятку лет свою настоящую любовь. Счастливый старик.

Граф протянул Аделинде пожелтевший лист бумаги.

— Что это, милый?

— Я дарил тебе всё, что можно представить, всё, что можно купить. Все эти два чудесных года. Но я не мог подарить тебе самого главного — себя, без остатка.

— Это... — Глаза девушки побежали по строчкам. Ресницы дрожали.

— Моя душа, — сказал граф. — Теперь она принадлежит тебе.

И её глаза улыгнулись. Это стоило любого путешествия.

Любого.

Даже в преисподнюю.


На всех стенах — кроме занятой от пола до потолка книгами — горели свечи. Пахло табачным листом и сырым камнем.

Хозяин кабинета спрятал договор на душу графа фон Цеппелина в стол.

— Отлично, Аделинда или как там тебя на этот раз зовут, наш контракт продлён. Итак, ещё тридцать лет молодости, моя дорогая. Итого — почти сто лет с тонкой талией. — Мужчина хрипло рассмеялся. — Какое-никакое, а бессмертие. О котором Фердинанд позабыл похлопотать. — Вельзевул бросил взгляд на собрание трудов философов. — Как знать, может, он был прав. Накину ещё пять лет, если выполнишь одну мою просьбу.

— Какую? — Старуха с молодым телом и почти столетней душой, которая, впрочем, давно ей не принадлежала, боязливо подняла глаза.

«Глупость, — подумал Вельзевул, отыскивая сочинения Гегеля. — Есть глупость от знания и упрямства, а есть глупость от бездны невежества, нежелания познать... и есть глупость сердца».

— Проведи их с графом. Was ist das Leben ohne Liebesglanz? Скрась старику последние годы жизни... 

* «Воздушное судостроение Цеппелина».

** «Акционерное общество содействия воздухоплаванию».

*** Вперёд (нем.)

Зефы



Иван Жеребилов

Родился в 1987 году в городе Краснодар. Окончил Краснодарский гуманитарно-технологический колледж по специальности «садово-парковое и ландшафтное строительство». Является студентом филологического факультета КубГУ. Стихи издавались в журнале «Странник» (№ 3, 2010 год); рассказ «Я иду по воздушной дороге» публиковался в альманахе «Полдень XXI век» (июль 2012).

Приклад лягнул плечо, и от раструба к катеру охраны протянулся дымный шлейф. Почти сразу вспух огненный шар у борта, машина, завалившись на бок, ушла к земле. Следом рухнул пассажирский челнок и катер из хвостового охранения. Отработали. Теперь не зевай.

— Не зевай! — заорал Хорхе. — Огнемёты готовы!

С ними по-другому нельзя — только огнемётами. Хотя крупнокалиберный пулемёт тоже себя неплохо показывает. О чём я думаю? Гранатомёт отбросил, перекинул автомат со спины. Я в самую жару не полезу, меня берегут.

— Огнемётчики, в круг!

Это уже Купинов — командир звена огневой поддержки. Большой человек, обещал за пару кило чистого меня к себе взять. А что? Неплохая перспективка. Да, у них там опаснее, зато боевые побольше, да и трофеи... Это тебе не в оцеплении стоять — огнемётчикам все сливки достаются. Где только столько чистого взять? Я скопил полкило, но... Мой сектор — катер, что я подбил. Хорошо так положил заряд — аккуратно в двигатель. Там от жара должно уже всё оплавиться. Такая у них конструкция, у этих катеров — одна искра и выгорает всё к такой-то матери. На пузо упал, автомат на кочке пристроил. Рядом, у соседней кочки, Пак сопит. Хороший он парень, меткий, но сопит. Вроде и не толстый особо, чтоб одышка была. Видно, физиология. В разведку с ним не пойдёшь, а тут — милое дело.

— Подошли? — спрашивает. — Как думаешь?

— Сгорели, думаю. Полыхает же.

Катер уже как факел пылает.

— Жаль, сторит всё, — Пак носом потянул. — Хоть бы чуточку...

— Потерпишь, — ответил я, а сам подумал, что и вправду бы неплохо было урвать чего...

Чуть в стороне заревели огнемёты. Зефов так просто не грохнешь, они живучие как тараканы. Я обернулся,

взглянул на сбитый пассажирский. Из развороченного люка уже вывалилась массивная белая туша. По ней работали четверо. Остальные шесть «держали» люк. Эти твари меньше, чем по трое, не летают. Вроде на мгновение только отвлёкся, а Пак уже заверещал, следом, почти сразу, загавкал автомат. Длинными. Я глянул на челнок и выматерился: из дыры в корпусе один за другим выскочили четыре гибких фигуры. Проклятье! Это ещё как?!

— Кончай палить! — заорал я, пытаясь непослушными пальцами нащупать свисток.

Нашёл кое-как. Засвистел — три коротких, один длинный, потом ещё один короткий.

— Мечники! — Голос у Хорхе, как труба полковая.

Мечников у нас всего четыре человека. Редкие они. Ценные. Но против харибо никто, кроме них, не выйдет. Тем пули — как мамонту рогатка. Мимо меня скользнула фигура — Саня Любимов, старший. За ним Костя Воловой, Энрике Гонзалес и Густав Минц. Тёртые ребята. У Сани «ублюдок», почти с него самого длиной, остальные тоже с солидно вооружены. Только Костя, казак недобитый — в каждой руке пашка.

— Валим! — взвизгнул Пак.

— Стоять! — рявкнул я. — Совсем мозги отбил? Мечников кто прикроет?

Он пробормотал что-то, но я уже не слушал — поймал на прицел первого противника. Сильно, конечно, их не потрепем, но если по конечностям бить, то рубкам нашим чуточку легче будет. Автомат затрясся в руках... Когда Гюнтер развалил почти пополам последнего харибо, я наконец-то позволил себе расслабиться немного. Обернулся. Огнемётчики уже зефов прикончили, сбрались вокруг, жрут теперь — отрывают куски от тел и жрут. Ещё бы. Вкусно же. Сладко. Чуть в сторонке уже упакованные в мешки два тела. Это те, кому не повезло. Глянул на мечников — тоже лопают так, что только

зубы стучат. Потом буду животы болеть. Да им плевать. Дикари. Ещё шесть лет назад мы были нормальной загрязненной планетой, страдающей от внутренних конфликтов, политических дряг и шоу-бизнеса. Но в один далеко не прекрасный день появились зефы... Что там отбирают у землян пришельцы в фантастике? Нефть, уран, воду наконец... Зефы отобрали у нас то, без чего, казалось, мы вполне могли прожить — сахар. А заодно пчёл и тёплые материка с фруктами. Каково? Мы всегда воображали себе диких роботов, ящеров, многоруких великанов, но Землю покорили сладости — зефирные люди, желейные люди, леденцы. Жизнь, построенную на основе сахара, не мог себе представить ни один физик-психопат. Но она была. А теперь мы, обессиленные, сражаемся за мир, в котором мы поглощаем сахар, а не сахар поглощает нас. И мы будем биться! Биться...

— Опять мечтаешь? — спросила бабушка, отставляя чашку.

Я только молча кивнул и передвинул фигурки солдатиков к четверым рыцарям, замершим у пакетика с резиновыми мишками.

— Кто на этот раз захватил Землю?

— Зефир и конфеты.

От неё скрывать бесполезно — сразу раскусит.

— И какие меры приняло правительство? — заинтересовалась она.

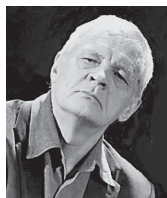
— Правительство пало. Сопротивление держится на партизанских отрядах.

— Но мы же победим?

— Положение серьёзное, — ответил я. — Сил мало, а без углеводов тяжело.

— Думаю, отчаиваться рано. — Бабушка сурово сдвинула брови. — Я сейчас поставлю чайник, и мы им покажем! Готовь войска к бою! **У**

Вирус ДПП



Евгений Кунин

Родился 28 ноября 1947 г. в Ленинграде. Закончил архитектурный техникум, получил высшее социологическое образование, работал страшим научным сотрудником в Институте социологии АН СССР. В 1970-х гг. занимал должность заместителя председателя горисполкома г. Альметьевска, руководил семейной психологической консультацией, вёл ряд социальных проектов. В 1980-90-е гг. занимался вопросами образования, стал победителем конкурса авторских школ, основателем и руководителем частной школы «Диалог». Тогда же в г. Пушкин (Ленинградская область) Е.Е. Куниным было организовано учреждение культуры нового типа (УКНТ) «Современник», включавшее авторский театр «Дромос» и вокальные ансамбли. Евгений Кунин более 30 лет руководит детским летним лагерем «Ладога» на побережье Ладожского озера. Занимается психологическим консультированием, коучингом, автор ряда уникальных лекционных и тренинговых программ. В последние годы уделяет особое внимание литературной и театральной деятельности, является председателем Межрегиональной ассоциации литераторов-любителей «Ладога». Женат, отец восьмерых детей, живёт в Санкт-Петербурге.

Джим Джефферсон сидел в рабочем кресле, откинувшись назад больше обычного. Газета, которую он читал, соскользнула на пол. Он уже более получаса размышлял над встретившейся ему небольшой заметкой, вернее, кратким сообщением о том, что вчера был зверски убит его коллега, журналист Том Болански. Растерзан неизвестными вместе со всей семьёй.

Джим помнил, как в редакции Том настаивал на публикации, хоть в самом свёрнутом виде, материалов специальной объединённой комиссии ООН и Всемирной организации здравоохранения, в которой они оба работали. Публикация эта появилась. Вслед за ней, почти сразу же, в большой популярной газете была напечатана статья на полполосы: «Кто смеет клеветать на здоровье нации?!» С тех пор не прошло и недели — убили Тома.

Джим чувствовал: на него медленно напозаает страх, напозаает и... тут же тонет в глубинах какой-то безмерной опустошённости...

Он не думал о том, что его ожидает. Просто погружался в пустоту и неподвижность. Промелькнула мысль: «Может быть, именно так убивает людей этот вирус ДПП? XXI век заканчивал свой стремительный бег. Человечеству было чем его завершать. Побеждены такие напасти, как СПИД, Эбола, по словам газет, «в общем и целом» побеждён рак. И люди с полным правом праздновали...

Комиссия, в которой работали Джим и Том, так и не получила внятного статуса, и тем не менее, результаты её работы показывали празднующему и гордящемуся человечеству совсем иной образ ситуации в мире.

Вселенская катастрофа, которой занималась комиссия, была в рабочем порядке названа «вирус

ДПП» — детско-подростковой подмены. Как показывали результаты исследований, он захватил уже почти всю планету. Катастрофа заключалась в том, что человечество перестало взрослеть и, как следствие, мало кто из его представителей мог принимать адекватные, взвешенные решения.

Внешне люди походили на взрослых, физиологические законы по-прежнему работали, поэтому человека в сорок и пятьдесят лет можно было отличить от пятнадцатилетнего подростка. Но возраст осознавался как проблема. Всё более модным становилось выглядеть моложе, желательно лет на «... дцать». Те, у кого было много денег, вкладывали почти все ресурсы в то, чтобы кожа и тело были «как у двадцатилетних». Соответственно одевались, вели себя так же. Морщины и седины казались чем-то ужасным, словно заразное заболевание. «Быть мудрым», «встречать старость с достоинством» — забытые лозунги начала XXI века уже никого не вдохновляли.

Интересы и развлечения тоже были детскими или подростковыми. Кто круче? Кто лучше делает? Кто самый-самый? После унёсшей жизни нескольких тысяч человек войны, которую мировые лидеры, не скрывая, затеяли исключительно ради демонстрации новых военных «игрушек», был снова подписан мирный договор, контроль за выполнением которого был возложен на искусственный разум. Система уничтожала каждого, кто пытался выпустить любую боевую ракету. Военные разработки и учения были полностью прекращены, благодаря чему последние 30 лет человечество жило мирно.

Размышляя об этом, Джим вспоминал своих коллег. Он вдруг осознал, что ни ООН, ни ВОЗ специально не собирали эту комиссию — наоборот, он,

Джим, Том, ещё 3–5 человек по факту сами назначили себя ей, ООН и ВОЗ не возражали или делали вид, что не возражают. Джим отчётливо помнил тот день, когда ему позвонил Том и рассказал о людях-мутантах. Он так и сказал: «Такое ощущение, что они чем-то больны, как будто новый вирус...»

Уже позже, анализируя происходящие события, социологические исследования и систему управления крупнейших организаций, они предположили, что у вируса есть две стадии. На первой человек ещё более-менее понимает, что, похоже, он не повзрослел, хотя вырос и формально считается взрослым, обладает всеми правами и обязанностями. Эта сохраняющаяся критичность заставляет людей заниматься поисками смысла жизни, они чувствуют непонятную тоску, понимают, что что-то важное не составляется, они что-то упускают.

На второй стадии заражённые вирусом делились на две категории — одни погружались в инфантильное и бессмысленное времяпрепровождение, утрачивали тягу к смыслам и великим свершениям, основной своей задачей считали выживание, хотя современное общество вполне позволяло без напряжённого труда обеспечить всё необходимое для существования. И, тем не менее, получение материальных благ осознавалось для них как самое основное. Завтра для них как будто не существовало, поэтому они изо всех сил старались наслаждаться сегодня, беря из окружающего мира максимум удовольствия — эмоционального, физического, интеллектуального. Любая информация о вирусе, вроде доклада комиссии или публицистических статей, как будто проходила мимо них, в лучшем случае вызывая сдержанное удивление и непонимание.

Больные другой категории на этой стадии, наоборот, старались активно опровергнуть все заявления о вирусе, стремились любой ценой замять информацию о болезни, будто защищая её. Те, у кого болезнь проявлялась в крайних формах, не останавливались ни перед чем. Джим без всякого расследования был уверен, что Тома и его семью убили именно такие «фанатики» новой болезни. Только они отличались подобной жестокостью. Джим даже предположил, что, видимо, вирус вызывает генную мутацию — ведь ещё в середине века большинство генов агрессии было нейтрализовано, из-за чего процент убийств и изнасилований упал почти до нуля.

Размышления о генах вывели Джима из оцепенения. Он, наконец, встал из кресла, заметив, что просидел неподвижно почти сорок минут — неслыханно долго для него — и подошёл к аппарату для приготовления напитков. Выбрал архаичную, но давно им любимую смесь цикория и кофе — «циркоф». Сделал глоток, другой, чувствуя, как голова становится ясной.

Джиму пора было готовиться к предстоящему выступлению на закрытом заседании делегатов от ООН и ВОЗ. Они ждут от его комиссии главных выводов и рекомендаций.

Кроме того, нужно предоставить не только описание симптомов болезни, но и ответ на вопрос, как происходит заражение. Неспроста чиновники ВОЗ настойчиво напирала на этот пункт, обязательный для анализа любых заболеваний. Если это вирус, значит, должен быть механизм заражения, простой и понятный как для чиновника, так и для обывателя.

Значит, всю массу факторов, которые приводят к невзрождению и пожизненному гиперин-

фантилизму, сейчас описывать в докладе не стоит. Слишком громоздко. Лучше назвать что-то одно, наиболее узнаваемое. Например, почти полное отсутствие полноценного, настоящего серьёзного общения между детьми и мужчинами (отцами и не только) в детстве (развлечения и игры по просьбам мам к взрослению не имеют отношения).

В результате мальчишки на всю жизнь остаются маленькими сыновьями. У них все важные вопросы решаются с мамой, по-женски, а не по-мужски. С девочками другая беда: у них нет чёткого образа подлинного мужчины, который бы посвятил себя настоящему делу, который бы ставил задачу преобразования действительности.

Ни отцы, ни другие представители мужского мира вокруг них этим не заняты, они посвящают всё своё время, таланты и способности тому, чтобы обеспечить быт, семью, досуг.

И девочки вырастают с представлением, что и их избранники должны также хлопотать вокруг семьи, обеспечивая её всем необходимым, что это и есть главная, первостепенная и, пожалуй, единственная задача мужчины, всё остальное — блажь или, в крайнем случае, хобби.

«Вот это, пожалуй, надо будет и предъявить, — подумал Джим. — Если организм лишит правильного питания, он начнёт болеть, если человека лишит качественного общения, то он получит вирус ДПП».

В этот момент раздалась тревожная музыка — сигнал телефонного звонка отражал настроение звонившего. На стенном экране возникла Лиза Жданович — давняя подруга и коллега по комиссии. Джиму показалось, что она непривычно долго и глубоко на него смотрит.

— Читал? Уже знаешь?

Джим кивнул, повисла пауза. Лицо Лизы было сосредоточено и проникновенно. Потом она спросила: «И что?..»

В ответ он только пожал плечами. Как он это сделал — ему не понравилось. Изображение Лизы исчезло, экран превратился в обычную стену. Он оставил чашку на столике и направился к письменному столу.

Работа — лучший ответ. Помимо вопроса о заражении, который Джим более-менее сформулировал, нужно было подготовить лаконичные и яркие описания проявлений вируса.

«Что ж, поработаем над этим», — сказал он себе, раскладывая бумаги с описаниями симптомов вируса ДПП, собранными членами комиссии. Перебирая листы, он читал: «... где живут, там и мусорят, всё труднее заставить за собой убирать, в этом — младенческая реакция «делать под себя»; планета зарастает отходами...».

«Рождений всё меньше. Большинство детей рождаются и живут вне семей. Детское состояние девочек-матерей, которых, предположительно, на планете абсолютное большинство, обрекает их детей на то, чтобы никогда не повзрослеть...».

«Подростковое стремление к «крутизне» во всём массово распространилась на те сферы жизни и деятельности, где «крутизна» совсем уж ни при чём... Ревнивое, вплоть до агрессии, отношение к собственности, воинственное навязывание своих мнений и идей, склонность пристрастно оценивать окружающих. При этом — неадекватная оценка самого себя. Большая активность в какой-либо сфере, где необходимо утвердить себя, вдруг резко сменяется опустошением, безразличием, ощущением собственной никчёмности — все эти

признаки проявлялись повсеместно, но особенно тяжело воспринимались у учителей, врачей и социальных работников. Имея большой объём знаний и доступ к самой разной информации, они, как правило, не могли решить простых жизненных ситуаций вроде коллективной договорённости или исполнения обещаний...»

Джим улыбнулся при взгляде на следующий отрывок: тему явно описывала Лиза.

Он узнал её эмоциональный и взволнованный стиль. «Для доклада нужно будет сделать сухую выжимку», — заговорил в нём внутренний редактор.

«В XXI веке научились консервировать чистую воду и воздух. Но самым большим дефицитом стала тишина, её законсервировать мы пока не смогли. Постоянное таракание автомобилей, роботов, жужжание дронов, визг летающих тарелок, стук поездов, гул самолётов, от этого шума человек не может спастись нигде, даже в лесу. Музыкальные «глушилки» распространены повсюду — нет такого места, кафе или скамейки в парке, где можно было бы уединиться, поразмышлять, настроиться на собственный ритм. А если к этому добавить огромную скорость жизни, которую люди уже перестали ощущать, переизбыток всевозможной информации, тесноту и плотность жизни в городе, то картина становится совсем скверной».

Джим вспомнил строчки, которые время от времени декламировал его дед: «Тишины хочу, тишины...»

Нервы что ли обожжены...». Обожжены и нервы, и душа, и сердце.

А на листах продолжалось перечисление: «Люди перестали рисовать, перестали читать, перестали петь...»

«Основная направленность подрастающего поколения — развлечения и игры, комфорт в быту и отношениях. Как только возникает любой конфликт — люди прекращают отношения. Проблема квалифицированных кадров обострена до предела...»

Джим заметил, что читает с всё возрастающим сопротивлением. Он не понимал, почему так. Ведь во всём этом для него, немолодого и опытного инженера, не было ничего, в общем-то, нового. Да и когда они в составе комиссии собирали этот материал, такой трудности он не испытывал. Почему же сейчас он чувствует напряжение? Может быть, вирус в нём переходит на вторую стадию, поэтому так сложно читать?

В этот момент прозвучала музыка, и на экране возникло изображение загорелого спортивного мужчины лет 45–50.

Судя по картинке, мужчина поднимался на лифте прямо в кабинет. Это был давний и близкий знакомый Джима Олег из России. Он любил простор и ветер и часто приглашал Джима кататься на яхтах по тёплым морям.

Олег был в обычном подпитии, в последнее время, видимо, всё более частом. В руках он держал очень старый по виду журнал.

На вопросительный взгляд Джима Олег привалился на диван из искусственной кожи и весьма сбивчиво изложил причину своего визита.

На одной из своих старых, начала века, яхт Олег обнаружил журнал, в котором было интервью с пожилым священником.

Джим взглянул на фото. Приятный пожилой человек в рясе. Вроде ничего особенного, но Джима поразил его взгляд. Даже сквозь старую бумагу и плохую печать он проникал прямо в душу. Это

был взгляд счастливого человека, в нём сияла радость. Не удовольствие, известное Джиму по современникам, а нечто глубокое — человек будто светился изнутри этим, почти незнакомым, состоянием.

Журналист спрашивал священника, в чём главная проблема людей. Тот отвечал: «Взрослых людей нет.

Конечно, возраст и опыт добавляют что-то, но полноценная взрослость не состоит никогда».

Этот ответ вдруг очень впечатлил Олега, и он задумался, а кто он есть? Взрослый ли он? И сделал несложное открытие, что, конечно же, нет. Какой уж тут взрослый! Ему под пятьдесят, а живёт он, как он сказал Джиму, как «мальчик-пенсионер».

Почему мальчик? Потому что всю жизнь играет в кораблики, развлекается на своих яхтах. Почему пенсионер? Потому что никаких серьёзных дел не делает, а денег для комфортного безделья ему более чем хватает.

И вот он пришёл к Джиму, не столько понимая, сколько чувствуя, что тот живёт иначе. Олегу хотелось выяснить: какое большое, настоящее, ВЗРОСЛОЕ дело он мог бы взяться делать?

В этот вечер они долго сидели вместе. Джим с некоторым облегчением отложил подготовку к докладу. Они впервые говорили так серьёзно и откровенно.

Спустя несколько часов мужчины, сидя за рабочим столом, с увлечением писали что-то на листе бумаги.

Если бы посторонний наблюдатель заглянул им через плечо, он бы увидел заголовок сценария фильма о захватившем человечество вирусе ДПП. **УС**



УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
www.uralstalker.com

03 (669) март, 2013

Приключения



УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
www.uralstalker.com

11 (665) ноябрь, 2012

**Под КАЙТОМ
по краю
земли**

Путешествия



УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
www.uralstalker.com

Краеведение
ВОГУЛЫ



УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
www.uralstalker.com

ябрь, 2011

Фантастика



**записки
объездного
врача**



Зуб акулы (возраст около 40 млн лет)
предоставлен
Уральским Центром камня

**След из бездны
времен**

Подпишись и читай! Индекс 73413



ф.СП-1

АБОНЕМЕНТ										73413				
на журнал										(индекс издания)				
Уральский следопыт. uralstalker.com														
на 20__ г. по месяцам										Кол-во компл.				
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12			
Куда														
Кому														
(фамилия, инициалы)														
Доставочная карточка														
ПВ	место	литер	на журнал										73413	
										(Индекс издания)				
Уральский следопыт. uralstalker.com														
Стои- мость		подписки		___руб. ___коп.				Кол-во компл.						
		перед- ресовки		___руб. ___коп.										
на 20__ г. по месяцам														
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12			
Куда														
Кому														
(фамилия, инициалы)														

Подпишись на журнал!

Аккуратно вырежь доставочную карточку. Заполни графу АДРЕС и приди в почтовое отделение. По каталогу Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» проводятся подписные кампании по России во всех отделениях ФГУП «Почта России» и в странах СНГ и Балтии, всего в более 40 000 отделений почтовой связи ФГУП «Почта России» и альтернативных предприятий.

Журнал будут приносить ежемесячно домой, в офис или в почтовое отделение «до востребования».

Наш индекс в каталоге Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» **73413.**